

АННА ФЛИН

ПРАВО ЛЮБИТЬ

Анна Флин

Право любить

«Автор»

2026

Флин А.

Право любить / А. Флин — «Автор», 2026

Пари в пять шиллингов должно было стать невинной шуткой. Но для Элеоноры Вейл оно оборачивается встречей с холодным наследником герцога, которого уже обещали другой. Таинственный подарок, встреча в тёмном проходе и запретный поцелуй превращают неприязнь в опасную страсть. Старые друзья становятся соперниками, а один неверный выбор грозит погубить её репутацию и разбить не одно сердце. Элеоноре предстоит понять, что сильнее: ослепляющий огонь или любовь, рядом с которой она может быть собой.

© Флин А., 2026

© Автор, 2026

Анна Флин

Право любить

Глава 1

К тому времени, когда Винсент Александр Харкорт, маркиз Ривенхолл, появляется в бальном зале Олдервик-парка, Элеонора уже успевает поставить последние пять шиллингов своих карманных денег на его помолвку с другой женщиной.

— До субботы, — уточняет Луиза Керси, пряча карандаш в складках перчатки.

Луиза невелика ростом, хрупка и так светловолоса, что при свечах её мелкие кудри кажутся почти белыми. Голубые глаза у неё слишком ясные для заговорщицы, а лицо слишком подвижное: всякая тайна сначала отражается на нём и лишь потом приходит ей в голову, что тайну следовало бы скрыть.

— До заключительного бала, — возражает Маргарет Коул. — Герцогиня не станет трогать такую новость на обычный вечер.

Обычным этот вечер может назвать только девушка, привыкшая к загородным домам, где для тридцати гостей освобождают длинную галерею, выписывают музыкантов из Лондона и зажигают в хрустальных люстрах столько восковых свечей, сколько семья Элеоноры расходует за полгода. Но Маргарет проводит в подобных домах уже третий сезон и давно научилась скучать среди великолепия.

Маргарет на два года старше Элеоноры, стройна, темноволоса и не принадлежит к тем красавицам, вслед которым оборачивается весь зал. Зато её серые глаза замечают всё, а прямые тёмные брови придают даже шутке убедительность приговора.

Элеонора заглядывает через её плечо в маленькую книжницу Луизы. На странице под именем лорда Ривенхолла выстроились суммы, даты и предполагаемые обстоятельства предложения. Кто-то ставит на прогулку у озера. Кто-то — на музыкальный вечер. Сама Луиза уверена, что маркиз преклонит колено в оранжерее, потому что там распускаются редкие белые камелии и потому что Луиза не представляет себе предложения без цветов.

Элеонора ставит на бал.

Не потому, что отличается романтическим воображением. Напротив, она полагает, что мужчина, подобный лорду Ривенхоллу, сделает предложение там, где его увидит наибольшее число людей.

— Пять шиллингов, — повторяет Луиза и неодобрительно приподнимает брови.

— Ты уверена?

— Если проиграю, до конца месяца не куплю ни одной ленты. —

Ты и в прошлом месяце их не покупала.

— Значит, я заранее подготовилась к поражению.

Луиза смеётся и записывает ставку.

Леди Лавиния Бомонт стоит в нескольких шагах от них и, разумеется, ничего не слышит. Она никогда не подслушивает, не оглядывается на смех и не спрашивает, о чём говорят другие девушки. Мир сам приносит ей всё достойное её внимания.

Высокая, тонкая, с почти чёрными волосами и светлой кожей, она напоминает не цветок, а покрытую инеем ветвь: прекрасную, холодную и слишком совершенную, чтобы к ней прикасаться.

Серебристый шёлк её платья отливает голубым при каждом движении. На шее лежит один ряд жемчуга, и Элеонора подозревает, что каждая жемчужина стоит дороже всех драгоценностей мамы.

Завидовать подобной женщине следует осторожно, чтобы зависть не превратилась в занятие на весь вечер.

Элеонора позволяет себе ровно один вздох, после чего расправляет складки собственного платья. Бледно-зелёный муслин служит ей второй сезон. Служанка Марта меняет отделку на рукавах, убирает с лифа прошлогодние розы и пришивает узкую белую ленту, благодаря чему платье производит впечатление нового — по крайней мере, на людей, не рассматривающих швы.

Леди Вейл стоит у стены рядом с тётей Беатрис и изучает дочь с такой сосредоточенностью, что Элеонора невольно опускает глаза к подолу.

Марианна Вейл когда-то считалась первой красавицей в своём небольшом графстве, и следы прежней красоты до сих пор заметны в тонких чертах лица, изящной линии шеи и больших ореховых глазах, которые Элеонора унаследовала почти без изменений. Только у дочери эти глаза смеются чаще, а у матери за последние годы приобретают настороженное выражение человека, привыкшего заранее искать повод для тревоги. Каштановые волосы леди Вейл уже тронуты серебром у висков и гладко убраны под кружевной чепец. Тёмно-лиловое платье подчёркивает её худобу и всё ещё напоминает о вдовьем трауре, хотя положенный срок давно истёк.

Рядом с нею Беатрис кажется почти вызывающе живой. Она старше сестры на четыре года, выше её, полнее и держится с той непринуждённой уверенностью, которую даёт женщине собственный доход и отсутствие необходимости кому-либо нравиться. В её тёмных волосах серебра уже больше, но она не прячет его и даже украшает причёску гребнем с гранатами. Такие же гранаты поблёскивают на груди густо-синего платья. У Беатрис выразительный рот, решительный подбородок и правая бровь, способная подняться так красноречиво, что слова часто становятся излишни.

Сейчас эта бровь поднимается, пока Беатрис наблюдает за встревоженной сестрой.

Элеонора знает этот материнский взгляд. Он уже успевает проверить её причёску, осанку, улыбку, глубину выреза и расположение белой ленты на лифе. Поэтому она опускает глаза. Пятно от дождевой воды почти высохло. Лента держится. Швы, к счастью, не разошлись.

Заметив её движение, леди Вейл немедленно отталкивается от стены и подходит. Она не идёт быстро — Марианна никогда не позволяет себе суетиться на людях, — однако сложенный веер в её руке постукивает по юбке чаще, чем обычно.

— Не трогай платье.

Элеонора убирает руку от подола и невинно расправляет пальцы.

— Я только проверяю, всё ли на месте.

Мать пробегает глазами по её лифу. Взгляд задерживается на новой ленте, под которой опытная женщина всё равно может заметить следы прошлогодней отделки.

— Люди замечают такие вещи.

— Какие именно?

— Что ты волнуешься. — Леди Вейл понижает голос и на мгновение касается локтя дочери, заставляя её выпрямиться. — Не сутулься. Первый вечер определяет всю неделю.

Эта неделя стала предметом обсуждения ещё за месяц до начала. Официально вдовствующая герцогиня Эшкомб собирает родных и ближайших знакомых в честь своего семьдесят второго дня рождения. Сам день рождения приходится лишь на среду, но Гонория Харкорт не видит причин ограничивать празднование одним вечером, если можно занять им восемь дней и заставить тридцать человек жить по составленному ею распорядку.

Гостей ожидают два бала, музыкальный вечер, прогулка к озеру, пикник, стрельба из лука, карточные партии и обеды, за которыми герцогиня намерена менять соседей по столу по собственному усмотрению. Мужчина, способный скрыться после одного танца в Лондоне, здесь вынужден на следующее утро встретиться с той же девушкой за завтраком, днём подать ей руку у лодки, а вечером снова увидеть напротив себя.

Именно поэтому матери незамужних дочерей принимают приглашение с такой поспешностью.

Впрочем, сама герцогиня относится к собственному дню рождения без малейшего благоговения. Настоящая причина этой недели — возвращение в общество её старшего внука. Винсент почти весь сезон отсутствует в Лондоне, и Гонория решает исправить это одним решительным ударом. Она приглашает в Олдервик подходящих мужчин, незамужних девушек, их матерей и ровно столько замужних дам, сколько требуется для соблюдения приличий. Леди Лавиния Бомонт получает приглашение первой.

Леди Вейл прекрасно всё это понимает. Поэтому её пальцы сжимают веер чуть крепче.

— Тогда лучше позволить всем сразу узнать правду, — говорит Элеонора. — Я собираюсь волноваться всю неделю.

Мать поджигает губы. На её лице появляется то терпеливое выражение, с каким она обычно выслушивает счета.

— Элеонора.

— Мама.

Они смотрят друг на друга одинаковыми ореховыми глазами. У Элеоноры в них мерцает улыбка. У матери — предупреждение.

— Марианна, если продолжишь так рассматривать дочь, люди решат, что продаётся именно платье, — замечает тётя Беатрис.

Она подходит неторопливо и становится рядом с Элеонорой, словно принимает её сторону в предстоящем сражении. Кончик сложенного веера касается её подбородка.

Леди Вейл поворачивает к сестре тяжёлый взгляд.

— Я всего лишь хочу, чтобы она произвела хорошее впечатление.

— Продолжай в том же духе, и она произведёт впечатление девушки, которую ведут на казнь.

— Благодарю, тётя, — тихо говорит Элеонора.

Беатрис едва заметно подмигивает ей.

— Не за что, дорогая. На казнь тебе ещё рано. Ты даже не успела потанцевать.

— Беатрис, — цедит леди Вейл.

Она уже открывает веер — верный признак того, что собирается произнести нечто резкое, но ответить не успевает. Беатрис переводит взгляд ей за плечо, и насмешка на её лице сменяется почтительной, хотя и не чрезмерно почтительной улыбкой.

К ним приближается хозяйка дома.

Вдовствующая герцогиня Эшкомб опирается на трость, в которой совершенно не нуждается. Чёрное полированное дерево заканчивается серебряной рукоятью в форме головы борзой. Гонория берёт трость лишь тогда, когда желает, чтобы перед ней расступались быстрее, и сейчас её появление действует безупречно: два молодых человека прерывают разговор, пожилая леди отступает к стене, а лакей с подносом меняет направление прежде, чем герцогиня успевает поднять глаза.

В свои семьдесят два года Гонория Харкорт остаётся прямой, зоркой и опасно внимательной. Она невысока, тонка и кажется почти хрупкой, пока не посмотрит на человека. Седые волосы уложены высоко и увенчаны старинной бриллиантовой диадемой, которую другая женщина побоялась бы надеть на семейный вечер. На её узком лице резко выделяются орлиный нос, тонкие губы и тёмные глаза, почти не потускневшие с возрастом. Светло-серое атласное платье лишено лишних украшений; герцогине не требуется блеск, чтобы напоминать окружающим о своём положении.

Она останавливается перед женщинами и дважды постукивает тростью по паркету.

— Беатрис, — произносит герцогиня.

— Гонория.

В голосе Беатрис звучит почтение, но реверанс её короче, чем допускает леди Вейл. Они знакомы почти тридцать лет, пережили двух королей, нескольких общих родственников и один скандал, о котором ни одна не соглашается рассказать Элеоноре.

Герцогиня задерживает взгляд на гранатах Беатрис.

— Ты по-прежнему носишь это чудовищное ожерелье.

Беатрис касается камней кончиками пальцев.

— Только в домах, где уверена, что его оценят.

Тонкие губы Гонории едва заметно дрожат.

Затем она поворачивается к леди Вейл. Марианна приседает в глубоком реверансе и улыбается чуть напряжённее, чем следует. Герцогиня замечает и напряжение, и поношенный край её перчатки, и отсутствие сапфировой броши, которую леди Вейл носила в прошлом сезоне. Однако не смотрит на неё с жалостью. Гонория считает жалость чувством бесполезным и потому особенно оскорбительным.

Наконец её взгляд переходит к Элеоноре.

Осмотр начинается с причёски, задерживается на лице, скользит к платью и возвращается к глазам. Элеонора чувствует себя лошадью, которую собираются приобрести, и лишь присутствие тёти мешает ей проверить зубы языком.

— Ваша дочь хороша собой, Марианна, — заключает герцогиня.

Леди Вейл расправляет плечи. Облегчение мелькает на её лице так быстро, что посторонний мог бы его не заметить.

— Благодарю, ваша светлость.

Гонория медленно поворачивает к ней голову.

— Я сказала это не вам.

Улыбка леди Вейл застывает. Беатрис опускает глаза, пряча веселье.

Элеонора приседает в реверансе. Поднимаясь, она встречает взгляд герцогини и не отводит его.

— Тогда благодарю я, ваша светлость.

Несколько мгновений Гонория рассматривает её неподвижно. Затем в уголках её губ происходит едва заметное движение — не улыбка, но обещание того, что улыбка в принципе возможна.

— И, кажется, умеет отвечать за себя.

— Не всегда вовремя, — торопливо произносит леди Вейл. Её пальцы снова сжимаются на веере. Она желает поддержать похвалу и одновременно предупредить герцогиню, что не поощряет дерзость дочери.

— Вовремя умеют отвечать дворецкие, — сухо возражает Гонория. — От молодых женщин я ожидаю большего.

Элеонора опускает ресницы, скрывая улыбку. Беатрис не скрывает своей вовсе. Леди Вейл, напротив, выглядит так, словно ещё не решила, оказана её дочери честь или вынесено предупреждение.

Гонория принимает это решение за неё.

— Надеюсь, мисс Вейл, вы не намерены всю неделю стоять у стены и проверять собственное платье.

Элеонора невольно прижимает руку к юбке, затем замечает взгляд герцогини и убирает её.

— Нет, ваша светлость.

— Хорошо. Для украшения стен я уже приобрела картины.

Герцогиня коротко кивает и движется дальше. Серебряная борзая на её трости поблёскивает в свете люстр, а гости расступаются перед ней ещё до первого удара о паркет.

Беатрис берёт сестру под руку и уводит её обратно к стене.

Элеонора нравится герцогине в эту минуту. Ни одна из них пока не понимает, сколько неприятностей принесёт это расположение.

Элеонора снова чувствует на себе взгляд матери и знает: теперь леди Вейл следит за мужчинами в зале. Не из праздного любопытства и даже не из материнского тщеславия. Леди Вейл считает возможности — одну за другой, словно монеты в кошельке, на дне которого уже показывается подкладка.

Элеоноре необходимо выйти замуж в этом сезоне. Не когда-нибудь, не после ещё одной зимы и не тогда, когда встретится человек, способный пробудить в ней возвышенное чувство. Желательно до конца лета.

В крайнем случае — получить предложение, достаточно твёрдое, чтобы осенью можно было объявить о помолвке.

Третьего сезона у них не будет.

Этот, второй, становится возможен лишь благодаря тёте Беатрис, взявшей на себя плату за лондонский дом, карету и содержание лишней служанки. А Леди Вейл продала сапфировую брошь, принадлежавшую ещё её матери, и уверяла дочь, что всё равно давно её не носит. Элеонора сделала вид, что верит. В их семье теперь принято щадить друг друга при помощи лжи, слишком очевидной, чтобы считаться обманом.

Прошлый сезон нельзя назвать несчастливый. Несчастливая девушка хотя бы знает, на что жаловаться. Элеонора почти не сидела у стены, получала цветы, танцевала до боли в ступнях и три месяца слушала, что её голос очарователен, улыбка необыкновенно мила, а будущий муж непременно станет предметом всеобщей зависти.

Только становиться этим будущим мужем никто не пожелал. Молодые люди охотно искали её общества, пока разговор не переходил к приданому. Потом один вспоминал о долге перед семьёй, другой обнаруживал внезапную склонность к путешествиям, а третий через две недели объявлял о помолвке с девушкой, обладавшей пятьюдесятью тысячами фунтов и весьма обыкновенной улыбкой.

К концу сезона Элеонора усвоила простую истину: нравиться мужчине и представлять для него подходящую партию — не одно и то же.

Теперь ей двадцать три. Возраст ещё не вызывает жалости, но новизна уже исчезает. В следующем году в Лондоне появятся новые восемнадцатилетние девушки — свежие, неизвестные и, что особенно важно, богатые. Элеонора же станет той самой мисс Вейл, которую все знают, с которой многие танцевали и на которой почему-то никто не женился.

Поэтому она волнуется. Не из-за пятна на подоле и не потому, что мечтает получить первого попавшегося мужа. Её пугает необходимость выбрать прежде, чем право выбора исчезнет. Она не хочет всю жизнь зависеть от тётиной доброты, считать свечи, перешивать старые платья и видеть, как мать продаёт последнее украшение с той же улыбкой, с какой прежде надевала его на бал.

Неделя в Олдервик-парке может дать ей больше, чем три месяца лондонских вечеров. Здесь никто не исчезнет после одного танца. Гости завтракают за одним столом, гуляют по одним дорожкам, проводят вместе дождливые часы и каждый вечер встречаются снова.

За семь дней мужчина успевает не только заметить девушку, но и привыкнуть искать её взглядом. Именно на это надеется леди Вейл.

Подходящих, по её подсчётам, здесь не меньше дюжины.

Старшие сыновья, младшие сыновья с хорошим содержанием, один вдовец без заметных недостатков, два баронета и мистер Хью Фэрчайлд, который обладает собственным доходом, приятной улыбкой и редким даром не говорить о лошадях дольше пяти минут.

Элеонора оценивает список строже.

Один из старших сыновей смотрит на женские лица лишь затем, чтобы проверить, восхищаются ли они им. Вдовец привозит с собой рассказы о шестерых детях и, вероятно, ищет

не супругу, а бесплатную гувернантку. Один баронет за ужином выпивает больше вина, чем воды. Второй ещё не произносит при Элеоноре ни слова, зато успевает дважды заглянуть в вырез её платья. Остаётся мистер Фэрчайлд.

Мать продолжает считать. А Элеонора продолжает улыбаться, потому что именно ради этой возможности они обе приезжают в Олдервик.

И всё же внимание зала принадлежит мужчине, которого ещё нет.

До той минуты, когда двери открываются.

Винсент входит без спешки. Ему не требуется останавливаться на пороге, чтобы дожидаться тишины; тишина сама пробегает по комнате, затрагивая разговоры один за другим.

Первой оборачивается Луиза. Следом Маргарет. Потом музыкант, настраивающий скрипку, берёт неверную ноту.

Элеонора смотрит последней — отчасти из упрямства, отчасти потому, что хочет проверить, действительно ли один человек способен изменить выражение тридцати лиц.

Оказывается, способен.

Она уже видела Винсента Харкорта. Не сегодня и не в этом сезоне, но достаточно часто в прошлом году, чтобы узнать его сразу.

Впервые — в залах Олмака, где он появляется после начала танцев и одним своим опозданием производит больше шума, чем десяток пунктуальных мужчин своим присутствием. Во второй раз — на балу у леди Хаттон. Тогда он танцует только дважды, оба раза с леди Лавинией, а остаток вечера проводит у колонны, окружённый людьми, которые смеются раньше, чем он заканчивает говорить. В третий — на благотворительном концерте, откуда уезжает прежде, чем хозяйка успевает представить ему половину приглашённых девушек.

Элеонора ни разу с ним не разговаривала. Для разговора требуется официальное представление, а никто из общих знакомых не считает необходимым подвести наследника герцога к бедной дочери баронета.

Они появлялись в одних залах, слушали одну музыку и иногда стояли не дальше десяти шагов друг от друга, однако эти десять шагов заполнены титулами, состояниями и людьми, более важными, чем мисс Вейл. Элеонора знает его имя, положение и репутацию. Винсент не знает о ней ничего. И не помнит её.

А в нынешнем сезоне они не встречались вовсе. В начале весны герцога Эшкомба настигает тяжёлый приступ подагры, и Винсент почти три месяца проводит в семейном поместье, разбираясь с управляющими, арендаторами и ущербом от бесконечных дождей.

Его отсутствие не мешает лондонским матерям обсуждать его намерения, а молодым женщинам — покупать новые платья в расчёте на его возвращение.

Элеонора тоже слышит разговоры.

Лорд Ривенхолл возвращается в Лондон. Лорд Ривенхолл непременно посетит Олдервик. Лорд Ривенхолл наконец сделает предложение леди Лавинии.

Теперь он стоит перед ней, впервые за год, и Элеонора с некоторым удовлетворением обнаруживает, что не ошиблась в своих воспоминаниях. Он выше большинства мужчин в зале. Чёрный вечерний фрак подчёркивает ширину плеч, белоснежный шейный платок повязан безукоризненно, но без той вычурности, которая выдаёт многочасовой труд камердинера. Тёмные волосы уложены просто. Резкие черты лица кажутся почти неподвижными, а взгляд скользит по гостям со спокойной уверенностью человека, заранее знающего, что его рады видеть.

Ничуть не изменился, решает Элеонора. Всё тот же великолепный индюк, которому достаточно распушить хвост.

Винсент приветствует бабушку. Его лицо смягчается лишь на мгновение, когда к нему подходит юная леди Сесили. Он склоняется к сестре, выслушивает её торопливый шёпот и отвечает так тихо, что она улыбается.

Значит, умеет, думает Элеонора. Просто расходует улыбки только на родственников.

Леди Лавиния поворачивается к нему.

И вот тогда все ставки начинают казаться разумными.

Они похожи не чертами, а законченной правильностью. Будто один художник сначала пишет мужской портрет в чёрном и белом, а затем женский — в серебре и жемчуге.

Винсент подходит к Лавинии, кланяется и целует воздух над её перчаткой. Она отвечает спокойной улыбкой женщины, для которой подобное внимание давно перестаёт быть событием.

— До субботы, — шепчет Луиза. Она произносит это с горячей убеждённости человека, готового расстаться с пятью шиллингами ради торжества собственной правоты.

Сейчас она прикрывает ладонью уголок книжки и украдкой поглядывает на Лавинию.

— Сегодня, — возражает Маргарет и одним точным движением раскрывает веер, скрывая нижнюю половину лица. — Посмотрите, как они стоят. Осталось только позвать священника.

Сейчас над краем веера видны только её глаза; они следят за Винсентом и Лавинией с холодным вниманием судьи.

Винсент что-то говорит Лавинии. Та слегка поворачивает голову, позволяя свету скользнуть по гладкой линии щеки, и отвечает ему спокойной улыбкой. Даже её внимание выглядит милостью.

— Не сегодня, — решает Элеонора. — Он ещё не успел убедиться, что все смотрят.

Она склоняется ближе к подругам и говорит своим низким, мягким голосом, который заставляет самые колкие слова звучать почти ласково. В её ореховых глазах пляшут золотистые искры, а уголок рта приподнимается.

— Как предусмотрительно с вашей стороны дать несчастному джентльмену время до завтра.

Мужской голос раздаётся у неё за спиной.

Луиза вздрагивает всем своим маленьким телом и захлопывает книжицу так резко, что едва не прищемляет собственную перчатку. Карандаш выскальзывает у неё из пальцев; она ловит его у самой юбки и прижимает книжку к груди, словно это молитвенник, а не перечень пари на чужую помолвку.

Веер Маргарет замирает посреди взмаха. Только на миг — затем она снова принимается обмахиваться с таким достоинством, будто ничем иным не занимается весь вечер. Однако румянец, медленно поднимающийся от шеи к скулам, выдаёт её.

Ещё мгновение назад они втроём распоряжались будущим наследника герцога; теперь обе подруги поворачивают головы к Элеоноре.

Луиза смотрит умоляюще. Маргарет — требовательно. Ни одна не произносит ни слова, но смысл одинаков: именно Элеонора втянула их в этот разговор, следовательно, именно Элеонора обязана спасти их общую честь.

Она оборачивается слишком быстро. Выбившаяся из причёски прядь падает ей на щёку. Девушка сдувает её лёгким движением губ — привычка, появляющаяся всякий раз, когда Элеонора теряется и особенно не желает этого показывать.

Перед ней стоит мистер Фэрчайлд. Смущение, которое она успешно скрывает от половины лондонского общества, немедленно добирается до щёк.

Это досадно. Ещё досаднее, что Хью замечает: его взгляд на мгновение задерживается на её лице, и в нём появляется тёплое, почти довольное выражение.

Он красив не той безупречной, суровой красотой, которая заставляет зал затихнуть при появлении Винсента Харкорта. В лице Хью всё располагает к разговору: открытый лоб, прямой нос, легко улыбающийся рот.

Светло-каштановые волосы уже чуть растрёпаны, словно он по привычке проводит по ним рукой, когда задумывается. Карие глаза кажутся добрыми даже сейчас, когда в них вспы-

хивает насмешка. Он не смотрит ни на книжицу, ни на карандаш, который Луиза безуспешно прячет в складках юбки. Лишь улыбается одним уголком рта, складывает руки за спиной и терпеливо ждёт, пока девушки решат, какую именно ложь предложить ему первой.

Он нравится Элеоноре. Настолько, что рядом с ним её обычное кокетство перестаёт быть безобидной игрой и начинает требовать осторожности.

Она опускает ресницы, будто желает скрыть смущение, хотя на самом деле прекрасно знает, какое действие производят её тёмные ресницы на светлой коже. Проводит большим пальцем по шву перчатки, успокаивая себя, и снова поднимает глаза на Хью — уже с той мягкой улыбкой, которой в прошлом сезоне ей удавалось заставить двух молодых людей забыть приготовленные комплименты.

— Не понимаю, о чём вы, мистер Фэрчайлд. Мы ведём исключительно серьёзный разговор.

Она произносит это с безукоризненной невинностью. Лишь непослушная прядь снова касается её щеки, и Элеонора сердито сдувает её.

— Не сомневаюсь, — отвечает Хью столь же серьёзно. Он чуть наклоняется к ней, понижая голос, чтобы разговор не вышел за пределы их маленького круга. — Я услышал только, что какому-то джентльмену отпущен срок до субботы. Полагаю, речь идёт о неоплаченном долге.

Луиза ещё крепче прижимает книжицу к груди. Маргарет обмахивается веером прямо себе в лицо; воздух шевелит завитки у её висков.

— Вы подслушивали, — говорит Элеонора.

Улыбка дрожит в уголках её губ, но она удерживает её, слегка прикусив щёку изнутри.

— Я подошёл неудачно тихо. — Хью виновато разводит руками, хотя его глаза смеются. — Могу отойти и вернуться с большим шумом. Например, задеть стул или громко осведомиться, не делаете ли вы ставок на лорда Ривенхолла.

Луиза едва слышно ахает.

— Если вы произнесёте это ещё громче, нам уже нечего будет возвращать, — замечает Маргарет из-за веера.

Хью поворачивается к ней и делает короткий поклон.

— Мисс Коул, я скорее пожертвую собственным.

— Боюсь, оно не покроет нашего общего убытка, — говорит Элеонора. Она вскидывает подбородок и наконец позволяет себе улыбнуться. — Но можете попытаться. Что именно вы слышали?

Хью выдерживает паузу, будто старательно припоминает.

— Ровным счётом ничего. — Он всё-таки бросает короткий взгляд на закрытую книжицу, затем на карандаш, торчащий из складок Луизиной юбки, и тут же отводит глаза, избавляя её от необходимости прятать улики за спиной. — Я не слышал о ставках, не видел записей и совершенно не представляю, чьей судьбой вы распоряжаетесь с таким усердием.

— Очень деликатно с вашей стороны, — произносит Элеонора. Тон у неё одобрительный, но прищур выдаёт подозрение. — И совершенно неправдоподобно.

— У меня три сестры. — Хью кладёт ладонь на сердце. — Я рано понял, что некоторые женские тайны безопаснее не замечать, а если заметил — разумнее забыть прежде, чем от тебя потребуют свидетельство.

Элеонора прикусывает внутреннюю сторону губы, но улыбка всё равно прорывается. Хью видит это и слегка приподнимает бровь, довольный маленькой победой.

— И всё же, — продолжает он, понижая голос, — если речь идёт о той паре, на которую сейчас смотрит весь зал, я не стал бы ставить на сегодняшний вечер.

Луиза забывает об испуге и подаётся вперёд.

— Почему?

— Луиза, — негромко предостерегает Маргарет, опуская веер. — Но раз уж он всё понял...

— Я ничего не понял, — с готовностью напоминает Хью.

— Вот видите, — Элеонора бросает на Маргарет торжествующий взгляд и касается пальцем края Луизиной книжки. — Мистер Фэрчайлд согласен со мной.

— Я ещё не назвал причину.

— Она имеет значение только в том случае, если противоречит моей, — отвечает Элеонора и чуть поворачивает голову.

В её взгляде появляется открытый вызов, смягчённый улыбкой.

— Разумеется. — Хью склоняет голову, признавая её безусловную правоту. — Но мне кажется, джентльмену следует хотя бы поужинать, прежде чем расставаться со свободой. Иначе Олдервик войдёт в историю как дом, где мужчин морят голодом и женят прямо у дверей.

Луиза прыскает и поспешно прижимает пальцы к губам. Маргарет закрывает веер и лёгким ударом касается руки Элеоноры.

— Прекрасно. Тогда сегодня никто не победит.

— Напротив, — говорит Хью. Шутка ещё звучит в его голосе, но взгляд уже возвращается к Элеоноре. — Я надеялся, что победителем стану я.

Он становится перед ней чуть прямее. Шутливость остаётся в его глазах, но плечи расправляются, а улыбка делается мягче. Теперь он обращается только к ней, и Элеонора слишком хорошо чувствует это внезапное сужение мира. По обе стороны от неё стоят подруги, вокруг шумит зал, Лавиния принимает внимание главного жениха сезона, однако всё это на миг отступает.

— Мисс Вейл, вы окажете мне честь, согласившись на первый танец

Она знала, что он собирается её пригласить. По крайней мере, уверяет себя в этом теперь. И всё же сердце делает быстрый, совершенно девичий скачок. Румянец на щеках становится теплее, и Элеонора сердится на себя за то, что тело выдаёт её прежде, чем она успевает выбрать ответ.

Она не торопится. Пауза — тоже часть кокетства, а кокетство возвращает ей уверенность. Элеонора позволяет взгляду задержаться на лице Хью, наматывает непокорную прядь на кончик пальца и чуть склоняет голову — достаточно, чтобы согласие стало очевидным прежде, чем прозвучит.

— Возможно. Если вы поклянетесь забыть всё услышанное.

— Не могу поклясться забыть то, чего не слышал, — отвечает Хью.

Он сохраняет серьёзное выражение, но складка у его рта углубляется.

— В таком случае вы удивительно подходящий союзник.

— Это означает «да»?

— Это означает, что вам придётся дожидаться музыки, мистер Фэрчайлд. Как и всем прочим просителям.

— Всем прочим? — Он приподнимает брови. — Мне следовало прийти раньше.

Хью улыбается уже открыто, и Элеонора отворачивается к Луизе, будто именно та представляет сейчас необычайный интерес. Однако уголки её губ поднимаются, а ямочка на левой щеке становится глубже.

— Тогда, пока мы ждём, позвольте попросить ещё об одной милости? Завтра герцогиня собирает прогулку к озеру. Я надеялся, что вы присоединитесь.

Элеонора снова смотрит на него.

— Вы всегда предъявляете две просьбы подряд? — спрашивает она. Её голос звучит ровно, но пальцы перестают играть с прядью и крепче сжимают сложенный веер.

— Только когда первая принята благосклонно.

Элеонора чувствует, как улыбка выдаёт её снова, и на этот раз не пытается её скрыть.

— Если со мной пойдут мисс Керси и мисс Коул, я согласна.

— Мы? — спрашивает Маргарет. Она медленно поворачивает голову к Элеоноре. Вопрос звучит невинно, но одна тёмная бровь поднимается, а в серых глазах появляется лукавство.

Луиза, напротив, кивает так поспешно, что светлые кудри подпрыгивают у висков.

— Конечно, пойдём.

Хью не отрывает глаз от Элеоноры.

— Я буду благодарен любому числу свидетелей, если мисс Вейл согласится прийти, — говорит он, и в его тоне нет ни тени учтивой пустоты.

Он действительно хочет, чтобы она пришла. Элеонора слышит это; по её лицу на миг пробегают растерянная радость, которую она тут же прячет за лёгким наклоном головы.

— Похвальная предусмотрительность, мистер Фэрчайлд, — говорит тётя Беатрис, прибивившаяся незаметно для всех, кроме Элеоноры.

Она останавливается рядом с девушками, опираясь двумя пальцами на эфес закрытого веера, и окидывает Хью одобрителем, хотя и слишком пронизательным взглядом.

— Молодой человек, который сам приглашает свидетелей, либо исключительно порядочен, либо совершенно безнадёжен.

— Я предпочёл бы считать себя порядочным, — отвечает Хью.

— Все безнадёжные мужчины предпочитают именно это.

Хью запрокидывает голову и смеётся — легко, открыто, ничуть не заботясь о том, что несколько человек поблизости оборачиваются на звук.

Луиза тоже смеётся, уже не скрываясь за ладонью. Маргарет подносит веер к губам, но глаза её улыбаются. Элеонора смотрит на Хью; лицо её оживлено, ореховые глаза теплеют, и в эту минуту она не замечает больше никого в зале.

На другом конце галереи Винсент слышит смех и поворачивает голову. Этот смех он узнаёт.

С Хью Фэрчайлдом они знакомы с Итона — достаточно давно, чтобы Винсент помнил его тощим мальчишкой с разбитыми костяшками пальцев, и достаточно хорошо, чтобы знать: Фэрчайлд смеётся тише. Так он смеётся лишь тогда, когда ему действительно весело.

Винсент прослеживает направление его взгляда и видит рядом с ним трёх молодых женщин. Первую, миниатюрную блондинку, он не помнит вовсе. Она хорошенькая, но слишком сутулая: кудри дрожат при каждом движении, голубые глаза распахнуты, а прижатая к груди книжца придаёт ей вид ребёнка, застигнутого у закрытого шкафа со сладостями.

Должно быть, одна из многочисленных мисс Керси; Винсент знает их отца и никогда не уверен, сколько у того дочерей.

Вторая выше, темноволоса и держится с большей сдержанностью. Её лицо не отличается правильностью, зато взгляд серых глаз прям и разумен. Она прикрывает улыбку веером не из робости, а потому, что не желает делиться ею со всем залом. Мисс Коул, вспоминает Винсент. Дочь судьи, с приличным состоянием и привычкой слушать внимательнее, чем от неё ожидают.

На третью он смотрит последней.

Она стоит ближе всех к Фэрчайлду и не замечает, что за ней наблюдают. Невысокая, тонкая, но не хрупкая. Каштановые волосы кажутся тёмными в глубине причёски и отливают медью там, где их касается свет. Одна прядь выбилась у виска и легла вдоль щеки; девушка рассеянно сдувает её, не отрывая взгляда от Хью. Лицо у неё миловидное, тёплое, с мягким ртом, смеющимися ореховыми глазами и едва заметной россыпью веснушек на носу.

Не красавица, способная остановить разговоры при своём появлении, но, безусловно, хорошенькая — особенно сейчас, когда ей весело.

Платье портит впечатление. Бледно-зелёный муслин вышел из моды не настолько, чтобы казаться нелепым, но достаточно, чтобы опытный глаз заметил прошлогодний крой. Белая

лента на лифе новая; сама ткань — нет. Рукава переделаны, отделка заменена, перчатки тщательно вычищены.

Всё опрятно, искусно и слишком старательно.

Так одевают дочерей из хороших семей, когда хорошее имя остаётся единственной частью наследства, которую ещё нельзя продать.

Кажется, он уже видел её в прошлом сезоне. В Олмаке или у леди Хаттон — каштановые волосы, зелёное платье.

Имя ускользает.

Странно, что она не вышла замуж: девушки с таким лицом, приятными манерами и нужной долей оживления обычно находят мужа прежде, чем платье успевает устареть.

Впрочем, объяснение, вероятно, то же, что и у платья: девушка бедна.

Она продолжает смотреть на Хью. Фэрчайлд что-то тихо говорит ей; она вскидывает на него глаза, пытается сохранить серьёзность и вновь улыбается.

Винсент отмечает это без особого интереса.

Фэрчайлду всегда нравятся хорошенькие девушки с живыми лицами, а хорошеньким девушкам почти неизменно нравится Фэрчайлд.

— Вы знакомы с мисс Вейл? — спрашивает Лавиния.

Вот, значит, имя.

— Не думаю, — отвечает Винсент.

Он равнодушно отводит взгляд от девушки в старом зелёном платье и снова поворачивается к Лавинии.

Через мгновение мисс Вейл исчезает из его мыслей.

глава 2

Первый аккорд обрывает разговоры прежде, чем вдовствующая герцогиня успевает удирать тростью о паркет.

Гонория устраивается в кресле и кладёт обе ладони на серебряную рукоять трости. Веер леди Вейл замирает у груди. Тётя Беатрис, напротив, поднимает его к лицу, скрывая понимающую улыбку: первый танец вечера сообщает наблюдательной женщине больше, чем иной разговор продолжительностью в час.

Музыканты начинают новую французскую кадрили, которая только в этом сезоне входит в моду и потому требует от половины гостей сосредоточенности, а от второй половины — убедительного притворства.

Четыре пары занимают места в каждом каре. Юбки расправляются шелестящими кругами, кавалеры одёргивают фраки и поправляют белые перчатки. Девушки обмениваются последними торопливыми взглядами.

Хью поворачивается к Элеоноре.

Его лицо светлеет так искренне, будто музыка начинает играть по его личной просьбе. Он не хватает её за руку и не делает вид, что согласие уже получено. Лишь протягивает ладонь, чуть склонив голову, и ждёт. В его карих глазах остаётся знакомое веселье, но за ним появляется лёгкая настороженность: Элеонора всё ещё может передумать, и он готов принять это без обиды.

— Боюсь, теперь вам придётся исполнить своё обещание.

Элеонора выдерживает короткую паузу. Сначала смотрит на его раскрытую ладонь, затем медленно поднимает глаза к лицу. Уголок её рта приподнимается.

Она кладёт кончики пальцев на руку Хью — легко, почти неощутимо, словно оказывает ему милость, хотя внутри уже разливается тёплое предвкушение.

— Я ничего не обещала.

Хью опускает взгляд на её пальцы, проверяя, не исчезнут ли они после этих слов, и снова смотрит ей в лицо.

— Значит, всё гораздо серьёзнее, чем я думал.

Складка между его бровями появляется с такой преувеличенной тревогой, что Элеонора едва удерживает улыбку.

Он ведёт её к свободному каре. Хью не сжимает её пальцы крепче необходимого и не тянет за собой. Когда между ними и танцующими проходит пожилая дама, он замедляет шаг одновременно с Элеонорой, не вынуждая её поспешно подбирать юбку. Затем чуть отступает, освобождая ей дорогу, и позволяет самой выбрать место.

Он идёт не впереди, а рядом, соразмеряя шаг с её шагом. Это маленькое проявление внимания нравится Элеоноре едва ли не больше самого приглашения. В нём нет ничего, что можно было бы превратить в красивую историю для подруг, но именно такие мелочи она замечает особенно остро. Мужчина, способный уступить женщине полшага, не изображая при этом великодушного героя, встречается реже, чем мужчина с хорошим состоянием.

Напротив них становятся ещё три пары.

Луизу приглашает молодой капитан Фредерик Морли, недавно вернувшийся с континента и до сих пор носящий мундир при всяком удобном случае. Красный суконный воротник выгодно оттеняет его загорелое лицо, а серебряный шрам у подбородка заставляет Луизу смотреть на него чаще, чем требуют приличия. Капитан склоняется к ней и что-то говорит. Луиза немедленно краснеет до корней светлых волос. Пальцы её начинают торопливо разглаживать и без того безупречную складку юбки.

Капитан отступает, сохраняя серьёзное выражение, но его усы едва заметно шевелятся от сдерживаемой улыбки.

Маргарет оказывается в соседнем каре с мистером Блейком, вторым сыном виконта. Это высокий, худощавый и чрезвычайно серьёзный молодой человек с прямыми светлыми волосами, которые он безуспешно пытается пригладить всякий раз, когда волнуется. Сейчас он кланяется Маргарет так низко, будто собирается попросить прощения за сам факт танца.

Маргарет отвечает реверансом. Лицо её остаётся невозмутимым, но серые глаза встречаются со взглядом Элеоноры, затем опускаются на голову мистера Блейка. Одна тёмная бровь поднимается.

Элеоноре приходится прикусить губу.

Луиза тем временем поворачивается к ней. Голубые глаза становятся огромными. Она беззвучно произносит: «Капитан», — и едва заметно указывает взглядом на красный мундир, словно Элеонора могла его не заметить.

Элеонора одобрительно кивает, округляя губы в немом: «Вижу».

Луиза прижимает ладонь к животу, показывая, что близка к обмороку.

Хью следит за их молчаливым разговором, но не спрашивает, что происходит. Только переводит взгляд на капитана Морли и понимающе кивает самому себе.

Первая фигура требует внимания Луизы прежде, чем она успевает сообщить подруге остальные подробности своего потрясения.

В другом конце галереи Винсент занимает место напротив Лавинии.

Герцогиня устраивает их так искусно, что никто не может обвинить её в намерении. Она всего лишь задерживает возле себя одного кавалера вопросом о здоровье его матери, другого отправляет помочь пожилой леди, а третьего останавливает одним движением трости. В результате Лавиния совершенно случайно оказывается рядом с внуком хозяйки дома, и другой партнёр будто бы не успевает появиться.

Винсент понимает замысел бабушки. Его взгляд скользит по трости, преградившей дорогу несчастному мистеру Роули, затем возвращается к Гонории. Герцогиня смотрит на него с безмятежностью человека, не совершившего ничего предосудительного.

На лице Винсента не отражается ни раздражения, ни удивления. Только левая бровь приподнимается на едва заметную долю дюйма.

Гонория отвечает ему коротким кивком.

Винсент уступает.

Он поворачивается к Лавинии и предлагает ей руку. Движения его точны и неторопливы. Он не улыбается широко, не склоняется ближе необходимого и всё же каким-то образом превращает простое приглашение в знак особого внимания.

Лавиния принимает его ладонь с той безмятежной улыбкой, которая не выражает ни торжества, ни удивления. Ни одна ресница не дрожит. Лишь пальцы на мгновение задерживаются над его рукой, а затем опускаются на неё с изящной уверенностью женщины, заранее знающей, что место рядом с ним останется свободным именно для неё.

Винсент ведёт Лавинию к центру каре. Серебристая юбка скользит за ней, почти не касаясь паркета. Они встают друг напротив друга и одновременно поворачивают головы к музыкантам.

Зал получает именно ту пару, которую ожидает.

Хью поправляет манжету, бросает короткий взгляд на соседние пары и чуть наклоняется к Элеоноре, стараясь не повысить голоса.

— Вы уже танцевали кадрили?

— Один раз.

Элеонора отвечает с таким спокойствием, будто одного раза более чем достаточно для полного овладения танцем. Однако её пальцы сильнее сжимают сложенный веер, который она собирается передать подбежавшему лакею.

Хью замечает это, но не указывает на её волнение.

— Тогда нам обоим придётся быть внимательными.

Элеонора отдаёт веер и поворачивается к Хью всем корпусом. Непокорная прядь падает ей на щеку. Она сдувает её и прищуривается.

— Вы тоже танцевали её только однажды?

— Нет.

Хью выдерживает короткую паузу. В его глазах появляется весёлый блеск.

— Но теперь я должен следить ещё и за вами.

Элеонора медленно поднимает брови. Румянец, вызванный предстоящим танцем, становится чуть ярче.

— Чтобы я не ошиблась?

Вопрос звучит мягко, почти сладко, но подбородок уже приподнимается. Хью видит предупреждение и немедленно капитулирует.

— Чтобы не пропустить момент, когда ошибусь я.

Он прикладывает ладонь к груди и произносит это с таким серьёзным видом, словно доверяет ей важнейшую семейную тайну. В его позе нет ложной скромности, а во взгляде — мужского снисхождения. Хью действительно допускает возможность ошибки и не считает, что земля разверзнется под его ногами, если девушка заметит её первой.

Напряжение покидает плечи Элеоноры. Уголки её губ дрогнули, однако она делает вид, что размышляет над его положением.

— В таком случае смотрите на пару справа, — советует она. — Они начинают прежде нас. Хью послушно поворачивает голову. Пара справа уже готовится к поклону.

— Вы разрушаете мою возможность выглядеть уверенным.

— Я спасаю ваши башмаки.

Он опускает взгляд на собственные туфли.

— Они вам благодарны.

— Передайте им, что я принимаю благодарность исключительно в денежном выражении.

Хью тихо смеётся, но тут же выпрямляется: первые пары сходятся в центре каре.

Элеонора следит за ними. Улыбка исчезает с её губ, уступая место сосредоточенности. Она отсчитывает доли не числами, а движением мелодии: подъём смычков, короткая пауза, лёгкий перелив флейты. Носок её туфли едва заметно касается паркета в такт. Пальцы сами повторяют ритм на складке юбки.

Хью смотрит сначала на начинающую пару, затем на Элеонору. Видит, как её тело улавливает музыку раньше, чем приходит их очередь, и перестаёт беспокоиться о том, знает ли она фигуры.

Когда наступает нужный момент, Элеонора выступает вперёд.

Танец меняет её.

У стены она ещё помнит о старом платье, материнском взгляде и ленте, скрывающей прошлогодние швы. Там её пальцы то и дело стремятся поправить отделку, а плечи напрягаются каждый раз, когда леди Вейл поджимает губы.

В движении всё это теряет значение.

Элеонора делает первый шаг — и будто выходит из тесной комнаты на воздух. Спина выпрямляется, плечи раскрываются, подбородок поднимается. Тревога исчезает из ореховых глаз, уступая место чистой радости. Губы размыкаются в улыбке, которую она даже не пытается сдерживать.

Словно музыканты играют только для неё.

Она не смотрит под ноги. Не проверяет, кто наблюдает за ней у стены. Не ищет одобрения матери. Всё её внимание принадлежит музыке, фигуре и мужчине напротив.

Элеонора не обладает величественной грацией Лавинии. В ней нет холодной точности женщины, заранее знающей, какое впечатление производит каждый поворот головы. Лавиния движется так, словно годами репетирует перед зеркалом и теперь позволяет остальным любоваться безупречным результатом.

Элеонора танцует иначе.

Почти с голодной радостью.

Её юбка взлетает вокруг щиколоток, когда она поворачивается. Каштановые волосы отливают медью при каждом движении головы. Она на мгновение задерживает взгляд на Хью, улыбается ему и ускользает прежде, чем он успевает понять, предназначена ли эта улыбка ему или самой музыке.

Хью провожает её глазами. Когда она снова оказывается напротив, он улыбается уже не из вежливости. В его лице появляется мальчишеское удовольствие человека, внезапно обнаружившего, что вечер обещает быть гораздо лучше, чем он рассчитывал.

Во время следующей фигуры пары меняются местами.

Хью на мгновение отвлекается: край юбки Элеоноры проходит совсем близко от его ноги. Он запаздывает на половину шага, и его плечо едва не сталкивается с плечом капитана Морли.

Элеонора замечает опасность раньше обоих мужчин.

Её глаза расширяются, но улыбка не исчезает. Она чуть сильнее касается пальцев Хью и направляет его в сторону. Сама разворачивается в противоположном направлении, увлекая его за собой. Со стороны кажется, будто так и требует фигура: плавный поворот, короткое скольжение, встреча взглядов.

Только капитан Морли понимает, что происходит. Он едва заметно кивает Элеоноре, признавая спасение, и продолжает танец.

Хью снова оказывается напротив неё. Его щёки чуть краснеют, а губы сжимаются в попытке сохранить серьёзность.

— Вы спасли мои башмаки, — шепчет он.

Элеонора окидывает его туфли преувеличенно внимательным взглядом, затем поднимает глаза.

— И вашу репутацию.

— Боюсь, она теперь полностью в ваших руках.

Он протягивает ей ладонь для следующей фигуры. Элеонора кладёт на неё свои пальцы и чуть наклоняет голову.

— Какая неосторожность.

— Я начинаю это понимать.

Её смех теряется среди скрипок, но люди всё равно оборачиваются на него.

Сначала капитан Морли. Потом девушка из соседнего каре. Даже мистер Блейк, занятый попытками не наступить Маргарет на платье, на мгновение смотрит в их сторону и из-за этого едва не наступает ей на платье.

Маргарет резко отдёргивает юбку.

Мистер Блейк бледнеет и начинает что-то торопливо говорить. Она качает головой, показывая, что извинения не требуются, но, встретившись взглядом с Элеонорой, закатывает глаза.

Элеонора едва удерживается от нового смеха.

Мисс Вейл не красивее Лавинии. Не богаче Луизы и не изящнее нескольких других девушек в зале. Её платье не вызывает зависти, происхождение не заставляет мужчин выстраиваться в очередь, а приданое и вовсе способно положить конец самому многообещающему ухаживанию.

Просто, когда Элеоноре весело, веселье будто не умещается в ней.

Оно вырывается за пределы её лица, разгорается в глазах, слышится в голосе и живёт в каждом движении. Она не требует внимания — но внимание само следует вслед за ней. Люди выпрямляются, улыбаются и начинают двигаться свободнее, словно её радость даёт им разрешение тоже получать удовольствие.

Рядом с Элеонорой любой танец кажется быстрее, любая шутка — остроумнее, а мужчина — интереснее, чем он привык считать себя сам.

Этого нельзя купить вместе с новым платьем. Нельзя получить в наследство и невозможно правдоподобно изображать дольше нескольких минут.

Хью замечает действие Элеоноры на окружающих.

Видит взгляд капитана Морли. Замечает, как кавалер из соседнего каре поворачивает голову, когда Элеонора проходит мимо. Слышит, как пожилая дама у стены спрашивает у соседки имя девушки в зелёном.

Но Хью не пытается удержать её внимание. Не заслоняет от чужих взглядов и не усиливает прикосновение, словно желает напомнить окружающим, кому она сейчас принадлежит. Когда Элеонора улыбается другому танцору, он не хмурится. Когда она помогает Луизе вернуться на правильное место, Хью терпеливо ждёт.

Он лишь смотрит на неё с тихим удовольствием человека, которому посчастливилось стоять ближе остальных к огню.

В следующей фигуре Элеонора возвращается к нему. Она слегка запыхалась. Щёки горят, глаза блестят, а прядь окончательно выбивается из причёски и ложится вдоль виска.

Хью протягивает ей обе руки. Их пальцы соединяются.

— Вам часто говорят, что вы великолепно танцуете? — спрашивает он.

Элеонора делает поворот под его рукой. Вернувшись на место, она чуть наклоняет голову и смотрит на него из-под ресниц.

— Достаточно часто, чтобы я начала подозревать обратное.

— Значит, мне следует промолчать?

— Вам следует придумать что-нибудь более оригинальное.

Хью поджимает губы и бросает взгляд к потолку, изображая мучительное размышление. Даже шаги его становятся медленнее, словно вся умственная деятельность требует огромных физических усилий.

Элеонора ждёт, стараясь сохранить строгое выражение, но ямочка на её левой щеке уже появляется.

Наконец лицо Хью проясняется.

— Вы танцуете лучше моей младшей сестры.

Элеонора расправляет плечи.

— Вот теперь я польщена.

— Вы не знаете мою младшую сестру.

Её улыбка на мгновение замирает. Элеонора прищуривается, однако Хью сохраняет невинное выражение.

— Поэтому могу вообразить её необыкновенной танцовщицей.

— Она наступила мне на ногу на собственном дебютном балу.

Элеонора вскидывает голову и смеётся.

— В таком случае комплимент снова испорчен.

— Я старался.

— Недостаточно.

— Дайте мне время. — Хью чуть склоняется к ней, пока фигура на несколько мгновений оставляет их рядом. — К концу недели я научусь.

Элеонора улыбается.

— К концу недели я могу стать менее требовательной.

— На это я не рассчитываю.

Шутливость исчезает из его голоса.

Хью произносит слова мягко, почти тихо, но смотрит на неё открыто. Его улыбка становится слабее, а карие глаза — серьёзнее. Он не пытается поймать её взгляд и всё же не отводит собственного, когда она смотрит в ответ.

На мгновение Элеонора перестаёт слышать остальные пары.

Что-то тёплое и тревожное сжимается у неё под рёбрами. Её улыбка остаётся на губах, но теперь в ней появляется растерянность.

Пальцы, лежащие в руке Хью, невольно замирают.

Она забывает следующую фигуру.

Всего на мгновение.

Хью первым отступает на положенный шаг и едва заметным движением глаз указывает ей нужное направление. Не привлекает внимания к ошибке и не улыбается своей маленькой победе.

Музыка снова подхватывает Элеонору.

Она опускает ресницы, скрывая вспыхнувший румянец, и отступает на положенное место.

В другом конце галереи Лавиния не пропускает ни единого движения.

Она не считает доли и не оглядывается на соседние пары, чтобы проверить фигуру. Музыка будто проходит сквозь неё, превращаясь в точные повороты головы, лёгкие поклоны и выверенные шаги. Серебристая юбка очерчивает вокруг её ног ровный круг и опадает без единой смятой складки. Жемчужины на шее остаются неподвижными, тёмные волосы не выпускают ни одной непокорной пряди, а на светлом лице сохраняется спокойное выражение женщины, которая никогда не позволяет усилию стать заметным.

Только пальцы иногда чуть крепче сжимают край юбки перед поворотом. Это единственный признак того, что даже Лавинии приходится следить за непривычными фигурами новой кадрили.

Винсент ведёт её уверенно и сдержанно. Его ладонь появляется именно там, где требуется, и исчезает сразу после завершения фигуры. Он не удерживает прикосновение дольше необходимого, однако каждый раз смотрит на Лавинию, когда она подаёт ему руку, словно среди всех движущихся вокруг пар замечает только её.

Со стороны эта сдержанность кажется близостью людей, настолько уверенных друг в друге, что им не требуется её демонстрировать.

Они смотрятся так правильно, что пожилая леди у стены наклоняется к соседке и что-то шепчет, прикрыв губы веером. Соседка сперва переводит взгляд на Лавинию, затем на герцогиню и понимающе кивает. Ещё через несколько мгновений шёпот доходит до третьей дамы.

Лавиния замечает это краем глаза. Её ресницы чуть опускаются, скрывая короткую вспышку удовлетворения, но улыбка не меняется.

Винсент не замечает вовсе — или делает вид, что не замечает.

Он слышит музыку, отслеживает смену фигур и отвечает Лавинии, когда та обращается к нему. Всё это не требует от него особенных усилий. Он танцует с детства и умеет поддерживать разговор, не вслушиваясь в собственные слова. Его тело помнит движения лучше, чем разум: поклон, шаг, поворот, протянутая ладонь.

Пока остальные кавалеры сосредоточенно следят за соседними парами, Винсент ни разу не смотрит в сторону. На его лице нет ни напряжения, ни удовольствия. Лишь привычная невозмутимость человека, для которого безукоризненность давно перестаёт быть достижением и становится обязанностью.

Во время короткой паузы Лавиния оказывается рядом с ним. Она не поворачивает головы, продолжая смотреть перед собой, но говорит достаточно тихо, чтобы слова предназначались только ему:

— Полагаю, ваша бабушка довольна.

Винсент переводит взгляд на Гонорию. Та сидит у стены с обеими руками на серебряной рукояти трости и неотрывно следит за их парой. Когда внук встречается с ней глазами, герцогиня едва заметно приподнимает подбородок, словно подтверждает: пока он ведёт себя приемлемо.

Уголок рта Винсента дёргается.

— Моя бабушка не бывает довольна. Иногда она лишь временно прекращает исправлять мир.

Лавиния поворачивается к нему как раз в тот момент, когда фигура требует от них встретиться лицом к лицу. На её губах появляется улыбка — сдержанная, но уже не предназначенная всему залу. В серо-голубых глазах вспыхивает настоящее веселье.

— Сегодня она исправляет вас?

Они подают друг другу руки и делают половину круга. Пальцы Лавинии покоятся на его ладони легко, но уверенно.

— Сегодня она собрала достаточно свидетелей, чтобы я не смог сбежать.

— Из собственного дома?

Её брови едва заметно поднимаются. Вопрос звучит без насмешки, будто Лавиния действительно допускает, что Винсент способен покинуть бал через окно.

— Олдервик принадлежит ей, — отвечает он. — Здесь даже семейные портреты смотрят с её разрешения.

Лавиния смеётся тихо, почти беззвучно. Смех лишь на мгновение смягчает её лицо, заставляя холодную красоту сделаться живой.

Она переводит взгляд на герцогиню.

Гонория действительно напоминает полководца, чьи войска наконец занимают предписанные позиции. Спина её остаётся прямой, тонкие пальцы покоятся на трости, а тёмные глаза

переходят от Винсента к Лавинии и обратно. Когда мимо неё проходит лакей с подносом, она едва заметно двигает тростью, заставляя его отступить и больше не закрывать обзор.

— Кажется, портреты ей повинуются охотнее вас, — замечает Лавиния.

Винсент склоняет голову, уступая справедливости её слов.

— У них было несколько поколений, чтобы научиться.

Музыка снова разводит их. Лавиния отступает на положенное место, сохраняя улыбку в уголках губ. Она явно наслаждается разговором, но не пытается задержать Винсента возле себя вопреки фигуре. Уверенная в собственном положении женщина не хватается за внимание мужчины — она позволяет ему возвращаться.

И Винсент каждый раз возвращается.

Последняя фигура подходит к концу. Смычки ускоряются, пары сходятся в центре каре, затем расходятся и занимают прежние места.

Кадриль заканчивается общим поклоном.

Винсент склоняется перед Лавинией. Она приседает в реверансе, не отрывая от него глаз. Между ними остаётся ровно столько тепла, сколько требуется для того, чтобы окружающие вообразили всё остальное самостоятельно.

На другом конце галереи Элеонора приседает перед Хью.

После стремительного танца реверанс получается не таким безупречным, как ей хотелось бы. Колени слегка дрожат, и она вынуждена задержаться внизу на одно лишнее мгновение, чтобы восстановить равновесие.

Хью замечает это.

Его рука едва заметно двигается вперёд, готовая поддержать её, но он останавливает себя прежде, чем помощь становится заметна окружающим. Элеонора выпрямляется самостоятельно. Только тогда напряжение уходит из его плеч.

Дышит она чаще обычного. Щёки горят, ореховые глаза блестят, а выбившаяся прядь снова касается виска, прилипая к разгорячённой коже. Элеонора сдувает её привычным движением и проводит пальцами по щеке, стараясь вернуть волос на место.

Прядь немедленно падает обратно.

Хью наблюдает за этой борьбой. В его глазах появляется тёплая насмешка, но улыбается он не пряди.

Он смотрит на самую Элеонору — оживлённую, запыхавшуюся, всё ещё словно наполненную музыкой.

Подняв голову, она встречает его взгляд. Её пальцы замирают у виска.

— Что?

Хью качает головой. Улыбка остаётся в уголках его губ.

— Ничего.

Элеонора медленно опускает руку. Она чуть сужает глаза, изучая его лицо, и склоняет голову набок.

— Вы смотрите так, словно намерены сказать что-то неразумное.

— Я намеревался снова похвалить ваш танец.

Он произносит это с виноватым видом, будто признаётся в серьёзном проступке. Пальцы его разглаживают несуществующую складку на манжете.

Элеонора поднимает брови.

— Я уже предупреждала, что это неоригинально.

— Поэтому решил промолчать.

Хью плотно сжимает губы, показывая, насколько твёрдо намерен следовать принятому решению.

Элеонора выдерживает паузу, затем важно кивает:

— Разумное решение.

— Вы всё-таки вынудили меня сказать.

— Значит, недостаточно разумное.

Она отворачивается, скрывая улыбку. Ямочка на левой щеке всё равно выдаёт её.

Хью замечает. Его лицо светлеет, словно эта маленькая уступка приносит ему больше удовольствия, чем открытый комплимент.

Он берёт руку Элеоноры. Не торопится и не сжимает пальцы: лишь поддерживает её ладонь снизу и подносит к губам. Между его ртом и перчаткой остаётся едва заметное расстояние.

— Я постараюсь исправиться, мисс Вейл.

Его дыхание касается ткани.

Улыбка Элеоноры на мгновение замирает. Она чувствует, как румянец, уже вызванный танцем, становится горячее. Пальцы невольно сгибаются в его руке, но она тут же расслабляет их и отнимает ладонь с нарочитой неторопливостью.

— Не обещаю облегчать вам задачу, мистер Фэрчайлд.

— Я был бы разочарован, если бы вы пообещали.

Он отвечает слишком быстро, чтобы это оказалось простой учтивостью.

Элеонора опускает ресницы. Улыбка снова касается её губ, теперь уже более мягкая и осторожная.

В тот же момент она чувствует на себе материнский взгляд.

Поворачивать голову не требуется: Элеонора и без того знает выражение лица леди Вейл. Мать наверняка сидит очень прямо, сжимает веер обеими руками и уже мысленно прибавляет Хью к списку серьёзных возможностей. Скорее всего, успевает оценить его доход, происхождение, здоровье и отсутствие скандальных родственников, а заодно вычестить из семейных расходов стоимость ещё одного сезона.

От этого осознания радость Элеоноры немного тускнеет.

Она отступает от Хью на полшага, опасаясь, что мать успеет обручить их в своём воображении прежде, чем начнётся следующая мелодия.

Но музыканты не начинают играть.

Первая скрипка уже поднимает смычок, когда по паркету дважды ударяет трость.

Звук получается негромким, но отчётливым. Ближайшие разговоры обрываются. Следом стихает следующий круг гостей, затем ещё один. Тишина расходится по галерее волной.

Музыканты опускают инструменты.

Гонория Харкорт ждёт, пока последний шёпот замолкнет, и только после этого поднимается со своего кресла. Делает она это медленно — не из-за слабости, а потому, что никогда не торопится навстречу чужому вниманию. Оно обязано дожидаться её само.

Один из лакеев немедленно выходит вперёд и протягивает руку.

Герцогиня поворачивает к нему голову.

Она ничего не говорит. Лишь смотрит сначала на предложенную ладонь, затем на лицо молодого человека.

Лакей останавливается на полпути. Его рука висит в воздухе. На щеках появляется румянец, но он быстро опускает глаза и тянется к ближайшей свече, делая вид, будто с самого начала замечает неровно оплывший воск.

Беатрис прикрывает улыбку веером.

Гонория поправляет складку светло-серого платья и обводит гостей взглядом. Убедившись, что все смотрят на неё, она кладёт обе ладони на рукоять трости.

— Прежде чем мы продолжим, — произносит она, — я должна исполнить неприятную обязанность хозяйки и сказать гостям несколько приветственных слов.

По залу пробегает осторожный смех.

Несколько молодых людей улыбаются шире остальных, но тут же становятся серьезнее, когда герцогиня смотрит в их сторону. Гонория позволяет смеху закончиться и продолжает:

— Вы приехали в Олдервик, чтобы отметить мой день рождения. Не понимаю зачем. Я уже достигла возраста, когда приближение следующего года не заслуживает празднования.

Она произносит это без малейшей улыбки. Только кончик трости один раз постукивает о паркет, словно ставит точку.

— Гонория, вы говорите это последние двадцать лет, — отзывается Беатрис.

Она не повышает голоса, но в наступившей тишине её слышит весь зал.

Леди Вейл резко поворачивается к сестре. Глаза её расширяются, а веер застывает у груди. Марианна выглядит так, словно Беатрис только что бросила перчатку самой королевской семье.

Герцогиня медленно поворачивает голову и находит подругу взглядом.

Беатрис встречает его с невинным выражением. Лишь уголок её рта подрагивает за краем веера.

— И всё это время оказываюсь права, — отвечает Гонория.

На этот раз смех звучит свободнее.

Беатрис торжественно склоняет голову, признавая поражение. Даже леди Вейл улыбается, хотя тут же прикрывает рот веером, будто боится, что герцогиня заметит проявление непочтительности.

Гонория ждёт, пока гости снова успокоятся.

Затем поворачивает голову.

— Винсент.

Он уже стоит рядом с Лавинией.

При звуке своего имени его плечи едва заметно напрягаются. Винсент медленно закрывает глаза, словно за это короткое мгновение успевает призвать на помощь всё терпение, накопленное за двадцать девять лет знакомства с бабушкой.

Лавиния замечает. Её губы дрогнули, но она опускает ресницы и сохраняет подобающее выражение.

Винсент открывает глаза, склоняет перед ней голову и идёт к герцогине.

Гости расступаются. Он движется неторопливо, не проявляя ни смущения, ни недовольства, но большой палец один раз проводит по краю перчатки — единственный жест, выдающий его настороженность.

Гонория следит за его приближением, чуть прищурившись.

Она не ждёт, пока внук остановится окончательно, и цепляет его за рукав двумя сухими пальцами, заставляя сделать ещё полшага и встать точно там, где ей требуется.

Винсент почти на две головы выше неё.

Гонория запрокидывает голову и осматривает его снизу вверх. Взгляд задерживается на безукоризненно повязанном шейном платке, затем поднимается к лицу. Её губы поджимаются, словно рост внука является очередной вольностью, которую она пока согласна терпеть.

Винсент отвечает ей спокойным взглядом. Только одна бровь слегка приподнимается.

Герцогиня поворачивается к гостям, не выпуская его рукава.

— Мой внук проводит слишком много времени среди арендаторов, управляющих и промокших овец, — объявляет она. — Поэтому мне приходится приглашать общество в дом, чтобы напомнить ему о существовании людей.

Несколько мужчин, знакомых с состоянием герцогских земель, понимающе улыбаются. Девушки смотрят на Винсента с новым интересом, будто промокшие овцы каким-то образом придают ему дополнительную привлекательность.

Он наклоняется к бабушке, не меняя выражения лица.

— Овцы будут оскорблены таким сравнением.

Говорит он негромко, но стоящие рядом гости слышат.

Гонория опускает глаза на его туфли. Затем приподнимает трость и без предупреждения ударяет серебряной рукоятью по носку.

Винсент отдёргивает ногу на полдюйма. Его брови поднимаются — впервые за вечер на лице появляется настоящее удивление.

— Молчи, пока я тебя хвалю, — приказывает герцогиня.

На этот раз смеётся весь зал.

Капитан Морли запрокидывает голову. Луиза закрывает рот обеими руками. Беатрис хлопает сложенным веером по ладони, совершенно не стараясь скрыть удовольствие.

Даже Лавиния отворачивается на мгновение, пряча улыбку.

Винсент медленно склоняет голову перед бабушкой. Уголок его рта движется, и в холодных глазах появляется живой блеск.

— Как пожелаете, ваша светлость.

Гонория смотрит на него дольше, чем требуется для продолжения шутки.

Смех вокруг постепенно стихает. Строгость остаётся на её лице, однако тонкие пальцы всё ещё держат рукав Винсента. Хватка понемногу слабеет. Большой палец едва заметно разглаживает складку чёрного сукна, словно она вспоминает совсем другого Винсента — маленького мальчика, которого можно поставить рядом и удержать одной рукой.

Он замечает перемену раньше остальных.

Улыбка исчезает из его глаз.

— Я рада, что ты здесь, — произносит Гонория уже тише.

Слова предназначены только ему. Стоящие ближе гости видят движение её губ, но не слышат.

Винсент перестаёт улыбаться. Напряжение уходит из его плеч. На мгновение между ними нет ни гостей, ни приготовленных брачных ловушек, ни трости, которой Гонория управляет домом и всем миром в пределах досягаемости.

Он накрывает её руку своей.

Делает это без торжественности, почти незаметно. Его большая ладонь полностью скрывает её пальцы. Взгляд Винсента смягчается, и суровое лицо становится моложе.

— Я тоже рад, бабушка.

Гонория моргает медленнее обычного. Морщины вокруг её глаз на мгновение становятся глубже, а губы теряют привычную жёсткость.

— Разумеется, — отвечает она. — У тебя нет выбора.

Винсент тихо выдыхает через нос. Это почти смех.

Герцогиня высвобождает пальцы прежде, чем кто-либо успевает заметить их слабость. Поправляет манжету, крепче берётся за трость и снова поворачивается к гостям. Когда она повышает голос, в нём уже нет и следа недавней нежности:

— Лорд Ривенхолл и леди Лавиния откроют следующий контрданс. Надеюсь, остальные постараются не отставать.

По залу снова проходит шёпот.

Несколько взглядов немедленно устремляются к Лавинии. Она стоит на прежнем месте, прямая и невозмутимая, будто объявление герцогини не застаёт её врасплох. Только пальцы, лежащие на сложенном веере, чуть смещаются, а подбородок поднимается на едва заметную долю дюйма.

Винсент кланяется бабушке.

Гонория отвечает коротким движением головы, уже глядя поверх его плеча и проверяя, достаточно ли быстро гости занимают места.

Винсент поворачивается к Лавинии и идёт через освободившееся пространство. Она следит за его приближением, не улыбаясь до тех пор, пока он не останавливается перед ней.

Тогда её лицо смягчается.

Он склоняется и протягивает руку.

Лавиния выдерживает короткую паузу — ровно настолько долгую, чтобы приглашение выглядело значительным, но не настолько, чтобы показаться кокетством. Затем кладёт пальцы на его ладонь.

Винсент ведёт её к началу выстраивающегося ряда.

Хью смотрит им вслед.

Его взгляд на мгновение задерживается на их соединённых руках, затем перемещается к герцогине. Гонория уже устраивается в кресле с невозмутимым видом человека, который ни на что не влияет и совершенно случайно получает желаемое.

На губах Хью появляется понимающая улыбка.

— Полагаю, это означает, что наша ставка временно откладывается.

Элеонора поворачивается к нему. Щёки её всё ещё разгорячены после кадрили, и она обмахивает себя ладонью. При слове «наша» рука замирает возле лица.

— Наша? — переспрашивает она. — Вы уже считаете себя участником?

Она прищуривается, изображая подозрение, но ямочка на щеке выдаёт её прежде, чем Хью успевает ответить.

Он прикладывает ладонь к груди.

— Я храню тайну. Это даёт мне право на долю.

— Вы храните её меньше четверти часа.

— Тем не менее всё это время моя честь подвергается страшному испытанию.

Хью произносит это с такой серьёзностью, что Элеонора невольно оглядывается на Луизу. Та уже выстраивается в ряд рядом с молодым джентельменом и, вместо того чтобы следить за началом нового танца, пытается незаметно поправить светлый локон у виска.

— Если победим, вам достанется благодарность, — решает Элеонора.

Хью медленно склоняет голову, будто оценивает щедрость предложенной награды.

— А если проиграем?

— Вы сможете разделить наше разочарование.

— Полностью?

— Разумеется. Мы не мелочны.

— Условия становятся всё заманчивее.

Он улыбается, но взгляд его уже скользит по выстраивающимся парам. Музыканты перелистывают ноты, пробуют несколько аккордов. По галерее расходятся шелест платьев. Кавалеры предлагают руки новым партнёрам, девушки занимают места, а дамы у стены снова поднимают веера.

Винсент и Лавиния становятся во главе длинного ряда.

Лавиния опускает пальцы на его руку и поворачивает голову к музыкантам. Серебристая юбка лежит вокруг её ног безукоризненными складками. Винсент что-то негромко говорит ей; она отвечает сдержанной улыбкой, и по ряду гостей немедленно пробегают новые шёпоты.

Всё внимание на несколько мгновений обращается к ним.

Элеонора пользуется этим, чтобы поправить сбившуюся прядь. Пальцы не слушаются после танца, и ей приходится дважды заправлять локон в причёску. Она уже собирается отойти к стене. Первый танец принадлежит приглашавшему её кавалеру; второго от Хью ожидать не следует. Даже если он был доволен её обществом, приличия требуют, чтобы теперь он исполнил свой долг перед другой девушкой.

Элеонора успевает сделать полшага назад.

Хью снова протягивает ей руку.

Она останавливается.

Вначале смотрит на его раскрытую ладонь, словно не вполне понимает, что ей предлагают. Затем медленно поднимает глаза к его лицу.

Хью не шутит. В его карих глазах есть тепло, но нет привычной насмешки. Он держит руку спокойно и терпеливо, позволяя ей самой решить, как истолковать приглашение.

Сердце Элеоноры делает быстрый удар.

Второй танец подряд — уже не случайная учтивость. Не обязанность и не способ занять свободное место в ряду. В зале непременно заметят выбор Хью, а к концу вечера ему найдут объяснение.

Леди Вейл — раньше остальных.

Элеонора невольно смотрит в сторону матери. Марианна стоит рядом с Беатрис. Веер в её руке перестаёт двигаться, когда она замечает протянутую ладонь Хью. Губы слегка размыкаются. Беатрис тоже видит происходящее, но лишь переводит взгляд с Хью на племянницу и едва заметно поднимает бровь, оставляя решение за ней.

Элеонора снова смотрит на Хью.

— Мистер Фэрчайлд, вы понимаете, что делаете?

Она старается произнести это легко, однако голос становится тише. Пальцы сами разглаживают складку на юбке.

— Приглашаю вас танцевать.

Хью чуть наклоняется к ней. Его ладонь остаётся протянутой.

— Второй раз подряд, — напоминает Элеонора.

— Я умею считать до двух.

— Поздравляю. Для мужчины с собственным доходом это необычайное достижение.

Уголки его губ дрогнули, но он не позволяет шутке увести разговор в сторону.

— Я могу продемонстрировать и более сложные навыки, если вы согласитесь.

Элеонора снова смотрит на его руку.

— Тогда вы должны знать, что люди могут решить, будто я вам нравлюсь.

Последние слова она произносит почти шёпотом. Ресницы опускаются, скрывая внезапную неуверенность. Ещё несколько минут назад она без труда кокетничала с ним перед подружками. Но теперь игра приобретает последствия, и привычная смелость на мгновение покидает её.

Хью внимательно смотрит на Элеонору. Видит, как она сжимает ткань юбки, замечает румянец, спускающийся от щёк к шее, но не пытается избавить её от смущения шуткой.

— Это было бы ужасно неловко, — отвечает он.

Элеонора вскидывает глаза. В них появляется прежний вызов.

— Чрезвычайно.

— Особенно потому, что на этот раз люди окажутся правы.

Она замирает.

Шум галереи никуда не исчезает. Лакей проходит мимо с подносом пустых бокалов, скрипач коротко проводит смычком по струнам. Однако Элеонора слышит всё это будто изда-лека.

Её пальцы перестают терзать юбку.

Хью не улыбается. Не приподнимает бровей, не ждёт, что удачная фраза заставит её покраснеть ещё сильнее. В его лице нет ни самодовольства, ни торжества мужчины, сумевшего поставить девушку в неловкое положение.

Он просто сообщает правду.

Взгляд Хью остаётся открытым, но не требовательным. Он не ищет немедленного признания в ответ и не делает ни шага ближе. Между ними сохраняется почтительное расстояние, а протянутая рука всё ещё предлагает, не удерживает.

Элеонора смотрит на него дольше, чем позволяют обычные приличия.

Ей нравится Хью. Эта мысль уже не нова. Новым становится понимание, что она, возможно, тоже нравится ему — не только как весёлая собеседница на один вечер, не только как удобная партнёрша по танцу.

От этой возможности внутри поднимается надежда. За ней немедленно приходит страх: надежды прошлого сезона заканчиваются ровно в тот момент, когда мужчина узнаёт размер её приданого.

Хью замечает тень, промелькнувшую по её лицу. Его пальцы слегка сгибаются, будто он собирается опустить руку.

— Если вы предпочитаете другого партнёра, — добавляет он, — я пойму.

Ни обиды, ни упрёка в его голосе нет. Он отступает на полшага, возвращая ей пространство, и впервые отводит взгляд — не желая, чтобы необходимость отказать перед всем залом стала для неё ещё тяжелее.

Именно это окончательно побеждает её осторожность.

Элеонора разжимает пальцы, выпускает из руки измятую складку юбки и кладёт ладонь на его ладонь.

Хью сразу поднимает глаза.

Тепло возвращается в его лицо, но он лишь смыкает пальцы вокруг её руки — бережно, без победного жеста.

— Вы слишком хороший человек, Хью.

Имя вырывается у неё прежде, чем она успевает остановиться.

Они оба слышат это.

Элеонора чуть приоткрывает рот. Румянец становится ярче, и она уже готова исправиться, вернуть между ними положенное «мистер Фэрчайлд», но Хью не ставит её в ещё более неловкое положение.

Только его большой палец едва заметно касается края её перчатки, а улыбка делается мягче.

— Это отказ? — спрашивает он.

— Это предупреждение, — отвечает Элеонора, вновь обретая голос. Она приподнимает подбородок и позволяет ему вести себя к ряду. — Хорошими людьми часто пользуются.

— Вы собираетесь мной воспользоваться?

Он смотрит на неё сбоку. Теперь в его глазах снова появляется весёлый блеск, но за ним остаётся что-то более серьёзное, возникшее после её согласия.

Элеонора делает вид, что размышляет.

— Пока только во время танца.

— Я готов рискнуть.

Они занимают место в ряду.

Хью отпускает её руку, когда этого требуют фигуры, но его ладонь ещё мгновение остаётся приподнятой, словно тепло её пальцев сохраняется на перчатке. Элеонора замечает это и отворачивается к музыкантам, скрывая улыбку.

Первые аккорды начинают контрданс.

Второй танец оказывается длиннее первого. Винсент и Лавиния задают фигуры во главе ряда. Остальные пары повторяют движения вслед за ними, постепенно продвигаясь к верхнему концу, а затем спускаясь вниз.

Лавиния танцует с прежней точностью. Когда очередь доходит до очередной пары, она встречает её спокойной улыбкой и не меняет выражения даже тогда, когда молодой кавалер путает направление. Винсент одним движением руки возвращает того на нужное место, после чего продолжает фигуру, будто ничего не происходит.

Элеонора снова отдаётся музыке.

Первые несколько шагов она ещё помнит о взглядах у стены. Чувствует на себе внимание матери, замечает, как две девушки неподалёку переглядываются, увидев её рядом с Хью второй раз подряд.

Потом музыка становится быстрее, и всё лишнее исчезает.

Усталость ещё не успевает поселиться в ногах. Дыхание легко подчиняется ритму, а паркет будто пружинит под тонкими подошвами. Элеонора движется свободнее, чем в начале первого танца. Теперь ей не требуется вспоминать фигуры: тело угадывает их само.

Когда они сходятся с Хью, он протягивает руку заранее. Элеонора касается её всего на несколько мгновений, но каждый раз встречает его взгляд. Между ними возникает собственный ритм внутри музыки — короткие улыбки, едва заметные повороты головы, фразы, которые приходится делить на несколько встреч.

Хью больше не пытается делать ей комплименты.

Вместо этого, оказавшись рядом во время променада, он говорит:

— Моя младшая сестра однажды сбежала с урока музыки через окно.

Элеонора резко поворачивает к нему голову.

— С какого этажа?

— С первого.

— Тогда это не считается побегом. Это всего лишь необычный способ покинуть комнату.

Фигура разводит их.

Хью отступает к другой даме, делает положенный поклон, подаёт ей руку и возвращается к Элеоноре через несколько тактов.

— Окно выходило в розарий, — продолжает он.

— Это уже интереснее. Она пострадала?

— Только её достоинство. Садовник застал её в кустах.

Элеонора закрывает рот пальцами, пряча смех. Поворот заставляет её пройти мимо него, и Хью успевает увидеть, как дрожат её плечи.

При следующей встрече она признаётся:

— В четырнадцать лет я прятала ненавистные ноты внутри атласа.

Хью открывает рот, но музыка снова уводит его в сторону.

Они оказываются по разные стороны ряда. Элеонора подаёт руку сэру Артуру, обходит его и снова приближается к Хью.

— Вас поймали? — успевает спросить он.

— Разумеется.

Она отступает, пропуская следующую пару, затем возвращается. Каштановая прядь снова падает ей на щёку.

— Я выбрала Африку, — продолжает Элеонора, сдувая локон, — а моя гувернантка решила проверить, где находится Абиссиния.

— География губит лучших из нас.

Хью произносит это с печальной торжественностью.

— Меня погубило отсутствие предусмотрительности. Следовало выбрать океан.

— Атлантический?

— Любой достаточно глубокий, чтобы ноты уже не нашли.

Снова приходится разойтись.

История всё время прерывается, и от этого становится только веселее. Каждый раз Хью возвращается с вопросом, который успевает придумать за время фигуры. Элеонора отвечает уже на ходу, иногда вынуждая его ждать целый круг.

Она замечает, что он действительно слушает.

Хью не улыбается заранее, ожидая только возможности вставить собственную шутку. Когда Элеонора говорит, его внимание целиком принадлежит ей. Если музыка разводит их

прежде окончания фразы, он при следующей встрече слегка склоняет голову, без слов прося продолжить с того же места.

Это простое внимание действует на неё сильнее любого комплимента.

К концу танца Элеонора уже не просто привлекает взгляды — вокруг неё будто образуется собственное движение.

Мужчины следят, когда она снова окажется рядом. Девушки улыбаются в ответ на её улыбку. Даже пожилые дамы, изначально готовые осудить слишком живую манеру, понемногу смягчаются.

Элеонора не старается стать центром ряда. Она не взмахивает руками шире положенного и не смеётся громче музыки. Её притягательность обнаруживается в другом: с каждым человеком она успевает встретиться взглядом, каждому отвечает так, словно именно эта короткая встреча имеет для неё значение.

Когда мистер Блейк сбивается, лицо его мгновенно вытягивается. Он останавливается посреди фигуры, понимая, что движется не в ту сторону. Маргарет уже готова потянуть его за рукав, но Элеонора первой делает лишний шаг и оказывается рядом.

Она изображает такое же замешательство.

— Полагаю, виновата я, — произносит достаточно громко, чтобы услышали ближайшие пары.

Мистер Блейк моргает. Элеонора улыбается ему и едва заметным движением пальцев показывает верное направление.

Он понимает, выпрямляется и продолжает танец. Благодарность на его лице смешивается с облегчением. Теперь окружающие видят не одинокую ошибку мистера Блейка, а краткое общее замешательство, не заслуживающее внимания.

Маргарет встречается с Элеонорой глазами и беззвучно произносит: «Спасибо».

Несколько минут спустя Луиза слишком увлекается словами капитана Морли и оказывается не с той стороны ряда. Увидев приближающуюся пару, она бледнеет и беспомощно раскрывает глаза.

Элеонора протягивает ей руку, увлекает в плавный поворот и меняется с ней местами. Юбки описывают два пересекающихся круга. Со стороны исправление выглядит частью фигуры.

Луиза оказывается рядом всего на мгновение.

— Я должна тебе жизнь, — шепчет она.

— Только пять шиллингов, — успевает ответить Элеонора.

Луиза едва не сбивается снова от смеха.

Когда пожилой сэр Артур запаздывает, Элеонора замечает, как он на мгновение прижимает руку к боку. Она не бросается помогать и не привлекает к нему внимания. Просто замедляет собственный шаг, рассматривая это как естественную часть музыки. Остальным приходится последовать её темпу.

Сэр Артур успевает занять место. Проходя мимо, он благодарно касается пальцами груди. Она отвечает коротким наклоном головы.

Элеонора великолепна не потому, что никогда не ошибается.

Рядом с ней другие перестают бояться собственных ошибок.

Хью понимает это прежде многих.

Поначалу он наблюдает за ней с улыбкой. Затем улыбка становится слабее, а взгляд — внимательнее. Он видит не только девушку, рядом с которой весело. Замечает, как быстро она распознаёт чужую неловкость и как старательно скрывает собственную помощь, чтобы никто не чувствовал себя обязанным.

Когда Элеонора снова подходит к нему, Хью несколько мгновений просто смотрит на неё.

— Что? — успевает спросить она.

Он качает головой.

— Ничего.

— Сегодня я слишком часто слышу это слово.

— Возможно, некоторые вещи не следует портить объяснениями.

Фигура уводит его прежде, чем Элеонора успевает потребовать более ясного ответа.

Она провожает Хью взглядом. На этот раз её улыбка становится тише, а тепло под рёбрами — сильнее.

Последние фигуры даются уже тяжелее.

Элеонора по-прежнему держит голову высоко и не теряет ритма, но дыхание становится глубже. Улыбка появляется на долю секунды позже. Подушечки пальцев покалывает внутри перчаток, а туфли, казавшиеся вполне удобными в начале вечера, постепенно превращаются в два изящных орудия пытки.

Она переносит вес с одной ноги на другую, стараясь не морщиться.

Хью замечает перемену. Его взгляд несколько раз опускается к её ногам, но он не спрашивает о самочувствии посреди танца. Только поддерживает её чуть увереннее во время поворотов и незаметно замедляет шаг, когда они оказываются рядом.

Элеонора благодарно сжимает его пальцы.

Музыка наконец подходит к завершению. Последний аккорд звучит особенно громко, пары занимают места и готовятся к поклону.

Элеонора приседает в реверансе.

Внизу колени начинают дрожать. Она с некоторым ужасом понимает, что подниматься будет значительно труднее, чем опускаться.

Хью видит это. Его рука немедленно подаётся вперёд, но он не хватается её и не выставляет затруднение напоказ. Ладонь замирает рядом — достаточно близко, чтобы Элеонора могла принять помощь, если пожелает.

Она касается его пальцев и выпрямляется.

Хью не отпускает её сразу.

— Всё хорошо? — спрашивает он тихо.

Элеонора расправляет плечи. На лице появляется слишком бодрая улыбка.

— Прекрасно.

Она делает шаг и чувствует резкую боль в ступне.

Уголок её рта дёргается. Элеонора немедленно останавливает гримасу, но Хью уже замечает. Его брови сходятся, а рука под её пальцами становится твёрже.

— Вы лжёте очаровательно, но недостаточно убедительно.

— Это туфли, — признаётся она сквозь улыбку.

— Хотите сесть?

Элеонора осторожно двигает пальцами внутри тесной туфли и тихо выдыхает.

— Я хочу новые ноги.

Хью оглядывается, будто действительно собирается найти их среди приготовленных для гостей удобств.

— Боюсь, герцогиня не предусмотрела их среди развлечений.

— Какая непростительная оплошность.

— Я немедленно подам жалобу.

Он предлагает ей руку.

На этот раз Элеонора опирается на неё сильнее. Пальцы обхватывают его предплечье, и Хью чувствует, какую часть веса она переносит на него.

Он ничего не говорит. Не накрывает её ладонь своей и не пытается использовать помощь как повод для лишнего прикосновения. Просто замедляет шаг, подстраиваясь под неё, и выби-

рает путь между гостями так, чтобы Элеоноре не приходилось ни спешить, ни огибать танцующих.

Кресла стоят возле открытого окна. Оттуда тянет вечерней прохладой.

Хью сначала направляется к ближайшему, но замечает, как пламя свечи рядом с ним дрожит от сквозняка. Он выбирает другое — немного дальше от окна, но всё ещё на свежем воздухе.

Элеонора видит это. Благодарность согревает её сильнее, чем могла бы согреть самая изысканная фраза.

Хью отступает и ждёт, пока она расправит юбку и сядет. Только убедившись, что ей удобно, позволяет себе опереться рукой о спинку соседнего кресла.

— Лимонад?

Элеонора поднимает на него глаза. Дыхание ещё не успевает успокоиться, а прядь снова лежит на разгорячённой щеке.

— Если я скажу «да», вы принесёте его сами?

— У меня есть печальный недостаток: я исполняю обещания.

— Даже данные женщинам?

— Особенно данные женщинам.

Элеонора сдувает прядь и улыбается.

— Тогда два стакана. Луиза приближается с лицом женщины, пережившей страшное потрясение.

Хью оборачивается.

Луиза действительно пробирается к ним через зал, одной рукой подбирая юбку, а другой таща за собой Маргарет. Голубые глаза распахнуты так широко, что её лицо кажется ещё меньше. Рот приоткрыт, светлые кудри подпрыгивают у висков, а закрытая книжица снова прижата к груди, словно Луиза собирается защищаться ею от нравственного потрясения.

Маргарет идёт следом значительно медленнее. Она пытается освободить запястье, но не настолько настойчиво, чтобы действительно остановить подругу. Её лицо сохраняет обычное спокойствие, зато щёки непривычно розовы, а веер двигается возле груди быстрее положенного.

Хью наблюдает за их приближением.

— В таком случае принесу три, — решает он.

Хью с любопытством смотрит сначала на огромные глаза Луизы, затем на веер Маргарет. В его взгляде появляется вопрос, но вслух он его не задаёт. Только выпрямляется и поправляет манжеты, принимая решение оставить девушек наедине с их потрясением.

— Я вернусь с лимонадом, — говорит он.

— Не слишком быстро, — просит Луиза.

Хью уже делает шаг, но останавливается. Одна бровь медленно поднимается.

Луиза прижимает книжицу ещё крепче и смотрит на него с таким отчаянным ожиданием, что объяснений не требуется.

Хью переводит взгляд на Элеонору. В уголках её губ прячется улыбка, а глаза умоляют его проявить благоразумие и исчезнуть.

— Понимаю, — произносит он.

В действительности он не понимает ничего, но, обладая тремя сёстрами, знает, когда неведение следует считать преимуществом.

Хью делает короткий поклон и отходит к столу с напитками. Идёт неторопливо, не оборачивается и намеренно задерживается возле пожилого джентльмена, преградившего ему дорогу.

Элеонора провожает его взглядом.

Только убедившись, что Хью не сможет их услышать, она поворачивается к подругам.

Луиза дожидается, пока Хью отойдёт достаточно далеко, и почти падает в соседнее кресло. Пышная юбка взлетает вокруг неё, книжица прижимается к груди, словно девушка только что спасает её из пожара.

Маргарет остаётся стоять. Она тщательно расправляет складки на рукавах и обмахивается веером, однако быстрые движения выдают волнение лучше любого признания.

Подруги смотрят на Элеонору.

Луиза — широко раскрытыми глазами, полными ужаса и восторга. Маргарет — с суровой решимостью человека, которому приходится сообщать сведения чрезвычайной нравственной важности.

— Мы видели нечто ужасное, — объявляет Луиза.

Она наклоняется вперёд так резко, что светлые кудри подпрыгивают у висков.

— Неприличное, — поправляет Маргарет.

Её голос звучит спокойнее, но веер продолжает двигаться вдвое быстрее обычного.

Луиза бросает на неё нетерпеливый взгляд.

— Ужасно неприличное.

Элеонора вытягивает ноги под юбкой, стараясь сделать это незаметно. Боль в ступнях отзывается тупым покалыванием, и на мгновение она стискивает зубы. Затем устраивается глубже в кресле, кладёт руки на колени и рассматривает подруг с усталым любопытством.

— Капитан Морли наступил тебе на платье?

Луиза мгновенно выпрямляется.

— При чём здесь капитан Морли?

— Ты провела с ним достаточно времени...

На лице Луизы последовательно отражаются изумление, ужас и глубокое оскорбление. Румянец вспыхивает от шеи до самых корней светлых волос. Она судорожно оглядывается, проверяя, не слышит ли их кто-нибудь поблизости, и только потом поворачивается к Элеоноре.

— Что ты такое говоришь!

Луиза произносит это шёпотом, но с таким отчаянным достоинством, будто выступает перед судом.

Элеонора медленно кивает.

— Значит, капитан оказался приятен?

— Элеонора!

Луиза прижимает книжицу к лицу, прячась за ней почти до самых глаз.

Маргарет ударяет Элеонору закрытым веером по руке.

Удар получается лёгким, скорее символическим. Уголки губ Маргарет уже дрожат, и ей приходится отвернуться, чтобы сохранить осуждающее выражение.

— Не мучай её.

— Я не мучаю. Я уточняю обстоятельства.

— Они не имеют отношения к капитану Морли.

Луиза опускает книжицу, но продолжает смотреть на Элеонору с видом невинно оклеветанной женщины.

— Совершенно никакого.

— Разумеется, — соглашается Элеонора. — Поэтому ты краснеешь всякий раз, когда произносишь его имя.

Щёки Луизы становятся ещё ярче.

Маргарет снова поднимает веер, теперь уже скрывая собственную улыбку.

— Речь не о капитане, — говорит она, возвращая разговор к цели их появления. Голос становится тише, а серые глаза быстро проверяют пространство вокруг кресел. — Мы видели лорда Ривенхолла и леди Лавинию.

Улыбка Элеоноры немного тускнеет.

Она смотрит поверх голов подруг.

Винсент стоит возле герцогини и слушает пожилого графа. Тот говорит долго и с выражением крайней важности, время от времени указывая двумя пальцами на потолок, будто обсуждает нечто, происходящее прямо над их головами. Винсент держит руки за спиной и изредка кивает. На его лице сохраняется безукоризненное внимание, однако взгляд становится неподвижнее с каждой новой фразой.

Лавиния разговаривает с его младшей сестрой. Одна рука лежит на сложенном веере, другая легко касается жемчуга на шее. Она выглядит так же спокойно, как во время танца. Ни сбившегося дыхания, ни лишнего румянца, ни единой выбившейся пряди.

— Он сделал ей предложение? — спрашивает Элеонора.

Она намеренно придаёт голосу скушающую интонацию и снова откидывается на спинку кресла.

Луиза подаётся к ней.

— Не притворяйся, будто тебе не любопытно.

Она склоняется так близко, что один светлый локон падает на плечо Элеоноры, а другой щекочет ей подбородок. Элеонора пытается отодвинуть его пальцем, но Луиза хватается её за запястье, требуя полного внимания.

— Это произошло в оранжерее, — шепчет она.

Элеонора переводит взгляд с её пальцев на лицо.

— Что вы делали в оранжерее?

Луиза выпускает её руку.

Восторг на лице сменяется виноватым выражением. Она опускает глаза к книжице и проводит ногтем по краю обложки.

— Там прохладнее.

— Конечно.

— В галерее очень душно.

— Несомненно.

— И нам требовался свежий воздух.

Элеонора смотрит на Маргарет.

Та перестаёт обмахиваться и прижимает закрытый веер к губам, словно пытается заранее удержать нежелательный ответ.

— И оттуда лучше видно? — догадывается Элеонора.

Луиза открывает рот, но Маргарет опережает её:

— Мы не подсматривали.

Она произносит это твёрдо и смотрит Элеоноре прямо в глаза. Лишь румянец, снова поднимающийся к ушам, мешает поверить в её безупречную честность.

— Разумеется, нет.

Элеонора растягивает слова, и Маргарет сужает глаза.

— Мы прятались от мистера Блейка, — признаётся Луиза.

Маргарет резко поворачивается к ней.

— Эту подробность можно было опустить.

— Но она объясняет, почему мы оказались за пальмой.

— За пальмой? — переспрашивает Элеонора.

Луиза кивает.

— Очень большой.

— Она стояла в кадке, — добавляет Маргарет с раздражённой точностью, будто размер и способ посадки растения способны спасти их доброе имя. — Мы не прятались непосредственно в ветвях.

Элеонора переводит взгляд с одной подруги на другую.

— Не уверена, что это улучшает рассказ.

Луиза нетерпеливо взмахивает рукой.

— Пальма не имеет значения.

Маргарет снова касается веером руки Элеоноры, на этот раз предупреждая.

— Ты хочешь услышать или нет?

Элеонора бросает ещё один взгляд на Винсента. Он поворачивает голову в сторону графа, и свет от люстры скользит по резкой линии его скулы.

— Что сделал лорд Ривенхолл?

Подруги переглядываются.

Луиза приоткрывает рот, но Маргарет едва заметно качает головой, словно призывает её придерживаться фактов. Луиза отвечает возмущённым взглядом: факты, по её мнению, не требуют никакого украшения.

Наконец она наклоняется ещё ближе и понижает голос до шёпота:

— Он снял перчатку.

После этого признания Луиза замирает.

Элеонора ждёт. Несколько мгновений смотрит на неё, ожидая продолжения, затем медленно моргает.

— И?

Луиза отстраняется.

— Что значит «и»?

— Именно то и значит.

— Он снял перчатку.

— Я поняла эту часть.

Луиза сжимает губы, не понимая, как можно оставаться столь бесчувственной перед лицом очевидного разврата.

— Полагаю, под ней обнаружилась рука, — заканчивает Элеонора.

— Голая рука, — подчёркивает Луиза.

Она произносит «голая» так тихо, что слово больше похоже на выдох.

Маргарет на мгновение закрывает глаза.

Элеонора сохраняет серьёзное выражение.

— Какое счастье, что ты выжила.

Луиза хватается её за предплечье.

— Позволь мне договорить.

— Я пытаюсь, но потрясение мешает мне мыслить.

— Элеонора!

Теперь в голосе Луизы звучит настоящее отчаяние. Элеонора смягчается и жестом разрешает ей продолжать.

Луиза в последний раз оглядывается на Винсента.

Граф всё ещё говорит. Винсент что-то коротко отвечает, и пожилой мужчина начинает смеяться, запрокинув голову. Сам маркиз лишь вежливо приподнимает уголок рта.

— У леди Лавинии прядь попала в застёжку ожерелья, — продолжает Луиза. — Она попыталась освободить её сама, но не смогла. Тогда лорд Ривенхолл снял перчатку и встал у неё за спиной.

Пальцы Элеоноры, лежащие на юбке, едва заметно сгибаются.

— А она подняла волосы, — добавляет Луиза.

Элеонора перестаёт улыбаться.

Маргарет, до этого старавшаяся держаться в стороне от драматического изложения, поднимает обе руки к затылку. Собирает тёмные волосы так, словно открывает застёжку воображаемого ожерелья, и чуть склоняет голову, обнажая шею.

— Вот так, — поясняет она.

Жест длится всего мгновение, но его достаточно.

Элеонора представляет Лавинию на её месте: поднятые тёмные волосы, жемчуг, светлая кожа на затылке и Винсент, стоящий позади. Слишком близко. Его голая рука возле её шеи.

Внутри возникает странное, почти физическое ощущение. Элеонора непроизвольно касается собственной шеи, но, заметив взгляд Маргарет, немедленно опускает руку.

— И он прикоснулся к ней, — выдыхает Луиза.

— К застёжке, — уточняет Маргарет.

Она уже опускает руки, но кончики её ушей краснеют ещё сильнее.

Луиза медленно поворачивается к ней.

— Сначала к застёжке.

Маргарет плотно закрывает веер.

— Мы не знаем, было ли последующее прикосновение намеренным.

— Он провёл пальцами по её шее.

— Возможно, искал застрявшую прядь.

— Пальцами?

— Обычно пряди ищут именно так.

— Очень медленно.

— Осторожно.

— Нежно, — поправляет Луиза.

Маргарет бросает на неё предупреждающий взгляд.

— Этого мы тоже не можем утверждать.

— Я видела.

Элеонора переводит взгляд на Лавинию.

Один ряд жемчуга по-прежнему лежит вокруг её белой шеи. Тёмные волосы снова безукоризненно собраны. Лавиния слушает сестру Винсента с лёгкой улыбкой и время от времени касается веером своей ладони.

Ничто в её лице не указывает на то, что несколько минут назад она оказалась участницей сцены, способной погубить её репутацию.

Даже румянец отсутствует.

Эта невозмутимость почему-то кажется Элеоноре особенно подозрительной.

— Возможно, он просто освобождал волосы, — говорит она.

Слова звучат рассудительно, но взгляд всё ещё остаётся прикованным к жемчугу.

— Это заняло очень много времени, — возражает Луиза.

Элеонора наконец отрывается от Лавинии.

— Насколько много?

Луиза открывает рот.

Маргарет поворачивается к ней, явно ожидая точного ответа.

— Достаточно, — объявляет Луиза.

— Это не мера времени.

— В подобных обстоятельствах — мера.

Элеонора смотрит на Маргарет.

Та на мгновение прикрывает глаза и вздыхает.

— Луиза считает время иначе, когда взволнована, — признаёт она. — Но он действительно стоял очень близко.

— Насколько близко?

Маргарет поднимает руку и показывает расстояние между большим и указательным пальцами.

Элеонора смотрит на два дюйма воздуха.

— Это всё?

— Между его лицом и её волосами, — уточняет Маргарет.

Взгляд Элеоноры снова перемещается к Винсенту.

Два дюйма.

Теперь воображение услужливо дорисовывает не только руку, но и его лицо возле виска Лавинии, дыхание у её уха, тёмную голову, склонённую над обнажённой шеей.

Жар поднимается к щекам.

Элеонора сердится на себя за эту реакцию и выпрямляется в кресле.

— Он наклонился к ней, — торопливо добавляет Луиза, заметив, что рассказ наконец производит должное впечатление. — Вот так.

Она склоняется к Маргарет, почти касаясь губами её уха.

Маргарет отшатывается и прижимает ладонь к шее.

— Не обязательно показывать на мне.

— Его лицо оказалось возле её уха, — продолжает Луиза. — И он что-то сказал.

Элеонора сжимает колени под юбкой, забывая о боли в ступнях.

— Что?

Луиза выпрямляется. Восторг на её лице уступает место искреннему разочарованию.

— Мы не слышали. Между нами была пальма.

Элеонора медленно поворачивает голову к Маргарет.

— Какая трагедия.

Маргарет кивает.

— Луиза чуть не опрокинула кадку, пытаясь расслышать.

— Я только опёрлась на неё.

Луиза решает не отвлекаться на несправедливые обвинения.

— А потом его пальцы коснулись вот здесь.

Она касается собственной шеи чуть ниже уха. Проводит кончиком указательного пальца вниз всего на дюйм.

Элеонора следит за движением.

Кожа на её собственной шее неожиданно становится слишком чувствительной к прохладному воздуху из окна. Она снова поднимает руку, будто хочет поправить выбившуюся прядь, но вовремя останавливается.

Вместо этого складывает ладони на коленях и придаёт лицу строгое выражение.

— На глазах у половины гостей?

Голос звучит чуть резче, чем она рассчитывает.

Луиза моргает.

— На глазах у пальмы, Маргарет и меня.

— Вы не половина гостей.

— Это всё равно были глаза.

— И леди Лавиния позволила ему?

Подруги переглядываются.

— Она не отстранилась, — говорит Маргарет осторожно.

— Она закрыла глаза, — говорит Луиза одновременно.

Маргарет поворачивается к ней.

— Только на мгновение.

— Но закрыла.

— Возможно, он потянул за волосы.

— Она улыбнулась.

Элеонора снова смотрит на безупречный профиль девушки. В памяти возникает собственная фраза о том, что Винсенту требуется убедиться во всеобщем внимании.

Очевидно, в оранжерее ему хватает даже двух девушек и пальмы.

— Это всё равно не даёт ему права, — произносит она.

Маргарет прекращает спорить с Луизой и поворачивается к Элеоноре.

— Какого права?

В её голосе слышится не насмешка, а честное любопытство.

Элеонора открывает рот.

Пальцы на коленях переплетаются крепче. Она понимает, что точное определение права представляет затруднение.

Винсент освобождает волосы женщины, которая, вероятнее всего, вскоре станет его невестой. Лавиния не возражает. В оранжерее нет посторонних мужчин. Формально преступление пока состоит лишь в отсутствии одной перчатки и излишней близости.

Но от одной мысли о его пальцах на женской шее Элеоноре всё равно становится жарко и неловко.

Именно поэтому поступок кажется особенно предосудительным.

— Так себя вести, — наконец говорит она.

Маргарет медленно поднимает бровь.

— Очень точное обвинение.

— Мужчина не должен прикасаться к незамужней женщине подобным образом.

— А если она позволяет? — спрашивает Маргарет.

— Тем хуже для него. Он обязан обладать рассудительностью за двоих.

Луиза впечатлённо кивает.

— Возможно, они уже помолвлены, — шепчет она. — Просто ещё не объявили.

Элеонора качает головой. Прядь снова касается щеки, и она раздражённо сдувает её.

— Тогда тем более следует объявить, прежде чем он начать распускать руки в оранжереях.

— Он не распускал руки, — говорит Маргарет. — Рука была одна.

Элеонора медленно переводит на неё взгляд.

Маргарет сохраняет серьёзное выражение. Только уголки губ начинают предательски опускаться, будто она изо всех сил удерживает улыбку внутри.

Несколько мгновений они смотрят друг на друга.

Затем Маргарет не выдерживает. Закрывает лицо веером, опускает подбородок, и её плечи начинают дрожать.

Луиза первой издаёт сдавленный звук, похожий на испуганный писк. Прижимает ладонь ко рту, но смех уже вырывается между пальцами.

Элеонора пытается сохранить строгость.

Это продолжается ровно два удара сердца.

Потом она тоже смеётся, откидываясь на спинку кресла. Смех заставляет её прижать руку к боку. Луиза сгибается почти вдвое, Маргарет по-прежнему прячется за веером, а Элеонора умоляет их быть тише, сама не способная остановиться.

Именно в этот момент возвращается Хью с четырьмя стаканами лимонада.

Он останавливается перед креслами.

Сначала смотрит на Луизу, которая поспешно выпрямляется и вытирает уголки глаз. Затем — на Маргарет, слишком старательно обмахивающуюся веером. Последней переводит взгляд на Элеонору. Она сидит с раскрасневшимися щеками и прикушенной губой, отчаянно пытаясь вернуть лицу приличествующее выражение.

Хью чуть склоняет голову.

— Я пропустил что-то важное?

— Нет, — слишком быстро отвечает Луиза.

Она хватается книжицу обеими руками и прижимает к животу.

— Пальму, — говорит Элеонора.

Хью молча смотрит на неё.

Элеонора сохраняет серьёзность, хотя глаза всё ещё смеются.

Он переводит взгляд на Маргарет, словно надеется получить объяснение от самой рассудительной из них. Маргарет прикрывает ухо веером и смотрит в сторону.

— Понятно, — произносит Хью.

По его лицу очевидно, что не понятно ничего.

Однако он не задаёт больше вопросов. Подходит ближе и начинает раздавать стаканы. Первый протягивает Луизе, второй — Маргарет. Перед тем как подать третий Элеоноре, незаметно меняет его местами с четвёртым.

Она замечает: в выбранном для неё стакане меньше льда.

Хью, очевидно, помнит, что после танца она разгорячена и пьёт слишком быстро.

Элеонора принимает стакан. Их пальцы на мгновение соприкасаются.

— Вы решили не интересоваться? — спрашивает она.

Хью остаётся стоять рядом с её креслом. Смотрит на трёх девушек и делает осторожный глоток.

— У меня три сестры, — напоминает он. — Я давно понял: если четыре женщины одновременно уверяют мужчину, что ничего не произошло, его выживание зависит от способности поверить.

Элеонора оглядывает их компанию.

— Нас только трое.

— Тем более.

Хью невозмутимо поворачивает голову в сторону оранжереи.

— Четвёртая может находиться за пальмой.

Луиза снова прижимает ладонь ко рту. Маргарет опускает голову.

Элеонора смеётся и едва не проливает лимонад на платье. Хью успевает подхватить стакан снизу, не касаясь её руки.

— Осторожнее.

— Это ваша вина.

— Я принёс напиток. Способ его применения оставил на ваше усмотрение.

Он утирает ладонь, только убедившись, что стакан снова стоит ровно.

К началу ужина Элеонора успевает немного отдохнуть. Жар после танца проходит, дыхание становится спокойнее, однако ступни всё ещё ноют. Поднимаясь, она осторожно переносит вес на левую ногу и тут же морщится.

Хью замечает.

Он не спрашивает при всех, больно ли ей, и не предлагает взять на руки, как сделал бы кавалер, больше озабоченный эффектом собственной заботы. Просто становится ближе и подаёт согнутую руку так, чтобы Элеонора могла опереться сильнее, не привлекая внимания.

Она благодарно кладёт пальцы на его предплечье.

По дороге в столовую Хью идёт медленнее остальных. Когда движение гостей останавливается в дверях, он поворачивается к Элеоноре и заслоняет её от напирющей сзади толпы. Не касается, только занимает достаточно места, чтобы никто не толкнул её в спину.

Элеонора замечает каждую мелочь.

Хью не предлагает ей новый танец и не пытается удержать возле себя после двух предыдущих. Провожает в столовую, находит свободное место рядом с Луизой и отодвигает стул.

— Благодарю.

Элеонора садится, расправляя юбку.

— Я скоро вернусь.

— Вы опять собираетесь добывать для нас пропитание?

— Если доверить это вам, вы можете выбрать что-нибудь опасное.

Он бросает выразительный взгляд на миндальные кремы и уходит за тарелками для всех троих.

В столовой прохладнее, чем в галерее. Высокие окна приоткрыты, свечи возле них слегка колеблются. На длинных столах стоят холодная птица, ветчина, мясные пироги, рыба под соусом, заливное, фрукты, бисквиты и кремы в серебряных чашах. Между блюдами поднимаются вазы с розами и зеленью. Их аромат смешивается с запахом воска, вина и пряностей.

Свечи отражаются в стекле, хрустале и полированных крышках. За столом звенят приборы, шуршат салфетки, голоса сливаются в ровный гул.

Хью возвращается с тарелкой, на которой нет ни одного блюда, способного потечь, рассыпаться или оставить заметное пятно на бледно-зелёном муслине.

Он ставит её перед Элеонорой, затем раздаёт остальные Луизе и Маргарет.

Элеонора изучает аккуратно разложенные кусочки холодной птицы, хлеб, фрукты и небольшую порцию белого крема.

— Вы предусмотрели всё.

Хью садится рядом, оставляя между их стульями почтительное расстояние.

— Я выбрал только то, что сам способен опознать.

— А это?

Элеонора берёт вилку и указывает на дрожащее белое сооружение. Крем качается при каждом движении стола.

Хью наклоняется ближе, рассматривая его.

— Мне представили его как миндальный крем.

— Вы им не поверили?

— Мы недостаточно знакомы.

Элеонора осторожно отделяет маленький кусочек. Крем сопротивляется, затем дрожит на вилке всю дорогу до её рта.

Хью наблюдает с напряжённым вниманием человека, ожидающего результата опасного опыта.

Она пробует и несколько мгновений сохраняет непроницаемое выражение.

— Они сказали правду.

Хью кладёт ладонь на грудь и с облегчением выдыхает.

— Благодарю. Теперь я смогу спать спокойно.

— Если он не отравлен.

Его рука замирает.

Элеонора улыбается и берёт второй кусочек.

— Вы жестокая женщина, мисс Вейл.

Хью сидит рядом, но не пытается занять всё её внимание.

Когда к нему обращается капитан Морли, он поворачивается, отвечает на вопрос и затем снова смотрит на Элеонору.

— Вы говорили, что ваша гувернантка нашла ноты в атласе, — напоминает он. — Что произошло потом?

Она удивлённо моргает. История прервалась почти час назад, посреди танца, и Элеонора уже успела забыть о ней.

Хью — нет.

Она рассказывает, как в наказание вынуждена целую неделю играть одну и ту же пьесу. Он слушает, не перебивая. Если кто-то обращается к нему, Хью не оставляет Элеонору посреди фразы: сначала ждёт окончания, только потом переводит взгляд на собеседника.

Когда к столу подходит леди Вейл, Хью немедленно поднимается.

Марианна сперва смотрит на дочь, затем на её тарелку. Брови слегка сходятся: по мнению леди Вейл, Элеонора ест недостаточно. После этого её взгляд переходит к Хью, и лицо смягчается.

Он уступает ей своё место без суеты и отступает в сторону.

— Надеюсь, мисс Вейл не слишком утомилась, — говорит Хью.

— Элеонора никогда не умеет вовремя остановиться, — отвечает леди Вейл.

Элеонора поднимает глаза к потолку.

— Мама.

Хью не смеётся над ней.

— Это, должно быть, относится только к хорошим вечерам, — произносит он. — Плохой мисс Вейл, вероятно, покинет без сожалений.

Взгляд Марианны задерживается на нём. На губах появляется одобрительная улыбка.

— В таком случае я рада, что Олдервик пока не разочаровал её.

Леди Вейл поправляет дочери ленту у плеча. Прикосновение кажется обычным материнским жестом, но её глаза быстро переходят от Элеоноры к Хью.

Он делает вид, что не замечает заключённого в этом взгляде вопроса.

Когда Марианна уходит, Элеонора тихо выдыхает.

— Вы ей понравились.

— Боюсь спросить, хорошо ли это.

— Пока хорошо. К утру она может выяснить ваше происхождение до нормандского завоевания.

— Ей придётся остановиться значительно раньше.

Элеонора роняет салфетку.

Хью наклоняется почти одновременно с ней, но первым поднимает ткань. Не разворачивает это в церемонию и не подносит к её руке. Просто кладёт салфетку рядом с тарелкой и продолжает разговор с того же слова, на котором они прервались.

Хорошие манеры Хью не похожи на представление.

Он не оглядывается, проверяя, заметил ли кто-нибудь его любезность. Не ждёт благодарности и не превращает каждую услугу в доказательство собственного достоинства. Забота для него, кажется, существует не ради награды, а потому, что он действительно замечает чужое неудобство.

Поэтому благодарность возникает сама.

Элеонора ловит себя на том, что ищет его взгляд даже тогда, когда Хью говорит с другими.

Вот он слушает капитана Морли и кивает, но на особенно громкий смех Луизы сразу поворачивает голову к их стороне. Вот передаёт блюдо пожилой даме, замечает, что Элеоноре неудобно тянуться за водой, и переставляет графин ближе, не прерывая разговора. Вот встречается с ней глазами через плечо капитана, и на его губах появляется короткая улыбка, предназначенная только ей.

Каждый такой взгляд разжигает внутри тихую надежду.

Элеонора старается не давать ей имени.

Через стол от них сидит Винсент. Лавиния оказывается справа от него.

Они разговаривают мало. Иногда Лавиния произносит несколько слов, Винсент наклоняет голову, чтобы расслышать, и отвечает. Затем оба снова умолкают.

Но в их молчании окружающие находят больше доказательств близости, чем в чужих признаниях. Никто не пытается занять пространство между ними. Блюда передают через других гостей, слуги обходят пару со спины, а пожилые дамы всё чаще переглядываются.

Лавиния сидит прямо. Жемчуг лежит вокруг её шеи ровным светлым кругом.

Элеонора старается не смотреть в ту сторону.

В какой-то момент Винсент поднимает бокал.

Пальцы обхватывают тонкую ножку. Свет скользит по его руке, подчёркивая суставы и короткие ухоженные ногти. Теперь на ней снова белая перчатка, однако воображение Элеоноры услужливо убирает ткань.

Она представляет ту же руку у обнажённой женской шеи. Кончики пальцев под тёмными волосами Лавинии. Большой палец возле жемчужной застёжки.

Элеонора ощущает тепло на собственном затылке и немедленно опускает глаза к тарелке.

Щёки снова горят.

Она сердито протыкает вилкой кусочек холодной птицы.

Бесстыдник!

Маргарет, сидящая напротив, замечает выражение её лица и прослеживает направление недавнего взгляда. Затем касается пальцем своей шеи и едва заметно улыбается.

Элеонора отвечает ей предупреждающим прищуром.

Сам Винсент в эту минуту обсуждает с пожилым лордом Бэрроу цену овса. Он держит бокал у губ, слушает замечание о неурожае и с серьёзным видом отвечает, что весенние дожди вредят северным пастбищам.

Он не подозревает, что уже осуждён.

После ужина гости возвращаются в галерею.

Слуги успевают поправить свечи и открыть ещё одно окно. Воздух становится прохладнее, но в нём по-прежнему смешиваются запахи воска, духов и нагретых цветов.

Часть старших дам занимает карточные столы. Гонория устраивается во главе партии в вист и немедленно обвиняет своего партнёра в неспособности отличить осторожность от трусости. Беатрис садится напротив неё с выражением женщины, готовой получить удовольствие от сражения.

Молодёжь снова тянется к музыкантам.

Несколько девушек жалуются на усталость, обмахиваются веерами и уверяют, что больше не способны сделать ни шага. При этом каждая с заметной тревогой следит, не направится ли её прежний партнёр к кому-нибудь другому.

Элеонора остаётся сидеть.

Она незаметно двигает ступнёй под юбкой. Боль почти проходит, остаётся только тупая тяжесть. Всё тело приятно расслаблено после еды и короткого отдыха, но при первых звуках настройки скрипок в ней снова просыпается желание двигаться.

Хью подходит к ней.

Он останавливается на почтительном расстоянии. На этот раз не протягивает руку сразу. Сначала смотрит на её лицо, затем на ноги, скрытые юбкой, будто вспоминает, как Элеонора морщилась после прошлого танца.

— Вы хотите танцевать?

Она поднимает на него глаза.

В голосе Хью нет уверенности кавалера, ожидающего согласия. Он действительно задаёт вопрос.

Элеонора смотрит с подозрением.

— Это приглашение?

— Это вопрос.

Хью прячет руки за спиной, намеренно лишая её необходимости немедленно смотреть на предложенную ладонь.

— В чём разница?

— На вопрос вы можете ответить честно. Приглашение иногда принимают из вежливости.

Улыбка на его губах остаётся лёгкой, но взгляд внимателен. Если Элеонора откажется, он не станет просить объяснений.

Она снова двигает ступнёй под юбкой. Пальцы уже не отзываются болью. Поднимает пятку, осторожно опускает и только после этого смотрит на музыкантов.

— Хочу.

Хью не торопится радоваться.

— Вы уверены?

— Вы всегда дважды проверяете согласие женщины?

— Когда подозреваю, что туфли могут отвечать вместо неё.

Элеонора опускает взгляд, скрывая тёплую улыбку.

— Если я останусь сидеть, тётя Беатрис принесёт мне ещё миндального крема. Я не переживу второй порции.

Хью поворачивает голову к карточному столу.

Беатрис как раз делает знак лакею и указывает на оставшийся в столовой десерт.

— Опасность реальна, — признаёт он. — Тогда я обязан вас спасти.

Теперь Хью протягивает руку.

Элеонора смотрит на неё, но не принимает сразу.

— Не приписывайте себе лишнего героизма.

— Только один танец, — обещает он. — Если устанете, мы выйдем из ряда.

— И вы не станете сообщать всем, что я едва держусь на ногах?

— Я скажу, что сам сбился с фигуры и вынужден удалиться от стыда.

— Вы пожертвуете репутацией?

— Она всё ещё находится в ваших руках. Вам решать, насколько сильно она пострадает.

Он говорит без покровительственного тона. Не решает за Элеонору и не пытается доказать, будто лучше знает её силы. Просто предлагает путь к отступлению и оставляет выбор ей.

Элеонора кладёт руку на его ладонь.

В этот раз пальцы смыкаются увереннее. Она уже знает, как Хью поведёт её через толпу, как поддержит во время поворота и как отпустит в ту же секунду, когда помощь больше не потребуется.

Доверие оказывается тихим чувством. Оно не заставляет сердце биться быстрее, но позволяет дышать свободнее.

Музыканты начинают английский контрданс.

Пары выстраиваются длинным рядом. Мужчины становятся с одной стороны, женщины — с другой. Разговоры постепенно стихают, юбки расправляются, кавалеры проверяют расстояние между парами.

Во главе опять оказываются Винсент и Лавиния — теперь уже по желанию самой герцогини, которая распоряжается танцами с той же решительностью, с какой другие женщины расставляют цветы.

Гонория на мгновение отвлекается от карт, осматривает ряд и удовлетворённо постукивает пальцем по столу. Затем возвращается к игре, уверенная, что правильно расставленные люди продолжают действовать без её непосредственного участия.

Лавиния занимает место напротив Винсента. При первом аккорде её пальцы легко касаются жемчуга на шее.

Элеонора замечает этот жест.

Воспоминание о рассказе Луизы возвращается с такой ясностью, что она немедленно смотрит в другую сторону.

Мимо них проходит капитан Морли с Луизой.

Луиза держится за его руку и старается выглядеть спокойной. Получается плохо: глаза сияют, а улыбка появляется всякий раз, когда капитан наклоняется к ней.

Поравнявшись с Элеонорой, она бросает быстрый взгляд на Винсента и Лавинию.

— Третий танец с леди Лавинией, — шепчет она. — Я выиграю.

Луиза многозначительно касается шеи, но капитан Морли поворачивается к ней, и она мгновенно делает вид, будто поправляет ожерелье.

Элеонора прикусывает губу.

Маргарет оказывается через две пары от них. Она ловит взгляд Элеоноры, указывает веером сначала на Винсента, затем на Лавинию и медленно проводит краем веера по собственной шее.

Её лицо остаётся совершенно невозмутимым.

Элеонора качает головой и беззвучно произносит: «Прекрати».

Маргарет поднимает бровь, однако опускает веер.

Хью наблюдает за их обменом. Его взгляд переходит от Маргарет к Лавинии, затем останавливается на Элеоноре.

— Что это означает?

— Ничего.

Он ждёт.

Элеонора вспоминает пальму, голую руку и собственное праведное возмущение. Уголки её губ поднимаются.

— Женскую тайну.

Пары делают поклоны.

Элеонора приседает перед Хью осторожнее, чем прежде. После ужина тело кажется тяжёлым, а мышцы, успевшие расслабиться во время отдыха, не сразу вспоминают прежнюю лёгкость. Она опускается недостаточно низко, зато поднимается без дрожи в коленях и считает это маленькой победой.

Хью склоняется перед ней. Выпрямившись, он не торопится отводить взгляд, словно без слов спрашивает, не передумала ли она. Элеонора отвечает едва заметным кивком.

Только после этого на его лице появляется улыбка.

Первые аккорды обозначают фигуру.

Элеонора танцует осторожнее. Усталость немного утяжеляет движения, но не гасит оживления. Она уже не взлетает навстречу каждому повороту, как в начале вечера, зато лучше чувствует музыку и позволяет ей нести себя, не тратя лишних сил. Улыбка остаётся живой, только дыхание временами становится глубже, а между фигурами она незаметно переносит вес с больной ступни на здоровую.

Хью замечает это.

Он не спрашивает, всё ли в порядке, чтобы не вынуждать Элеонору либо признаться перед окружающими, либо снова солгать. Просто подстраивает шаг под её шаг. Когда фигура позволяет, задерживается рядом на лишнюю долю такта, давая ей передышку. Когда требуется поворот, поддерживает твёрдо, но легко, принимая часть движения на себя.

Его пальцы не сжимаются вокруг её руки без необходимости. Ладонь появляется там, где может понадобиться опора, и тут же отступает, если Элеонора справляется сама.

Она замечает это и благодарит его не словами, а коротким прикосновением пальцев перед тем, как музыка снова разводит их.

Ряд постепенно движется.

Пары расходятся, проходят между танцующими, соединяют руки и вновь меняются местами. Шелест юбок смешивается со скрипками. Мужские туфли отбивают ритм по паркету, свечи дрожат в высоких зеркалах, и отражённый ряд кажется вдвое длиннее настоящего.

Элеонора успевает оказаться напротив капитана Морли. Он кланяется ей с военной чёткостью, но его взгляд немедленно возвращается к Луизе. Та замечает и вспыхивает, забывая на миг, в какую сторону должна двигаться.

Следующим становится мистер Блейк. Он протягивает руку с такой сосредоточенностью, словно от правильности этого жеста зависит исход дипломатических переговоров. Элеонора ободряюще улыбается ему, и напряжение в его лице немного ослабевает.

Пожилой сэр Артур встречает её галантным поклоном. Его колено сгибается с трудом, поэтому Элеонора сама делает шаг ближе, сокращая расстояние и позволяя ему выпрямиться раньше.

Затем мелодия меняется.

Новая фигура разделяет её с Хью.

Мужчины продвигаются в одну сторону, женщины — в другую. Хью выпускает пальцы Элеоноры не сразу: кончики их перчаток на мгновение скользят друг по другу. Потом поток танцующих уносит его вправо.

Элеонора движется влево.

Хью оказывается рядом с Лавинией. Та подаёт ему руку с безупречной улыбкой. Он отвечает поклоном, но успевает бросить на Элеонору короткий взгляд, будто проверяет, уверенно ли она держится без его поддержки.

Элеонора замечает и чуть приподнимает подбородок: разумеется, уверенно.

Она делает ещё два шага, огibtает следующую даму и поднимает глаза.

Напротив неё стоит Винсент.

На одно мгновение оба замирают дольше, чем требует фигура.

Он узнаёт девушку в бледно-зелёном платье не сразу. Сначала замечает каштановую прядь у щеки — ту самую, которую она весь вечер безуспешно сдувает с лица. Затем мягкую линию рта и ореховые глаза.

Раньше они смеялись, когда она смотрела на Фэрчайлда.

Теперь не смеются вовсе.

Мисс Вейл глядит на Винсента так, словно он является нравственным падением Англии, случайно допущенным на танец вследствие недосмотра хозяйки.

В её лице нет светского равнодушия. Осуждение слишком искренне: брови слегка сведены, подбородок поднят, губы сжаты. Даже ноздри едва заметно раздуваются, когда она делает вдох.

Винсенту редко приходится сомневаться в том, как на него смотрит незамужняя женщина. Интерес, робость, расчёт, старательное кокетство — все выражения давно знакомы ему и обычно сменяют друг друга в предсказуемом порядке.

Так, как эта девушка, на него не смотрели никогда.

Это останавливает его внимание.

Музыка требует продолжения.

Винсент протягивает правую руку. Движение спокойное, безупречно учтивое. Только пальцы остаются раскрытыми чуть дольше обычного: он ждёт, позволит ли мисс Вейл своему нравственному негодованию нарушить фигуру.

Элеонора смотрит на его ладонь.

Белая перчатка скрывает кожу, но в памяти немедленно возникает другая рука — голая, по словам Луизы, — у обнажённой шеи Лавинии.

Она колеблется всего мгновение.

Для остальных танцующих оно проходит незамеченным. Винсент замечает.

Его взгляд опускается к её пальцам, затем снова поднимается к лицу. Ни один мускул не движется, однако Элеоноре кажется, что в его глазах появляется вопрос.

Она кладёт ладонь на его руку.

Их пальцы соединяются.

Прикосновение совершенно невинно. Обе руки в перчатках, вокруг десятки гостей, фигура оставляет им лишь несколько ударов музыки. И всё же Элеонора неожиданно чувствует тепло его ладони сквозь тонкую ткань.

Пальцы Винсента длиннее пальцев Хью, хватка увереннее. Он не сжимает её руку, но держит так, что отстраниться прежде окончания фигуры невозможно, не привлекая внимания.

Элеонора вспоминает рассказ Луизы во всех подробностях.

Голая шея. Поднятые волосы. Медленное движение пальцев.

Её взгляд становится ещё более осуждающим.

Винсент опускает глаза на их соединённые руки, словно проверяет, не совершают ли они прямо сейчас нового преступления против нравственности. Потом снова смотрит ей в лицо.

— Я чем-то оскорбил вас, мисс Вейл? — спрашивает он.

Голос звучит негромко и ровно. Только едва уловимая насмешка в последнем слове выдаёт, что его не особенно пугает возможный ответ.

Элеонора едва не пропускает шаг.

Он знает её имя!

Удивление на мгновение размыкает её губы. Она быстро оглядывает его лицо, пытаясь понять, откуда.

Это помогает вернуть раздражение.

Элеонора успевает поставить ногу на правильное место, но Винсент чувствует короткий сбой в движении. Его пальцы едва заметно напрягаются, поддерживая её.

Она выпрямляется прежде, чем помощь становится необходимой.

— Если вы вынуждены спрашивать, объяснение едва ли поможет.

Винсент смотрит на неё ещё внимательнее.

Они обходят друг друга по кругу. Элеонора держит руку поднятой, их соединённые пальцы образуют неподвижный центр движения. Юбка скользит вокруг её ног, полы фрака Винсента отступают в другую сторону.

Он поворачивает голову вслед за ней, не выпуская её ладони.

— И всё же я рискну.

На губах Элеоноры появляется холодная улыбка.

— Рисковать вы, по всей видимости, любите.

Винсент слегка замедляет шаг.

Его бровь поднимается с неторопливостью человека, который не уверен, что правильно расслышал. Затем взгляд скользит по её лицу, останавливаясь на вызывающе поднятом подбородке.

— Мы говорим о чём-то определённом?

Музыка разъединяет их прежде, чем Элеонора отвечает.

Её пальцы выскользывают из его руки. Она отступает к следующему кавалеру, касается его ладони и делает положенный поворот. Мужчина что-то говорит ей, но Элеонора не слышит. Она ощущает взгляд Винсента даже спиной.

Вернувшись в ряд, поднимает глаза.

Он действительно смотрит.

Не оборачивается на новую партнёршу, пока фигура не вынуждает его, и даже тогда на лице сохраняется выражение терпеливого ожидания.

Винсент хочет ответа.

Это раздражает Элеонору больше, чем должно. Он смотрит так, будто имеет право получить всё, о чём спрашивает. Будто её негодование — загадка, которую положено разгадать для его развлечения.

Новая фигура снова ставит их друг напротив друга.

— Об оранжерее, — произносит Элеонора.

В лице Винсента ничего не меняется.

Только взгляд делается внимательнее, а пальцы, до этого свободно лежавшие вдоль шва брюк, на мгновение сгибаются.

— Что именно произошло в оранжерее?

— Вам лучше знать.

Элеонора отступает на один шаг, затем возвращается. Винсент повторяет движение. Между ними сохраняется положенное расстояние, но разговор неожиданно создаёт ощущение, будто остальные танцующие отступают куда-то далеко.

— Я был там несколько раз, — говорит он.

— Без перчатки?

Слова вырываются быстрее, чем Элеонора успевает придать им достойную форму.

Глаза Винсента чуть сужаются.

Понимание появляется не сразу. Сначала он смотрит на неё озадаченно, затем будто заново перебирает события вечера: Лавиния, жемчуг, застрявшая пряда, снятая перчатка.

Его взгляд невольно скользит в сторону оранжереи.

А вслед за пониманием в глазах появляется такое явное веселье, что Элеонора вспыхивает.

Тепло поднимается от шеи к щекам. Она ненавидит, что он способен увидеть её смущение, и немедленно превращает его в ещё более суровый взгляд.

— Вот, значит, в чём дело, — произносит Винсент.

Уголок его рта уже стремится вверх, хотя он ещё сдерживает улыбку.

— Рада, что ваша память вернулась.

Элеонора подаёт ему обе руки для следующей фигуры так резко, словно вызывает на поединок.

Винсент смотрит на протянутые ладони. Потом на её лицо.

И принимает их.

Его пальцы обхватывают её руки. Пары начинают полный поворот.

Винсент ведёт уверенно. Одним движением задаёт скорость, не тянет и не заставляет Элеонору догонять. Она против воли подчиняется его ритму. Туфли скользят по паркету, юбка раскрывается вокруг ног, свечи и лица гостей сливаются за плечом Винсента.

Даже сквозь перчатки Элеонора чувствует твёрдость его пальцев.

Её пульс ускоряется, хотя танец не требует усилий.

Элеонора сердится ещё сильнее — теперь уже не только на Винсента, но и на собственную способность замечать подобные вещи. Хью держит её бережно, и рядом с ним ей спокойно. Прикосновение Винсента не грубее, не теснее, не дольше.

Но спокойствия в нём нет.

— Вы наблюдали за мной? — спрашивает он.

Голос звучит ближе, чем прежде. Во время поворота им приходится склониться друг к другу, чтобы слышать сквозь музыку.

— Разумеется, нет.

Ответ получается слишком быстрым.

Винсент замечает. Его большой палец едва заметно меняет положение на тыльной стороне её ладони.

— Тогда моё преступление имеет свидетелей.

— Ваша радость по этому поводу только подтверждает вину.

Элеонора старается отстраниться хотя бы взглядом, но поворот каждый раз возвращает её лицом к нему.

— Я освободил волосы леди Лавинии из застёжки.

— Голой рукой!

Винсент смотрит на неё несколько мгновений.

Улыбка исчезает из уголков его губ, но веселье остаётся в глазах. Он будто впервые пытается понять, действительно ли Элеонора возмущена или намеренно поддразнивает его.

Обнаружив, что возмущение совершенно искренне, он отвечает медленнее:

— Некоторые узлы требуют терпения.

Голос опускается на полтона.

Самая простая фраза вдруг приобретает иной смысл. В ней слышатся тёмные волосы, обнажённая кожа и пальцы, которые никуда не торопятся.

Элеонора ощущает, как жар достигает ушей.

Она сбивается на половину шага.

Носок туфли цепляет край собственной юбки. Пальцы Винсента сразу сжимаются, удерживая её. Его рука принимает часть её веса, не позволяя отступить.

На мгновение Элеонора оказывается ближе, чем предусматривает танец.

Между ними остаётся едва ли больше тех двух дюймов, которые показывала Маргарет.

Она видит светлую кайму вокруг радужки его глаз, тёмные ресницы и едва заметный шрам у правой брови. Чувствует слабый запах крахмала, вина и чего-то древесного.

Винсент смотрит на неё сверху вниз.

Веселье в его лице сменяется короткой настороженностью.

— Осторожнее.

Элеонора выпрямляется и немедленно отнимает у него возможность проявить заботу. Восстанавливает движение, расправляет плечи и скидывает подбородок.

— Не прикасайтесь ко мне!

На этот раз Винсент действительно улыбается.

Сначала едва заметно: смягчается рот, исчезает привычная жёсткость вокруг глаз. Затем улыбка становится шире, открывая ровные белые зубы.

Она меняет его лицо сильнее, чем Элеонора готова признать.

Суровые линии разглаживаются, в холодных глазах появляется свет, и на краткое мгновение он перестаёт походить на надменный фамильный портрет. В нём обнаруживается нечто живое, почти озорное — мужчина, которому нравится услышанный ответ и ещё больше нравится женщина, решившаяся его произнести.

Хуже всего то, что он становится красивее.

Значительно красивее.

Элеонора чувствует предательский толчок где-то под рёбрами и немедленно решает, что это ещё одно доказательство дурного характера. Порядочный мужчина не должен так преобращаться от одной улыбки. Это обман.

Фигура заканчивает поворот, но их руки остаются соединёнными ещё на один лишний удар музыки.

Первым это замечает Винсент.

Он выпускает её пальцы медленно, не отрывая взгляда.

— Полагаю, застёжка цела? — спрашивает Элеонора, стараясь вернуть голосу прежнюю язвительность.

Винсент смотрит на её руки, будто мысленно возвращается к обсуждаемому предмету.

— С трудом. Ваша забота о ней весьма трогательна.

— Меня беспокоит не застёжка.

— Неужели леди Лавиния?

Он поворачивает голову к ней. Лавиния сейчас проходит между парами рядом с Хью. Серебристая юбка скользит по паркету, а жемчуг по-прежнему безупречно лежит на шее.

Винсент снова смотрит на Элеонору.

Ей кажется, что вопрос звучит с намеренной двусмысленностью: если её беспокоит не застёжка и не Лавиния, тогда что именно?

— Меня беспокоит приличие, — отвечает она.

Винсент чуть склоняет голову.

Его взгляд становится почти почтительным, однако складка у рта выдаёт насмешку.

— И вы всегда защищаете его с таким жаром?

— Только когда оно не способно защитить себя самостоятельно.

— Поразительное самопожертвование.

Музыка снова разводит их.

Элеонора уходит к следующему кавалеру, чувствуя облегчение и непонятное разочарование одновременно. Она делает поклон, подаёт руку, исполняет поворот. Говорит что-то положительное и даже улыбается, но часть её внимания остаётся по другую сторону ряда.

Винсент проходит мимо следующей девушки. Та поднимает на него сияющие глаза и отвечает на его поклон слишком поспешным реверансом.

Он почти не замечает.

Исполняет положенную фигуру без ошибки, но продолжает смотреть на Элеонору через плечо своей партнёрши.

Сам Винсент осознаёт это только тогда, когда девушка перед ним вынуждена повторить вопрос. Он отвечает, возвращает её на место и поднимает глаза в тот момент, когда новая фигура снова ведёт к нему мисс Вейл.

Она тоже смотрит.

Слишком прямо, чтобы это было случайностью.

При новой встрече лицо Винсента опять почти невозмутимо. Только взгляд уже не лениво насмешлив. Теперь в нём появляется сосредоточенность человека, который обнаруживает неожиданно занятную задачу и намерен разобраться в ней до конца.

— Есть одна затруднительная подробность, мисс Вейл.

Элеонора настораживается.

— Какая?

Винсент подаёт ей руку. Она принимает, на этот раз без колебания, и сама тут же замечает это.

— Нас не представляли.

Элеонора моргает.

Пальцы в его ладони напрягаются.

— Я знаю.

— И всё же вы обсуждаете со мной мои руки, перчатки и поведение в оранжереях. Где же ваше воспитание?

Он произносит это с таким серьёзным видом, что в первый миг Элеонора принимает упрёк за настоящий. Глаза расширяются. Рот приоткрывается. Затем она замечает едва видимую насмешку в его взгляде.

Праведное негодование вспыхивает с новой силой.

— Моё воспитание находилось в полном порядке, пока вы не потребовали объяснить выражение моего лица.

— Вы могли промолчать.

— Вы тоже!

Элеонора едва не останавливается посреди фигуры.

— Именно вы заговорили первым.

Слова вырываются громче, чем следует.

Ближайшая пара поворачивает головы. Элеонора вспоминает, где находится, опускает голос и продолжает сквозь сжатые зубы:

— Именно вы первым заговорили с женщиной, которую вам не представляли, а теперь обвиняете в невоспитанности меня.

Винсент прижимает губы друг к другу.

Элеонора видит, как в уголках его глаз появляются тонкие складки. Ноздри едва заметно раздуваются от сдерживаемого смеха.

Он смеётся над ней.

Осознание добавляет жара её щекам.

— Не понимаю, что вас забавляет.

— Ваша безупречная логика.

Он отвечает ровно, однако последние слова уже дрожат от подавленного веселья.

— Она действительно безупречна.

Элеонора выпрямляется ещё сильнее, хотя это кажется физически невозможным.

— Разумеется.

— И не смейте соглашаться со мной таким тоном.

Винсент опускает подбородок. На мгновение его глаза закрываются, словно он снова пытается призвать самообладание, как перед выходом к бабушке.

Не помогает.

Уголки рта поднимаются. Плечи едва заметно вздрагивают.

Его самообладание наконец сдаётся.

Винсент улыбается — не вежливой улыбкой, предназначенной бабушке, Лавинии или гостям. Не холодным движением губ, которым он обычно отмечает чужую шутку.

Улыбка получается неожиданно живой, тёплой, почти мальчишеской.

Будто Элеонора не оскорбляет его, а преподносит редкое развлечение. Будто он уже забыл, когда женщина в последний раз спорила с ним не ради кокетства, не из расчёта и не надеясь вызвать именно такую реакцию.

Элеонора должна возмутиться ещё сильнее.

Вместо этого на мгновение забывает, что собиралась сказать.

Её губы остаются приоткрытыми. Напряжение между бровями разглаживается. Взгляд против воли задерживается на его изменившемся лице.

Винсент замечает.

Улыбка становится слабее, но не исчезает.

Его взгляд медленно проходит по лицу Элеоноры: от растрёпанной каштановой пряди к вспыхнувшим щекам, затем останавливается на приоткрытых губах.

Всего на мгновение.

После возвращается к глазам.

Но этого достаточно.

Элеонора чувствует, как сердце ударяется о рёбра. Воздух не задерживается в лёгких, хотя она только что сделала вдох.

Взгляд Винсента тоже меняется.

Он будто сам не успевает понять, что именно замечает, а потому не отводит глаз, пытаясь рассмотреть лучше.

Между ними ничего не происходит.

Всего лишь музыка. Несколько шагов. Соединённые перчатки. Разговор, который вообще не должен был состояться.

Вокруг двигаются пары. Скрипачи продолжают играть. У стены переговариваются женщины, у окна лакей поправляет свечу, а Хью проходит по другую сторону ряда рядом с Лавинией.

И всё же пространство между Элеонорой и Винсентом словно сжимается.

Воздух становится плотнее.

Каждое прикосновение через перчатки ощущается слишком ясно. Каждый вдох другого — слишком близко. Музыка будто замедляется, хотя танцующие продолжают двигаться в прежнем ритме.

Элеонора первой приходит в себя.

Она отнимает руку.

Пальцы Винсента смыкаются на пустоте на долю мгновения позже.

— Наша фигура закончилась, милорд.

Она произносит это холодно, но голос звучит чуть ниже обычного.

Винсент опускает взгляд на собственную ладонь, затем снова смотрит на неё.

— Какая жалость.

Она разворачивается слишком резко.

Каштановая прядь взлетает у щеки, юбка широко описывает круг. Винсенту приходится отступить, чтобы Элеонора не задела его плечом.

Мисс проходит мимо, не оглядываясь.

Только пальцы, которыми Элеонора пытается убрать прядь с лица, слегка дрожат.

Винсент остаётся на месте лишнюю долю такта.

Следующая партнёрша уже протягивает ему руку. Он замечает это, возвращается к фигуре и делает шаг, однако взгляд ещё несколько мгновений следует за бледно-зелёной юбкой.

Элеонора возвращается к Хью.

Увидев её, он улыбается и протягивает обе руки для следующего поворота. Его лицо открыто, карие глаза спокойны. Хью не спрашивает немедленно, что происходит, хотя замечает и яркий румянец, и сбившееся дыхание, и слишком сердитое движение, которым она сдувает прядь.

Рядом с ним всё снова становится простым и понятным.

Его ладони принимают её руки бережно. Хью задаёт знакомый ритм, позволяет опереться и не вынуждает угадывать скрытый смысл в каждом прикосновении.

Он не испытывает её терпение, не смеётся над негодованием и наверняка не трогает женщин за шею в оранжереях.

Элеонора делает полный поворот. Дыхание понемногу выравнивается.

Хью наблюдает за ней, слегка склонив голову.

— Вы хорошо провели время?

— Ужасно.

Ответ следует мгновенно.

Хью переводит взгляд через её плечо.

Винсент уже танцует с другой женщиной и выглядит совершенно невозмутимым. Только поворачивает голову чуть позже, чем требует фигура, продолжая смотреть в их сторону.

Хью снова обращается к Элеоноре.

— Он наступил вам на ногу?

— Если бы.

Она стискивает губы и отказывается смотреть на Винсента.

— Тогда всё серьёзнее.

— Вы даже не представляете насколько.

Хью делает вид, что обдумывает степень бедствия. Его большой палец легко касается края её перчатки, предупреждая о следующем повороте.

— Он мой старый друг. Боюсь, я представляю многое.

Элеонора вскидывает голову так резко, что прядь снова падает на щёку.

— Ваш друг?

В её голосе звучит такое неподдельное потрясение, что Хью не выдерживает и улыбается.

— Мы знакомы с Итона.

Это известие почему-то кажется Элеоноре ещё одним личным оскорблением.

Она смотрит на Хью, словно он намеренно скрывал родство с преступником.

— Вы скрыли от меня важное обстоятельство, мистер Фэрчайлд.

— Я не подозревал, что должен перечислить всех своих знакомых до первого танца.

— До третьего могли бы успеть.

— Боюсь, танца не хватило бы.

— Настолько дурна ваша компания?

— Моя или Ривенхолла?

— Теперь я не уверена.

Хью смеётся. Его смех стирает остатки напряжения из её плеч.

Он ведёт Элеонору в новую фигуру. Она следует за ним и отвечает на улыбку, но какая-то часть её по-прежнему чувствует взгляд по другую сторону ряда.

Через несколько пар Винсент снова сходится с Лавинией.

Она протягивает руку. Белая перчатка без единой складки опускается на его ладонь. Лавиния остаётся безупречной, спокойной, серебристой в свете свечей. От тёмных волос исходит тонкий запах фиалок.

Винсент должен испытать облегчение, вернувшись к знакомой партнёрше.

Лавиния не обвиняет его в нравственном падении, не спорит и не нарушает фигуру из-за одного взгляда. С ней не требуется быть настороже. Он знает, что она скажет, как улыбнётся и в какой момент повернёт голову.

Но знакомая лёгкость почему-то кажется ему теперь слишком тихой.

Лавиния кладёт вторую руку в его ладонь. Прежде чем начинается поворот, она смотрит на него внимательнее обычного.

— Мисс Вейл показалась вам занимательной?

Вопрос звучит небрежно, но взгляд Лавинии остаётся на его лице.

Винсент поворачивает её под своей рукой. Серебристая юбка раскрывается вокруг ног ровным кругом.

— Мы обменялись несколькими словами.

— Я заметила.

В её тоне нет ревности. Только наблюдение.

Лавиния замечает многое и редко ошибается в увиденном. Она не спрашивает, о чём они говорят, потому что уже понимает: разговор оказался достаточно необычным, если Винсент забыл следить за выражением лица.

Он встречает её взгляд, но ничего не объясняет.

— Она беспокоится о вашем ожерелье, — говорит Винсент.

Лавиния касается жемчуга.

Кончики пальцев находят застёжку у основания шеи и задерживаются там на одно мгновение. В её глазах появляется понимание.

— Как любезно с её стороны.

— Я тоже был тронут.

Уголки губ Лавинии приподнимаются, но она не продолжает расспросы. Музыка уводит её к следующему кавалеру.

Винсент должен забыть разговор.

Через минуту танец закончится. Фэрчайлд уведёт мисс Вейл, а герцогиня найдёт для внука новую обязанность. Девушка в старом зелёном платье не представляет для него ни интереса, ни пользы. Она слишком бедна, слишком дерзка и явно расположена к Хью.

Кроме того, они даже не представлены.

На этом всё должно закончиться.

Однако, когда фигура снова разводит пары, Винсент поднимает глаза раньше, чем требует движение.

Он ищет бледно-зелёное платье.

Осознание приходит только тогда, когда он уже находит Элеонору.

Она смеётся над чем-то, что говорит Хью. Голова чуть запрокинута, щёки горят после танца. Одна рука лежит в ладони Фэрчайлда, другая приподнимает край юбки. Непокорная прядь снова падает на лицо.

Элеонора сдвигает её привычным движением и продолжает смотреть на своего партнёра.

С Хью она совершенно другая.

Исчезают напряжение и воинственно поднятый подбородок. Глаза снова становятся тёплыми, губы легко размыкаются в улыбке. Она не следит за собой и не думает, какое впечатление производит. Оживление возвращается к ней так естественно, будто оно является её настоящим светом, а негодование предназначается одному Винсенту.

Почему-то это различие задевает его внимание.

Не ревность. Для неё нет ни причины, ни права.

Скорее недоумение.

Ему хочется снова увидеть, как эта улыбка исчезает при одном взгляде на него. Убедиться, что прежняя вспышка не привиделась и мисс Вейл действительно способна смотреть на наследника герцога так, словно он не выгодная партия, а досадное нарушение порядка.

Винсент продолжает наблюдать.

Затем Элеонора, словно почувствовав чужое внимание, поворачивает голову.

Их взгляды встречаются через движущийся ряд.

Улыбка медленно исчезает с её лица.

Сначала замирают уголки губ. Потом веселье уходит из глаз. Элеонора прищуривается, а подбородок снова приподнимается, всем её видом напоминая, что она ещё не закончила его осуждать.

Пальцы на руке Хью слегка напрягаются.

Винсент замечает и это.

Он едва заметно склоняет голову, признавая безмолвный вызов.

На его губах появляется тень прежней улыбки.

Элеонора не отвечает на приветствие. Только отворачивается к Хью с нарочитой решительностью.

Но делает это на мгновение позже, чем следовало бы.

Винсент продолжает смотреть ей вслед.

На этот раз он не отворачивается.

Глава третья

К тому времени, когда контрданс заканчивается, левая туфля Элеоноры превращается в изысканное орудие пытки.

Последние такты она встречает с прежней улыбкой, хотя та уже требует усилий. Под тонкой кожей туфли пятка горит, каждый шаг отзывается острой болью, а ноги после трёх танцев становятся тяжёлыми. Ей хочется остановиться, приподнять юбку и немедленно снять проклятую туфлю, но вдоль стен сидят два десятка женщин, способных превратить один неловкий жест в тему для утреннего разговора.

Поэтому Элеонора продолжает двигаться.

Когда музыка стихает, она приседает перед Хью, перенеся почти весь вес на правую ногу. Юбка скрывает эту маленькую хитрость, а поднятый подбородок и спокойное лицо должны убедить окружающих, что она совершенно не устала.

Хью склоняется в ответ.

Выпрямившись, он не отходит сразу. Его взгляд задерживается на её лице, затем опускается к напряжённым пальцам, сжимающим складку юбки.

— Только не спрашивайте, всё ли хорошо, — предупреждает Элеонора.

Она старается говорить легко, но последняя нота ещё звучит в зале, и Хью слышит короткий выдох, которым заканчивается фраза.

Он уже открывает рот, однако послушно закрывает его.

— В таком случае не стану.

Элеонора благодарно улыбается и делает шаг.

Натёртая пятка касается задника туфли. Боль пронзает ногу так неожиданно, что она вздрагивает и хватается за предплечье Хью. Пальцы сжимаются значительно сильнее, чем позволяют обычные приличия.

Хью не смотрит на её руку и не произносит ничего, что могло бы привлечь внимание. Только становится ближе, принимая часть её веса.

Когда мимо проходит пожилая дама, Хью делает вид, будто сам желает остановиться и рассмотреть музыкантов. Он заслоняет Элеонору плечом, давая ей несколько мгновений, чтобы справиться с болью и вернуть лицу спокойное выражение.

— Благодарю, — тихо произносит она.

— За что?

Хью поворачивается к ней с преувеличенным недоумением.

— Вы прекрасно знаете.

— Боюсь, нет.

Элеонора смотрит на него сбоку.

На лице Хью сохраняется невинное выражение, однако ладонь, под которую она просовывает пальцы, остаётся твёрдой и надёжной. Он не тянет её, не подгоняет и не пытается заставить признаться, насколько сильно болит нога.

— Удивительно...

— Мои лучшие достоинства всегда проявляются случайно.

— Следует сообщить об этом моей матери.

При упоминании леди Вейл Хью бросает быстрый взгляд к стене.

Марианна разговаривает с пожилой баронессой, но глаза её неотрывно следят за дочерью. Заметив, что Элеонора опирается на Хью, она на мгновение хмурится. Затем выражение меняется: тревога уступает осторожному одобрению.

Элеонора слишком хорошо представляет, какие выводы мать сделает из одного прикосновения.

— Боюсь, она уже собирает сведения, — говорит Хью.

— О ваших достоинствах?

— О моих намерениях.

— У вас есть намерения?

Он поворачивает к ней голову.

Веселье в карих глазах становится тише, но ответить Хью не успевает. Элеонора снова неудачно наступает на левую ногу и прикусывает губу.

Хью больше не шутит.

Он ведёт её к креслам возле колонны — достаточно далеко от танцующих и достаточно близко к открытому окну. Перед тем как позволить Элеоноре сесть, проверяет, не тянет ли холодом, отодвигает кресло от сквозняка и ставит перед ним низкую скамеечку.

Делает всё без суеты, будто просто поправляет неудачно расставленную мебель.

Элеонора опускается в кресло с облегчением, которое не удаётся скрыть полностью. Плечи на мгновение обмякают, ресницы опускаются, губы размыкаются в долгом выдохе.

Она тут же вспоминает о Хью и выпрямляется.

— Не смотрите так.

— Как?

— Будто я сейчас рассыплюсь.

— Я размышлял, кого вызвать первым: врача или сапожника.

— Сапожника. Врачи всегда требуют, чтобы им показывали язык.

Хью улыбается, но взгляд остаётся внимательным.

Элеонора расправляет юбку и осторожно вытягивает ногу. Под складками муслина поднимает пятку, высвобождая её из туфли. Даже слабое движение ткани по повреждённой коже заставляет её поморщиться.

Хью замечает.

Он садится рядом и поворачивает кресло так, чтобы закрыть её от большей части зала. Теперь Элеонора может незаметно освободить пятку полностью.

Она делает это и тихо выдыхает.

Хью смотрит в сторону музыкантов, предоставляя ей видимость уединения.

— Вы натёрли ногу, — заключает он.

— Вы обещали не спрашивать.

В центре галереи пары расходятся после танца.

Луиза остаётся рядом с капитаном Морли. Она слушает его, опустив ресницы, но каждые несколько мгновений поднимает глаза и улыбается так, словно слова капитана оказываются значительно остроумнее, чем можно предположить по его лицу.

Маргарет обмахивается веером, пока мистер Блейк снова приносит ей пространные извинения за ошибку, которой никто, кроме него самого, не замечает. Она пытается убедить его, что её честь не пострадала от лишнего поворота, но с каждым новым извинением становится всё менее терпеливой.

Винсент провожает Лавинию к её месту.

Он идёт рядом, не касаясь её руки, однако остальные гости уступают им дорогу как паре. Возле рояля Винсент наклоняется и что-то говорит. Лавиния поднимает лицо. На её губах появляется спокойная улыбка, а пальцы легко касаются жемчуга на шее.

Того самого жемчуга.

Элеонора следит за движением её руки. В памяти немедленно возникают поднятые тёмные волосы, обнажённая шея и мужские пальцы возле застёжки.

Она стискивает губы.

— Он всегда такой? — спрашивает Элеонора.

Хью прослеживает направление её взгляда.

— Какой именно?

— Уверенный, что правила существуют только для остальных.

— Вы всё ещё думаете об оранжерее?

Элеонора резко поворачивается к нему.

— Откуда вы знаете?

Хью откидывается на спинку кресла. На его лице появляется выражение человека, которому приходится объяснять очевидное.

— Я не знаю. Но после возвращения из оранжереи Луиза выглядела так, будто стала свидетельницей падения Рима. Маргарет не могла смотреть на лорда Ривенхолла, не прикасаясь к собственной шее, а вы с тех пор наблюдаете за его руками.

Элеонора немедленно опускает глаза к коленям.

— Я не наблюдаю за его руками.

Хью прикусывает губу, пряча улыбку.

Эта манера неожиданно напоминает ей Винсента. Раздражение возвращается с новой силой.

— Он прикоснулся к шее леди Лавинии, — шепчет Элеонора. Она подаётся к Хью, чтобы никто не услышал. — Голой рукой.

— Полагаю, вторая всё же оставалась при нём.

Элеонора медленно поворачивает к нему голову.

Хью сохраняет серьёзное выражение ровно два мгновения.

— И вы туда же.

— Простите.

Он поднимает ладони в знак капитуляции, однако глаза смеются.

— Три сестры дурно влияют на способность мужчины сохранять серьёзность перед лицом подобных бедствий.

— Это не бедствие. Это катастрофа!

Веселье уходит из лица Хью.

Он снова смотрит на Винсента.

Тот уже отходит от Лавинии и направляется к бабушке. Лавиния провожает его взглядом, затем поворачивается к Сесили. Улыбка по-прежнему остаётся на губах, но становится более рассеянной.

— Винсент бывает высокомерен, — произносит Хью после короткой паузы. Большой палец задумчиво проводит по краю перчатки. — Иногда невыносим. Особенно когда уверен в собственной правоте.

— Значит, постоянно.

Хью бросает на неё быстрый взгляд.

— Но я никогда не замечал за ним привычки компрометировать женщин ради развлечения.

— Вы защищаете его.

— Я говорю то, что знаю.

Хью не спорит и не пытается убедить её, будто дружба делает Винсента безупречным. Он поворачивается к Элеоноре и встречает её взгляд открыто.

— Если леди Лавиния позволила ему помочь с ожерельем, возможно, между ними существует понимание, о котором нам ещё не объявили.

— Именно это сказала Луиза.

— Тогда впервые за вечер я проявляю её рассудительность.

Элеонора снова смотрит на Лавинию.

Та стоит рядом с сестрой Винсента. Улыбается, слушает, иногда отвечает. Ни один жест не выдаёт волнения. И всё же Элеоноре становится её жаль.

Она представляет, каково это — весь сезон появляться рядом с одним мужчиной, позволять обществу считать решение почти принятым и каждый вечер ждать, когда он наконец подтвердит ожидания. Лавиния богата и прекрасна, но даже её имя зависит от того, насколько серьёзны намерения Винсента.

Если между ними действительно существует понимание, почему он не делает предложения? Зачем позволяет Лавинии ждать, пока весь Лондон наблюдает за ними и заключает пари?

Он пользуется её расположением так же спокойно, как собственным положением.

— Ей следует быть осторожнее, — говорит Элеонора.

— Леди Лавинии?

— Да.

— Почему не ему?

Она хмурится.

— Ему осторожность уже не поможет.

У Хью вырывается тихий смех.

Элеонора уже собирается ответить, но по паркету ударяет трость.

Один раз.

Второй.

Разговоры стихают не сразу. После ужина гости становятся смелее: молодые мужчины продолжают шептаться, кто-то из девушек смеётся, а за карточным столом пожилая леди требует закончить раздачу.

Гонория ударяет в третий раз.

Серебряная борзая на рукояти трости звякает о паркет.

Теперь замолкают все.

Герцогиня стоит возле музыкантов. Рядом с ней находятся незнакомые Элеоноре мужчины и женщина. Оба одеты скромнее гостей. Мужчина невысок, строен и держится с профессиональной прямоотой; его тёмные волосы зачёсаны назад, а туфли выглядят значительно мягче тех, что носят приглашённые кавалеры.

Женщина рядом с ним облачена в простое платье из бледно-голубого шёлка. Руки спокойно сложены перед собой, а на лице сохраняется доброжелательная улыбка человека, привыкшего выступать перед десятками любопытных глаз.

Музыканты перелистывают ноты. Флейтист что-то шепчет скрипачу, и тот отвечает недоверчивым взглядом.

Хью слегка подаётся вперёд.

— Что она задумала?

Элеонора смотрит на герцогиню.

Гонория стоит особенно прямо. Тонкие губы плотно сжаты, а в тёмных глазах мерцает то выражение, которое появляется всякий раз, когда она собирается сделать нечто, несомненно правильное по её собственному мнению и совершенно невыносимое для окружающих.

— Судя по её лицу, что-то, чего мы не переживём, — отвечает Элеонора.

Герцогиня обводит зал взглядом.

— Мне известно, что многие из вас считают Олдервик местом, куда можно приехать, съесть мой ужин и восемь вечеров танцевать одни и те же контрдансы.

Беатрис поднимает руку из-за карточного стола.

— Именно поэтому я приняла приглашение.

Несколько гостей смеются.

Гонория не удостоивает её взглядом, однако рукоять трости чуть поворачивается в ладони.

— Сегодня я намерена разочаровать Беатрис и познакомить молодых людей с танцем, который уже успел возмутить Лондон.

По залу проходит шёпот.

Девушки поворачиваются друг к другу. Несколько молодых людей переглядываются с оживлением. Пожилые дамы, напротив, настораживаются. Одна из них перестаёт жевать засахаренный фрукт и медленно кладёт его на блюдо.

Леди Вейл закрывает веер.

Гонория чуть отступает, указывая тростью на стоящую рядом пару.

— Месье и мадам Дюваль любезно согласились показать нам вальс.

Слово падает в тишину почти непристойно громко.

Кто-то из молодых людей тихо присвистывает и немедленно превращает звук в кашель.

Пожилая леди у стены выпрямляется.

— Здесь?

Её соседка прижимает веер к груди.

— При незамужних девушках?

Луиза поворачивается к капитану Морли с таким лицом, словно от него требуется немедленно объяснить устройство танца и собственное отношение к нему. Капитан поправляет воротник мундира. Румянец проступает даже на его загорелых щеках.

Маргарет раскрывает веер и скрывает за ним нижнюю половину лица. Над расписным краем остаются видны только широко раскрытые серые глаза.

Мистер Блейк бледнеет заранее.

Леди Вейл находит дочь взглядом.

Элеонора видит в материнских глазах приказ даже не думать об этом.

Беатрис замечает тот же взгляд и улыбается.

— Я понимаю, — продолжает Гонория, — что мало кто в этом зале видел вальс, а ещё меньшее число людей решатся признаться, что желает его попробовать. Поэтому сначала вы посмотрите.

— И на этом остановимся, — шепчет леди Вейл, приблизившись к креслу дочери.

Она говорит тихо, но так решительно, словно способна одним материнским запретом изгнать вальс из Англии.

— Разумеется, мама.

Тревога на лице леди Вейл немного смягчается. Она смотрит на скрытую юбкой туфлю.

— Ты поранилась?

— Только натёрла пятку.

Марианна уже наклоняется, но Элеонора ловит её за руку.

— Мама, не сейчас.

Леди Вейл оглядывается на гостей, выпрямляется и поджимает губы.

— После танцев немедленно поднимешься наверх.

— С радостью.

Герцогиня снова ударяет тростью, призывая гостей освободить центр галереи.

Месье Дюваль кланяется жене.

Мадам Дюваль приседает перед ним, затем выпрямляется и подходит ближе.

Слишком близко.

По залу проходит новый шёпот.

Мужчина поднимает её правую руку своей левой. Другую ладонь кладёт ей на талию.

Не касается кончиками пальцев, как в фигурах контрданса. Не поддерживает на мгновение, чтобы тут же отпустить.

Кладёт всю руку.

Мадам Дюваль помещает свободную ладонь на его плечо. Их тела не соприкасаются, но между ними остаётся так мало пространства, что это кажется вопросом одного неверного шага.

— Он держит её, — потрясённо выдыхает Луиза.

— Они женаты, — напоминает Маргарет.

— Но мы же смотрим.

Мистер Блейк переводит глаза на потолок.

Капитан Морли, напротив, смотрит чрезвычайно внимательно, пока Луиза не замечает этого и не поворачивает к нему голову. Тогда он тоже начинает изучать потолочную лепнину.

Месье Дюваль делает первый шаг.

Жена отступает.

Он ведёт её ещё на шаг, затем поворачивает, и голубая юбка начинает плавно раскрываться вокруг ног.

Три шага.

Поворот.

Ещё три.

Сначала движение кажется осторожным. Месье Дюваль ведёт жену медленно, словно даёт зрителям возможность рассмотреть каждый шаг. Потом музыканты подхватывают мелодию, и пара начинает кружить по освободившемуся пространству.

Они не расходятся ни на мгновение.

Рука мужчины остаётся на талии женщины. Их лица обращены друг к другу. Каждый новый поворот сближает их, заставляет двигаться как единое целое, угадывать шаг прежде, чем он совершается.

Мадам Дюваль доверяет направлению его руки без единого колебания. Когда он меняет траекторию, её тело следует прежде, чем зрители успевают заметить движение.

Молодые женщины смотрят не мигая.

Несколько девушек невольно повторяют шаг носком туфли. Мужчины улыбаются с внезапным воодушевлением и начинают расправлять плечи, мысленно представляя себя в центре галереи.

Матери мрачнеют.

Леди Вейл раскрывает веер и обмахивается так быстро, будто ей не хватает воздуха.

— Это невозможно, — шепчет она. — Ни одна порядочная девушка не станет так танцевать.

Беатрис подходит с другой стороны.

— Именно поэтому все порядочные девушки сейчас мысленно выбирают партнёров.

— Беатрис!

— Я говорю только то, что вижу.

Элеонора должна испытывать тот же ужас.

Вместо этого она следит за парой с невольным восхищением.

Вальс совсем не похож на знакомые танцы. В нём нет расставаний, ожидания и коротких встреч внутри фигуры. Партнёр не исчезает, чтобы через несколько тактов вернуться. Мужчина и женщина остаются вместе от первой ноты до последней.

В этом есть что-то пугающее.

Невозможность спрятаться в общей фигуре. Необходимость довериться чужой руке. Близость, которую нельзя объяснить случайным движением танца.

И что-то прекрасное.

Мадам Дюваль запрокидывает голову. На лице появляется улыбка, уже не предназначенная зрителям. Её муж отвечает едва заметным движением губ и ведёт в новый поворот.

Голубой шёлк взлетает вокруг них.

Элеонора забывает о больной ноге.

Потом взгляд невольно скользит к Винсенту.

Он стоит возле рояля, скрестив руки на груди. В отличие от остальных мужчин, не следит за ногами танцора. Его глаза спокойно переходят от положения рук к поворотам корпуса.

Он знает этот танец?

Элеонора вспоминает ладонь Винсента, лежащую у шеи Лавинии, и представляет её на женской талии.

Щёки немедленно вспыхивают.

Она отворачивается и обнаруживает, что Хью смотрит на неё.

— Что? — спрашивает Элеонора.

— Ничего.

Ей не удаётся спросить, какую именно правду он скрывает: музыка заканчивается.

Месье Дюваль удерживает жену за талию ещё мгновение, пока она восстанавливает равновесие. Затем отступает и кланяется.

Несколько человек начинают хлопать. Остальные подхватывают не сразу, словно не уверены, следует ли одобрять увиденное.

Гонория ждёт, пока шум стихнет.

На её лице появляется выражение человека, чрезвычайно довольного произведённым потрясением.

— Как видите, никто не погиб.

— Пока, — замечает Беатрис.

Герцогиня поворачивает к ней голову.

— Я дам тебе знать, если это изменится.

Она снова обращается к гостям:

— Вальс уже танцуют в самых избранных лондонских гостиных. Даже если мы будем достаточно долго изображать возмущение, мода всё равно войдёт без нашего разрешения.

— Разумнее запереть двери, — говорит пожилая дама.

— Я запираю двери только перед скучными людьми.

Молодёжь смеётся. Несколько дам постарше обиженно выпрямляются, словно подозревают, что последнее замечание относится к ним.

Гонория даёт гостям несколько мгновений, затем поднимает трость и указывает на внука.

Винсент стоит возле рояля. При движении серебряной рукоятки медленно опускает скрещённые руки.

Все взгляды обращаются к нему.

Он смотрит на бабушку.

Гонория отвечает тем самым выражением, с которым несколько часов назад заставляет его встать рядом с собой. Подбородок поднят, трость направлена точно в грудь.

Возражение бессмысленно.

— Мой внук, к несчастью для своей мрачной репутации, прекрасно обучен этому танцу.

Капитан Морли уважительно смотрит на Винсента.

Луиза переводит взгляд с него на Лавинию и сжимает руку Маргарет.

Винсент слегка склоняет голову, принимая объявление бабушки как неизбежное зло.

— Поэтому, — продолжает герцогиня, — если мужчины в этом зале сумеют хотя бы на несколько минут смириться с мыслью, что не родились всеведущими, месье Дюваль поможет им освоить шаги. Женщины, надеюсь, проявят обычное превосходство и научатся быстрее.

Девушки смеются.

Мистер Блейк вытирает ладони платком. Пожилой сэр Артур объявляет, что в его возрасте каждое новое движение является оскорблением суставов, и отходит к карточным столам.

— Выберите партнёров, — приказывает Гонория. — Мы начнём медленно.

После этих слов зал приходит в движение.

Первые несколько мгновений никто не направляется в центр. Затем один из молодых офицеров протягивает руку замужней даме. Она принимает приглашение под одобрительным взглядом собственной матери, и напряжение немного ослабевает.

Остальные начинают переглядываться, приглашать, отказываться и снова приглашать.

Однако большинство гостей не смотрит на них.

Все смотрят на Винсента и Лавинию.

Лавиния стоит возле Сесили. На лице сохраняется обычное спокойствие, подбородок чуть поднят. Она закрывает веер и передаёт его сестре Винсента, освобождая руки для танца.

Движение небольшое, но слишком уверенное, чтобы остаться незамеченным.

Герцогиня тоже переводит взгляд на Лавинию.

Даже леди Вейл на мгновение забывает о дочери.

Выбор кажется настолько очевидным, что приглашение почти не требуется.

Элеонора думает так же.

— Ну вот, — произносит она, наблюдая за Винсентом. — Сейчас ваша бабушка получит именно то, чего добивается.

— Моя? — спрашивает Хью.

— Его.

— На мгновение я испугался, что успел породниться с герцогиней.

Элеонора улыбается, но глаза остаются на Винсенте.

Он отталкивается плечом от рояля.

Лавиния делает едва заметный вдох. Серебристая ткань на груди приподнимается. Она не улыбается заранее, однако взгляд теплеет.

Винсент делает первый шаг в её сторону.

Второй тоже.

Он уже знает, чего от него ждут.

Лавиния — очевидный выбор. Они танцуют весь вечер, она знает вальс достаточно хорошо, чтобы не выставить себя смешной, а бабушка ясно даёт понять, какую пару желает видеть.

Винсент собирается выполнить ожидание.

Потом его взгляд скользит мимо Лавинии.

К креслам возле колонны.

Элеонора сидит рядом с Хью. Больная нога скрыта под юбкой, лицо оживлено разговором. Она улыбается Фэрчайлду — открыто, тепло, совсем не так, как смотрит на Винсента во время контрданса.

Он вспоминает её возмущение. Разговор об оранжерее. Обвинение в отсутствии приличий. Соединённые перчатки и тот миг, когда улыбка заставила её забыть приготовленный ответ.

Вальс является идеальным продолжением спора.

Если мисс Вейл считает невинное прикосновение к чужой шее нравственным преступлением, вид её лица, когда его ладонь окажется на её талии, должен быть весьма занимательным.

Винсент объясняет свой порыв именно так.

Любопытством.

Желанием проучить дерзкую девушку.

Необходимостью показать, что невинное прикосновение не способно погубить женскую честь.

Он не спрашивает себя, почему для этого требуется именно Элеонора. Почему ему хочется снова отнять её внимание у Хью. Почему одна мысль о её румянце оказывается привлекательнее безупречного вечера с Лавинией.

Винсент просто меняет направление.

Улыбка, ещё не успевшая появиться на губах Лавинии, исчезает. Она замирает с опущенными вдоль платья руками. Только пальцы правой медленно сгибаются, будто веер всё ещё находится в них.

Сесили переводит глаза с брата на Элеонору.

— Лавиния...

— Всё хорошо, — произносит та.

По залу проходит едва слышный шёпот.

Винсент идёт не к леди Лавинии.

Гонория приподнимает брови. Трость на мгновение зависает над паркетом.

Это не тот порядок, который она установила.

Но вместо того чтобы остановить внука, герцогиня опускает трость и следит за ним с новым интересом. Винсент редко действует импульсивно. Ещё реже — вопреки очевидным ожиданиям.

Хью понимает первым.

Он видит направление взгляда друга. Не к девушкам у рояля, не к герцогине и не к свободному пространству для танца.

К Элеоноре.

Лицо Хью меняется.

Веселье исчезает. Челюсть напрягается, пальцы сжимаются на спинке её кресла.

Он знает Винсента достаточно давно, чтобы распознать это выражение: внешнее спокойствие и внимательный блеск в глазах, возникающий, когда тот находит редкое развлечение.

Элеонора не развлечение.

Эта мысль появляется быстро и неприятно.

Вместе с ней возникает другое чувство, которое Хью не желает признавать: ревность. Не яркая, не собственническая, но достаточно сильная, чтобы заставить его встать.

Он оказывается рядом с Элеонорой прежде, чем Винсент успевает пересечь половину зала.

— Мисс Вейл, — тихо произносит Хью.

В голосе звучит предупреждение.

Элеонора сначала смотрит на лицо Хью. Замечает напряжённый рот, непривычно неподвижные плечи.

Потом прослеживает направление его глаз.

Винсент уже близко.

Гости расступаются перед ним, освобождая прямую дорогу. Он идёт неторопливо, будто не замечает десятков обращённых лиц. Руки свободно опущены, выражение спокойно, но взгляд прикован к Элеоноре.

Она чувствует, как кровь отливает от лица.

Первой приходит ярость.

Он делает это намеренно.

После разговора о приличиях выбирает самый неприличный танец вечера и идёт именно к ней. Прекрасно понимает, что весь зал ожидает увидеть его с Лавинией. Знает, что каждый человек станет смотреть, как бедная мисс Вейл оказывается в его руках.

За яростью приходит стыд.

Элеонора видит Лавинию за его плечом.

Та по-прежнему стоит у рояля. Сесили что-то шепчет, но Лавиния не отвечает. Её лицо становится почти белым, а взгляд неподвижно следует за Винсентом.

Это должен быть её танец.

Последним появляется страх.

Отказать внуку хозяйки дома перед всеми почти невозможно. Особенно после того, как сама герцогиня объявляет его главным знатоком вальса. Отказ истолкуют как оскорбление. Согласие — как непозволительную смелость.

Слишком многое зависит от её ответа.

Винсент может позволить себе сделать неожиданный выбор и забыть о нём к утру. Элеонору будут обсуждать до конца недели.

Она ищет глазами мать.

Леди Вейл стоит у стены, прижав веер к груди. В её лице ужас борется с расчётом. Марианна смотрит на Винсента, потом на дочь, затем на Лавинию.

Она тоже понимает последствия — и не решается ни кивнуть, ни покачать головой.

Беатрис рядом с ней не улыбается. Глаза становятся холодными и внимательными.

Винсент останавливается перед Элеонорой.

Хью остаётся рядом.

На краткое мгновение трое образуют маленький неподвижный круг посреди движущегося зала.

Винсент замечает Хью лишь теперь.

Его взгляд опускается к руке друга на спинке кресла, затем возвращается к лицу. Между мужчинами проходит молчаливое понимание: Хью знает, зачем он пришёл, и не намерен уступать без возражений.

Винсент склоняется перед Элеонорой.

— Мисс Вейл.

Она не может позволить себе не ответить.

Элеонора опускает пятку в туфлю. Боль вспыхивает немедленно. На лице на мгновение появляется страдание, но она тут же прячет его, поднимается и делает реверанс.

Колено дрожит.

— Милорд.

Винсент выпрямляется.

Его взгляд скользит по её лицу, задерживается на слишком прямой спине и опускается к ногам. Он замечает, как Элеонора переносит вес на правую сторону и держит левую пятку чуть приподнятой.

Но всё же протягивает руку.

— Окажете мне честь?

Вокруг становится так тихо, что Элеонора слышит, как музыкант переставляет ногу.

Она смотрит на его ладонь.

— Боюсь, мисс Вейл уже обещала этот танец мне, — произносит Хью.

Элеонора резко поворачивается к нему.

Она ничего не обещала.

По тому, как напрягаются его пальцы, понимает: Хью тоже знает это. Ложь даётся ему нелегко, но он не отступает.

Его взгляд остаётся на Винсенте, лицо приобретает непривычную жёсткость.

Винсент медленно переводит глаза с Элеоноры на старого друга.

— Неужели?

— Она утомилась.

— Это не ответ на вопрос.

— Это причина, по которой разумный мужчина не станет требовать от неё ещё одного танца.

Хью говорит тихо, однако ближайшие гости слышат. Несколько вееров замирают. Луиза открывает рот, Маргарет немедленно хватается за руку, запрещая вмешиваться.

Пальцы Винсента остаются раскрытыми.

Он не опускает ладонь.

— Полагаю, решение принадлежит мисс Вейл.

— Когда на неё смотрит весь зал, выбор становится несколько ограниченным.

На скулах Хью появляется румянец. Элеонора никогда не видела его рассерженным. Даже сейчас он не повышает голоса, но плечи напряжены, а взгляд теряет обычное тепло.

Винсент замечает это.

Что-то холодное мелькает в его лице. Челюсть становится жёстче.

— Вы намерены отвечать за неё?

— Я намерен избавить её от необходимости отвечать вам.

— Хью, — тихо произносит Элеонора.

Оба мужчины поворачиваются к ней.

Имя, сказанное без фамилии, звучит слишком лично.

Взгляд Винсента на мгновение опускается к её губам. Потом возвращается к Фэрчайлду.

Элеонора кладёт пальцы на руку Хью.

Под тонкой перчаткой чувствуется напряжение его мышц.

— Благодарю.

Он накрывает её ладонь своей.

— Вам не нужно соглашаться.

Теперь Хью смотрит только на неё. В его глазах нет ни приказа, ни требования выбрать его сторону. Только беспокойство.

— Знаю.

— Вы едва стоите.

— Я вполне способна решить сама.

Слова звучат мягко, но Хью понимает.

Он хотел защитить её, но превратил защиту в новое давление. Его ладонь медленно разжимается.

Винсент всё ещё ждёт.

Элеонора обращается к нему:

— Мистер Фэрчайлд ошибся. Я не обещала ему этот танец.

Лицо Хью остаётся спокойным, но в глазах появляется короткая боль. Не из-за того, что она выбирает другого. Из-за того, что он не смог помочь, не поставив её в ещё более унижительное положение.

Винсент смотрит на Элеонору внимательнее.

По залу проходит новое движение. Несколько дам наклоняются друг к другу. Кто-то уже шепчет имя Элеоноры.

Если Винсент сейчас уйдёт, все решат, что она ему отказала. Если позволит ему уйти после того, как он пересёк ради неё весь зал, разговоров станет не меньше.

Он прекрасно понимает это.

Судя по выражению лица Элеоноры, она тоже.

— Вы могли бы спросить, прежде чем устраивать представление, — произносит она одними губами.

Винсент слегка склоняется, чтобы расслышать.

— Я спрашиваю сейчас.

Он говорит искренне.

Это раздражает её ещё больше. Легко предоставлять выбор, когда вся тяжесть последствий ложится на другого.

Элеонора поднимает подбородок.

— Я буду танцевать.

Хью тихо выдыхает.

— Вы уверены?

Она не смотрит на него, потому что боится увидеть неодобрение или жалость.

— Разумеется.

Ложь звучит почти убедительно.

Винсент снова предлагает руку.

На этот раз медленнее. Элеонора кладёт на неё пальцы.

Его ладонь не кажется тёплой. Винсент ведёт её в центр галереи.

Гости расступаются. Элеонора чувствует взгляды на спине, плечах, старом платье и соединённых руках. Каждый шаг больно отдаётся в левой пятке, но она не позволяет себе прихрамывать.

Винсент замечает, как напрягаются её пальцы при каждом втором шаге. Замедляется, не глядя на неё, и чуть меняет направление, выбирая кратчайший путь.

Позади остаётся Хью.

Он смотрит им вслед, опустив руки вдоль тела. Капитан Морли подходит и что-то спрашивает, но Хью отвечает не сразу. Его взгляд прикован к руке Винсента, поддерживающей пальцы Элеоноры.

Лавиния продолжает стоять возле рояля.

Когда Винсент проходит мимо неё с Элеонорой, она отступает, освобождая дорогу. Движение безукоризненно, лицо спокойно.

Их взгляды встречаются.

Винсент лишь теперь осознаёт, чего Лавиния ожидает.

Он видит это в неподвижности её лица, в чуть расширенных зрачках, в руке, сжавшейся у бедра.

Но остановиться уже невозможно.

Лавиния склоняет голову.

Винсент отвечает тем же и проходит мимо.

Ноготь её большого пальца вдавливается в ладонь, оставляя полукруглый след.

Одна из пожилых дам смотрит на Лавинию с плохо скрываемым сочувствием. Это оказывается последним унижением. Лавиния замечает. Поворачивается к даме и улыбается так спокойно, словно сама выбирает пропустить этот танец.

Улыбка выходит совершенной.

Лишь Сесили видит, как дрожат пальцы, когда Лавиния забирает у неё веер.

Молодой лорд Карстерс торопливо подходит и приглашает её. Перед этим бросает взгляд на герцогиню, будто получает безмолвный приказ исправить положение.

Лавиния позволяет ему закончить поклон.

— С удовольствием.

Её голос не дрожит.

Гонория наблюдает за всем из-за карточного стола. Смотрит сначала на внука, затем на Элеонору, после — на Лавинию. Брови медленно сходятся.

Однако вместе с недовольством в её глазах появляется любопытство.

Она помнит, как Винсент рассматривал девушку в зелёном платье во время первого танца. Помнит его рассеянный ответ Лавинии и улыбку, которую удалось вызвать Элеоноре во время контрданса.

Внук делает неразумный выбор.

Возможно, первый за долгое время.

Гонория крепче обхватывает рукоять трости и решает пока не вмешиваться.

Месье Дюваль призывает пары занять места.

Элеонора останавливается напротив Винсента.

Пока между ними остаётся два шага, она ещё способна притворяться, что это обычный танец.

Потом он подходит ближе.

Поднимает её правую руку своей левой.

— Вторую положите мне на плечо.

Элеонора смотрит на его плечо так, словно он предлагает ей коснуться раскалённого железа.

Она кладёт кончики пальцев на рукав фрака.

Как можно дальше от шеи.

Прикосновение почти невесомо. Винсент ощущает только лёгкое давление на ткань.

Он опускает взгляд на её осторожную ладонь. Уголок рта едва заметно движется.

— Ближе.

Элеонора смотрит ему в лицо.

— Я прекрасно достаю.

— Вы едва касаетесь меня.

— Именно так я и намеревалась поступить!

— При повороте рука соскользнёт.

— Постарайтесь не двигаться.

— В этом состоит танец, мисс Вейл.

Он произносит это невозмутимо, но в глазах появляется насмешка.

Элеонора сильнее прижимает пальцы к его плечу — ровно настолько, чтобы он не мог обвинить её в неповиновении, и ни капель больше.

Винсент поднимает правую руку. Элеонора знает, куда та должна лечь. Всё равно вздрагивает, когда ладонь касается талии. Тонкий муслин и нижние юбки совершенно не защищают от ощущения мужской руки. Пальцы располагаются чуть выше бедра, большой — ближе к спине. Винсент не прижимает её и не позволяет себе ничего лишнего.

В этом и заключается самое ужасное.

Рука лежит ровно там, где требует танец. Возмутиться невозможно, не признавшись, насколько сильно Элеонора чувствует прикосновение.

Дыхание замирает у неё в груди.

Спина становится такой прямой, будто ладонь Винсента превращается в раскалённое клеймо.

Он замечает.

Сначала ощущает, как напрягаются мышцы под его рукой. Затем видит, как губы Элеоноры размыкаются для короткого вдоха.

Его взгляд опускается к ним и снова поднимается.

— Что-то не так?

— Ваша рука.

Винсент смотрит на собственную ладонь у её талии.

— Она снова вызывает нравственное возмущение?

— Пока только опасение.

— За мою репутацию?

— За мою.

Улыбка касается его глаз.

— Обещаю не снимать перчатку.

Щёки Элеоноры вспыхивают.

Она быстро оглядывается, проверяя, не слышит ли их кто-нибудь. Ближайшие пары слишком заняты собственными руками и ногами.

— Вы невыносимы.

— Мне уже говорили об этом.

Месье Дюваль хлопает в ладони, требуя внимания.

— Не смотрите под ноги. Смотрите на партнёра. Кавалер начинает с левой, дама — с правой. Медленно. Раз, два, три.

По залу проходит первая неуверенная волна.

Пары делают три шага и останавливаются.

Кто-то сразу наступает партнёрше на подол. Луиза вскрикивает, когда капитан Морли едва не сталкивается с соседями. После этого они оба начинают смеяться, и капитан вынужден отпустить её талию, чтобы восстановить самообладание.

Маргарет смотрит на мистера Блейка с сосредоточенным терпением. Он держит руку так далеко от её талии, что не способен вести. Месье Дюваль подходит и лично перемещает его ладонь. Мистер Блейк становится пунцовым.

Лавиния танцует с лордом Карстерсом. Он явно не знаком с шагами, однако она следует музыке достаточно точно, чтобы скрывать его ошибки.

Винсент делает первый шаг.

Элеонора отступает.

Его рука на её талии чуть крепче задаёт направление.

— Раз, — произносит он.

— Я умею считать.

— В этом зале поразительно много людей с таким талантом.

— Два, — говорит Элеонора назло ему.

— Три.

Они останавливаются.

Между ними остаётся значительно меньше расстояния, чем прежде. Носки его туфель почти касаются её туфель. Элеонора чувствует тепло его тела, хотя они не соприкасаются.

— Снова, — распоряжается месье Дюваль.

Винсент ведёт её ещё на три шага. Потом назад.

Элеонора старается смотреть поверх его плеча, но из-за разницы в росте видит только чёрный шейный платок, резкую линию челюсти и подбородок.

— На партнёра, мисс Вейл, — напоминает месье Дюваль, проходя мимо.

Винсент ждёт.

Элеонора чувствует его терпение почти как новую насмешку.

Она медленно поднимает глаза.

Он уже смотрит на неё.

Теперь она различает светлую кайму вокруг радужки и маленький шрам возле правой брови. Видит тёмные ресницы, лёгкую тень на подбородке и сдерживаемую улыбку в уголке рта.

Винсент, в свою очередь, замечает золотистые искры в её ореховых глазах и несколько веснушек на переносице, почти невидимых при другом освещении. Выбившаяся прядь касается щеки. Ему хочется убрать её, и само это желание кажется настолько неожиданным, что пальцы на талии Элеоноры едва заметно напрягаются.

— Довольны? — спрашивает она.

Элеонора приподнимает подбородок, стараясь придать вопросу насмешливое звучание, однако пальцы на его плече невольно сжимаются. Румянец всё ещё горит на щеках, и это раздражает её сильнее его близости.

Вопрос возвращает Винсента к разговору. Он медленно моргает. Его взгляд задерживается на её лице, скользит по нахмуренным бровям и останавливается на упрямо сжатых губах.

— Пока не решил.

В уголке его рта появляется слабая улыбка. Не весёлая — скорее изучающая, будто Элеонора представляет собой задачу, с которой он не намерен торопиться.

Она коротко смотрит через его плечо на расступившихся гостей, затем снова встречается с ним глазами.

— Вы пересекли ради этого весь зал.

— Именно поэтому не хочу торопиться с выводами.

Винсент чуть крепче поддерживает её за талию перед следующим шагом. Голос остаётся невозмутимым, но в глазах вспыхивает откровенное удовольствие от её негодования.

Элеонора сужает глаза. Непокорная прядь снова касается щеки, однако теперь она не сдвигает её, опасаясь, что любое лишнее движение выдаст смущение.

— Возможно, вам следовало сначала подумать, а потом делать.

Последнее слово она произносит особенно отчётливо. Винсент приподнимает бровь, и его улыбка становится чуть заметнее, словно мысль о предварительном размышлении кажется ему совершенно лишней.

Он ведёт её в первый поворот.

Правая рука Винсента увереннее ложится на талию Элеоноры, задавая направление. Он не тянет её за собой — лишь слегка меняет давление пальцев, и её тело против воли подчиняется этому безмолвному приказу.

Элеонора успевает сделать два шага.

На третьем левая пятка касается жёсткого задника туфли.

Боль пронзает ногу.

Она вздрагивает. Брови на мгновение сходятся, дыхание обрывается, а пальцы впиваются в плечо Винсента. Носок туфли скользит по паркету, и Элеонора невольно подаётся вперёд.

Его рука мгновенно крепнет на её талии.

Винсент притягивает её ближе ровно настолько, чтобы вернуть равновесие. Их тела не соприкасаются, однако между ними остаётся всего несколько дюймов. Элеонора чувствует тепло его груди и резкий запах крахмала, смешанный с чем-то древесным.

Улыбка исчезает с лица Винсента.

Он смотрит не в глаза, а ниже — на побледневшие губы и напряжённую складку между бровями.

— Какая нога?

Голос становится тише. В нём уже нет прежней насмешки.

Элеонора выпрямляется в его руке, стараясь отстраниться, но следующий шаг не позволяет увеличить расстояние.

— Никакая.

Винсент опускает взгляд к её юбке. Лицо остаётся спокойным, но в глазах появляется сосредоточенность.

— Левая.

Она поднимает подбородок.

— Если вы уже знаете, зачем спрашиваете?

Его взгляд возвращается к её лицу. На мгновение задерживается на упрямо сжатых губах.

— Надеюсь на редкое проявление честности.

Уголок его рта едва заметно поднимается, но пальцы на талии не ослабевают.

Элеонора замечает и сердится ещё сильнее. Не только потому, что он снова смеётся над ней. Её раздражает собственное ощущение безопасности в его руках — совершенно неуместное после всего, что она успела о нём подумать.

— Продолжайте надеяться.

Она произносит это почти ласково, однако взгляд обещает совершенно иное.

Винсент тихо выдыхает через нос. То ли сдерживает улыбку, то ли пытается справиться с раздражением. Потом снова опускает глаза, будто способен увидеть повреждённую пятку сквозь бледно-зелёную юбку и туфлю.

Он замечает, как осторожно Элеонора переносит вес на правую сторону и как напрягаются её пальцы перед каждым новым шагом.

Насмешка окончательно исчезает.

— Вам следовало отказаться.

Элеонора смотрит на него снизу вверх. В ореховых глазах вспыхивает такое неподдельное возмущение, что Винсент на миг перестаёт следить за музыкой.

— Вы оставили мне замечательно удобную возможность сделать это перед всем залом.

Она слегка поворачивает голову, указывая взглядом на гостей.

Вдоль стен по-прежнему движутся веера. Несколько пожилых дам наблюдают именно за ними. Леди Вейл стоит неподвижно, прижимая сложенный веер к груди. Луиза забывает о собственном партнёре и вытягивает шею, пытаясь рассмотреть выражение лица Элеоноры.

Винсент снова смотрит на неё.

Несколько мгновений молчит.

Его ладонь остаётся на её талии, и сквозь тонкий муслин Элеонора ощущает каждое движение пальцев. Один из них чуть сгибается, будто Винсент собирается притянуть её ближе, но он останавливает себя.

Музыканты повторяют медленную мелодию. Вокруг пары продолжают учиться, смеются, сталкиваются и начинают снова. Где-то справа капитан Морли приносит Луизе торопливые извинения. Месье Дюваль хлопает в ладони, отсчитывая шаги.

Но Винсент почти не слышит их.

Всё его внимание сосредоточивается на женщине в его руках — на её упрямстве, скрытой боли и обвинении, которое он сначала принимает за очередную колкость.

— Вы имели право отказаться.

Элеонора издаёт короткий смешок. Ни капли веселья в нём нет.

— После того как прошли мимо леди Лавинии, заставили замолчать половину гостей и едва не поссорились с Хью.

При имени друга пальцы Винсента чуть сильнее сжимаются на её талии.

Совсем немного.

Но Элеонора чувствует.

Её взгляд опускается к его шейному платку, затем снова поднимается к глазам. В них появляется новое выражение — настороженное, почти испытующее.

— Я не ссорился с ним, — произносит Винсент.

Голос становится суше. Челюсть слегка напрягается.

— Тогда ваша дружба отличается удивительной суровостью.

— Фэрчайлд решил, что должен отвечать за вас.

На этот раз он не смотрит на Элеонору. Взгляд скользит поверх её плеча туда, где у стены остаётся Хью.

Хью наблюдает за ними. Руки скрещены на груди, губы сжаты. Встретившись с Винсентом глазами, он не отводит взгляда.

Винсент первым возвращает внимание к Элеоноре.

— Он пытался мне помочь, — говорит она.

В её голосе появляется тепло, которого Винсент не слышит ни в одной фразе, обращённой к нему.

— Солгав.

— Иногда хорошие люди лгут ради достойной цели.

— Хорошие люди, — повторяет Винсент.

На губах возникает холодная улыбка, но в глазах её нет. Большой палец медленно проводит по складке муслина у её талии — скорее задумчиво, чем намеренно.

Элеонора замирает от этого едва ощутимого движения.

Винсент замечает, как меняется её дыхание, и тоже перестаёт двигать пальцем.

Между ними на мгновение возникает тишина, не имеющая отношения к музыке.

— А вы всегда позволяете хорошим людям решать за себя? — спрашивает он.

Фраза звучит спокойнее прежних, но касается чего-то болезненного.

Улыбка исчезает с лица Элеоноры.

Она вспоминает мать, уже считающую возможных мужей. Тётю Беатрис, оплачивающую сезон и потому получающую право тревожиться за его результат. Молодых мужчин, которые охотно решают, что Элеонора очаровательна, а после известия о приданом так же легко решают, что она им не подходит.

Слишком многие считают, что её выбор принадлежит им.

Пальцы Элеоноры медленно разжимаются на плече Винсента. Она перестаёт опираться на него и выпрямляется, несмотря на боль.

Тепло уходит из её лица.

— Я никому не позволяла решить за меня.

Винсент слышит перемену в голосе. Взгляд становится внимательнее, однако отступить он не привык.

— Именно поэтому вы сейчас здесь.

Элеонора смотрит ему прямо в глаза.

Боль в ноге, смущение и страх перед сплетнями отступают перед чистой яростью.

— Я здесь, потому что вы устроили представление.

Слова попадают точнее, чем она рассчитывает.

Пальцы Винсента замирают на её талии.

Улыбка исчезает. Суровые черты лица словно застывают, но Элеонора находится достаточно близко, чтобы заметить короткое движение кадыка и складку, появившуюся между его бровями.

Он действительно выбрал её намеренно.

Из любопытства. Из желания увидеть, как девушка, обвинявшая его в неприличии,отреагирует на самый вызывающий танец вечера. Ему хочется снова заставить её вспыхнуть, услышать очередной дерзкий ответ и проверить, насколько далеко простирается её праведное негодование.

Но о последствиях для Элеоноры он не думал.

Вернее, считает, что его титул и открытое приглашение делают последствия несущественными. Ни одна девушка не должна считать внимание наследника герцога опасным. Ни одна разумная мать не станет возражать.

Теперь, глядя на упрямо поднятый подбородок Элеоноры и слишком бледные губы, Винсент впервые видит ситуацию её глазами.

Он вспоминает, как перед ними расступается зал. Как замолкают разговоры. Как Хью становится между ними. Как сама Элеонора ищет глазами мать, прежде чем принять приглашение.

Она соглашается не потому, что желает танцевать.

Он загоняет её в угол и называет оставшийся выход выбором.

Вина возникает коротко и непривычно.

Винсент не любит это чувство. Пытается превратить его в раздражение, напомнить себе о её добровольном согласии и колкостях.

Не получается.

Его рука на талии Элеоноры понемногу ослабевает. Не отпускает её — фигура пока не позволяет, — но теперь прикосновение становится осторожнее, почти извиняющимся.

Элеонора чувствует перемену.

На мгновение в её глазах вспыхивает удивление. Она не ожидает, что он поймёт. Тем более не ожидает увидеть, как самоуверенность исчезает из его лица.

Винсент медленно вдыхает. Взгляд скользит по её лицу и задерживается на ресницах, дрогнувших от боли при очередном шаге.

— Если бы я знал о вашей ноге, я не подошёл бы, — говорит он.

Голос звучит низко и серьёзно.

Элеонора продолжает смотреть на него, и впервые за весь танец ни один из них не пытается превратить возникшее между ними напряжение в шутку.

— Как утешительно. Значит, для моего спасения требовалась всего лишь телесная рана.

Элеонора произносит это с мягкой улыбкой, которая не достигает глаз. Подбородок остаётся высоко поднятым, однако побелевшие пальцы на плече Винсента выдают, каких усилий ей стоит продолжать танец.

Он смотрит на неё сверху вниз.

Взгляд задерживается на напряжённой складке между бровями и скользит к губам, на которых колкость звучит почти ласково. Винсент уже начинает понимать: чем сильнее Элеонора сердится, тем спокойнее старается говорить. Настоящее негодование обнаруживается не

в голосе, а в слишком прямой спине, вспыхнувших щеках и пальцах, готовых смять безукоризненное сукно его фрака.

— Вы намерены превращать каждую мою фразу в обвинение?

Он слегка склоняет голову. Вопрос звучит сухо, но в глазах появляется усталое любопытство: Винсент словно уже знает ответ и всё равно желает его услышать.

Элеонора не отводит взгляда.

— Пока вы предоставляете такую возможность.

Она делает следующий шаг, неудачно переносит вес на левую ногу и едва заметно вздрагивает. Винсент чувствует это через ладонь на её талии. Его пальцы мгновенно становятся твёрже, не позволяя ей отступить дальше, чем следует.

Он выдыхает через нос.

На одно мгновение прикрывает глаза, будто пытается решить, раздражает его эта женщина или восхищает. Решение не находится.

— Хотите остановиться?

Вопрос звучит неожиданно серьёзно.

Винсент чуть ослабляет руку на её талии, оставляя возможность отстраниться. Насмешка уходит из лица. Между бровями появляется неглубокая складка, а взгляд снова опускается к её ногам.

Элеонора замечает перемену и почти верит, что он действительно беспокоится.

Она оглядывается.

Половина зала всё ещё наблюдает за ними.

Месье Дюваль продолжает объяснять шаги, музыканты снова начинают медленную мелодию, пары смеются над ошибками, однако внимание гостей раз за разом возвращается к самому опытному танцору и девушке, ради которой он прошёл через весь зал.

Винсент и Элеонора должны показывать остальным правильные движения.

Вместо этого они почти стоят на месте и напряжённо разговаривают.

Издалека невозможно расслышать слова. Видно только, как Элеонора вскидывает лицо, как Винсент склоняется, чтобы уловить её тихий ответ, и как его рука остаётся у неё на талии. Их лица слишком серьёзны для обычной любезности, но расстояние между ними слишком мало для открытой ссоры.

Именно поэтому происходящее кажется ещё более интимным.

Леди Вейл стоит рядом с Беатрис и не отрывает взгляда от руки Винсента на талии дочери. Её веер замер у груди. В лице одновременно отражаются тревога, недоверие и надежда, которую Марианна сама боится признать.

Внук герцогини выбирает Элеонору перед всем залом.

Но дочь не улыбается ему.

— Они спорят? — едва слышно спрашивает леди Вейл.

Беатрис наблюдает за племянницей внимательнее.

Она замечает поднятый подбородок, напряжённые плечи и то, как Элеонора переносит вес на здоровую ногу. Потом смотрит на Винсента — на исчезнувшую улыбку и ладонь, невольно поддерживающую девушку сильнее.

— Несомненно, — отвечает Беатрис.

— О чём можно спорить во время первого вальса?

— Судя по Элеоноре, о самом Винсенте.

Гонория слышит последние слова. Она переводит тёмные глаза на внука и чуть прищуривается.

Винсент почти не улыбается женщинам. Ещё реже забывает следить за окружающими. Теперь же не замечает, что весь зал смотрит на него.

Это обстоятельство интересует герцогиню значительно больше самого вальса.

Луиза тоже забывает следить за шагами. Она выворачивает шею, пытаясь рассмотреть лицо Элеоноры, и наступает капитану Морли на ногу.

— Простите!

Капитан морщится, но тут же выпрямляется.

— Пустяки.

Луиза снова поворачивается к подруге.

— Они ссорятся.

— Смотрите на меня, мисс Керси, — просит капитан.

— Я смотрю.

Она говорит это, не отрывая глаз от Элеоноры.

Маргарет оказывается ближе и видит больше. Элеонора не кажется напуганной. Она сердится. Однако каждый раз, когда Винсент говорит, не спешит отворачиваться. Смотрит ему прямо в лицо, словно весь остальной зал перестаёт существовать.

Хью замечает то же самое.

Он стоит у стены, скрестив руки на груди. Пальцы одной ладони сжимают рукав так сильно, что на ткани появляются складки. Хью знает, что Элеонора не желает этого танца. Видит боль в её движениях и слишком хорошо понимает, почему она не может уйти.

Но замечает и другое.

Винсент поддерживает её осторожно. Не смеётся теперь. Слушает так сосредоточенно, будто ни один человек в зале не заслуживает внимания, кроме женщины, обвиняющей его в чём-то у самого лица.

Хью это не нравится.

Лавиния танцует с лордом Карстерсом.

Её шаги безупречны, плечи расправлены, голова поднята. Только лицо кажется высеченным из белого камня. Всякий раз, когда поворот позволяет, её взгляд возвращается к Винсенту.

Она видит, как он склоняется к Элеоноре.

Видит, как девушка отвечает.

Видит руку на её талии и то, что Винсент не отводит глаз даже тогда, когда музыка требует движения.

Лавиния не знает, о чём они говорят.

От этого напряжённый разговор выглядит слишком личным.

— Теперь? — спрашивает Элеонора, снова обращаясь к Винсенту. — И окончательно убедить всех, что между нами произошло нечто ужасное?

Она едва заметно указывает взглядом на гостей.

Винсент прослеживает направление. Впервые замечает застывший веер леди Вейл, суровое лицо Хью и неподвижный взгляд Лавинии.

Потом снова смотрит на Элеонору.

Насмешка понемногу возвращается в его глаза — не потому, что он перестаёт чувствовать вину, а потому, что её формулировка предоставляет слишком удобную возможность.

— Уже произошло?

Он склоняется чуть ближе.

Элеонора чувствует его дыхание у виска и отодвигает голову, насколько позволяет положение в танце.

— Вы держите меня за талию.

Взгляд Винсента медленно опускается к собственной руке.

Пальцы лежат на бледно-зелёном муслине безукоризненно правильно. Только большой палец располагается ближе к её спине, чем прежде.

Винсент вдруг начинает слишком ясно ощущать изгиб тела под ладонью.

Элеонора видит, как задерживается его взгляд.

— Для вальса это считается необходимостью, — произносит он.

Голос звучит чуть ниже.

— Развратники придумали этот танец.

Она старается говорить с осуждением, но последние слова выходят тише, чем хотелось бы.

Винсент поднимает глаза.

— Начиная разделять ваше мнение.

Элеонора вспыхивает.

Румянец поднимается от шеи к щекам. Глаза расширяются, затем сужаются. Пальцы снова впиваются в его плечо, хотя она тут же пытается ослабить хватку.

Улыбка медленно возвращается на лицо Винсента.

Сначала дрогнул один уголок рта. Потом исчезла складка между бровями. В серых глазах появляется откровенное удовольствие.

Он снова добился желаемой реакции.

— Вы снова это делаете.

Элеонора произносит слова сквозь зубы. Со стороны это выглядит как ещё одна тихая фраза, предназначенная только ему.

— Что?

Винсент приподнимает бровь с таким безмятежным видом, будто не понимает совершенно ничего.

Это окончательно убеждает её в обратном.

— Намеренно смущаете меня.

На мгновение он собирается ответить привычной насмешкой.

Потом замечает, насколько близко находится её лицо. Видит золотистые искры в сердитых ореховых глазах, частое движение дыхания и непокорную прядь, прилипшую к разгорячённой щеке.

Мысль возникает раньше осторожности.

— Возможно, мне нравится, как вы выглядите, когда сердитесь.

Признание вырывается прежде, чем Винсент успевает оценить его.

Они оба замирают на один удар музыки.

Элеонора перестаёт дышать.

Пальцы на его плече разжимаются, будто она намеревается отнять руку, затем снова касаются ткани — уже осторожнее. В её лице на мгновение не остаётся ни гнева, ни насмешки. Только растерянность.

Винсент чуть сужает глаза, словно удивлён собственными словами не меньше неё.

Он действительно любит её сердить.

Не просто потому, что ответы забавляют. Ему нравится, как оживает её лицо. Как вспыхивают глаза, как приподнимается подбородок и розовеют щёки. Нравится быть причиной этой перемены.

Осознание оказывается неприятно притягательным.

Винсент не отводит взгляда.

Со стороны остановка становится заметна.

Месье Дюваль хмурится, полагая, что они забыли фигуру. Хью отталкивается плечом от стены и делает полшага вперёд. Леди Вейл крепче сжимает веер.

Лавиния пропускает указание партнёра и впервые за весь вечер ошибается. Лорд Карстерс вынужден удержать её локоть.

— Простите, — холодно произносит она.

Но продолжает смотреть на Винсента.

Элеонора первой приходит в себя.

Она вспоминает зал, Лавинию, мать и руку на собственной талии. Растерянность исчезает. В глазах снова вспыхивает знакомый огонь.

— Тогда вам следует завести раздражительную собаку. Она доставит вам гораздо меньше неприятностей.

Винсент моргает.

Потом запрокидывает голову и тихо смеётся. Смех почти не слышен за музыкой, но Элеонора ощущает его в движении груди под своей ладонью.

— Сомневаюсь, что она будет спорить так же занимательно.

— Вы могли бы наступить ей на хвост.

— Жестокое предложение.

Его взгляд снова опускается к её лицу. Улыбка теперь уже открытая, настоящая.

— Но действенное!

Элеонора произносит это с такой серьёзностью, что он снова едва удерживается от смеха.

Напряжение между ними меняется.

Не исчезает — становится другим. Вина и раздражение по-прежнему остаются, но теперь сквозь них пробивается удовольствие от самой перепалки. Оба понимают, что должны прекратить. И ни один не хочет.

Месье Дюваль снова хлопает в ладони.

— Теперь поворот! Кавалеры, ведите мягче. Дамы, не сопротивляйтесь партнёру.

Винсент медленно переводит глаза с учителя на Элеонору.

В его глазах уже появляется насмешка.

Элеонора предупреждающе сужает глаза.

— Вы слышали? — спрашивает он.

— Он говорил не мне.

— Боюсь, именно вам.

Винсент чуть крепче обхватывает её талию, готовясь к повороту.

— Я не сопротивляюсь.

— В таком случае не представляю, как выглядит ваше сопротивление.

Уголки её губ едва заметно приподнимаются.

Теперь Винсент знает: она тоже получает удовольствие от спора, хотя скорее позволит туфле стереть ногу до кости, чем признается.

Он ведёт её в поворот.

На этот раз шаги становятся короче.

Винсент начинает движение в другую сторону, чтобы Элеоноре почти не приходилось опираться на левую пятку. Перед каждым шагом едва заметно задерживает её, позволяя перенести вес. Его рука твёрже поддерживает талию, принимая часть нагрузки.

Элеонора вынуждена держаться ближе.

Именно так его помощь выглядит со стороны.

Винсент и мисс Вейл, ещё минуту назад почти остановившиеся ради напряжённого разговора, вдруг начинают двигаться плавнее всех остальных. Он ведёт уверенно, она безошибочно следует. Их повороты получаются такими согласованными, словно они танцуют вместе не впервые.

Гости замечают.

Пожилая дама шепчет соседке, что мисс Вейл удивительно быстро учится.

Леди Вейл смотрит на дочь с новым выражением лица. Тревога никуда не исчезает, но к ней присоединяется смущение. Со стороны Винсент не выглядит мужчиной, вынужденным терпеть случайную партнёршу. Он не отрывает от Элеоноры глаз.

Беатрис замечает это и поджимает губы.

Гонория медленно проводит пальцем по серебряной рукояти трости. Теперь она уже не сомневается: внук выбирает Элеонору не только ради каприза. Возможно, сам Винсент пока об этом не знает.

Но Лавиния знает.

Каждый плавный поворот новой пары стирает ещё одну часть её самообладания. Она продолжает улыбаться лорду Карстерсу, но веер, зажатый в свободной руке, начинает потрескивать у основания.

Хью тоже видит, насколько хорошо они движутся вместе.

Ему известно, что причина плавности — опыт Винсента и больная нога Элеоноры. Но от этого рука на её талии не кажется менее интимной.

Сама Элеонора понимает хитрость только после второго круга.

Сначала замечает, что боль ослабевает.

Потом — что Винсент всякий раз начинает поворот с другой стороны, сокращает один шаг и удерживает её долю секунды дольше, прежде чем позволить перенести вес.

Она поднимает на него глаза.

Винсент смотрит поверх её головы с невозмутимым видом, словно изменения вообще не происходит.

— Вы изменили шаг.

— Нет.

Он отвечает слишком быстро.

— Изменили.

Элеонора изучает его лицо. Видит почти незаметное напряжение у рта и понимает, что поймала его на заботе, которую он предпочёл бы скрыть.

— Возможно, вы наконец перестали сопротивляться.

Винсент снова смотрит на неё. В глазах появляется вызов: он предлагает принять это объяснение, хотя оба знают правду.

— Вы ужасный лжец.

— Вы первая женщина, которая обвиняет меня в этом.

— Вечер ещё не закончился.

Уголок его рта приподнимается.

— Начинаю опасаться завтрашнего дня.

— И правильно.

Он снова поворачивает её, уводя больную ногу от нагрузки.

Забота раздражает Элеонору почти так же сильно, как насмешки.

Она не позволяет считать Винсента исключительно невыносимым. Хуже того — заставляет замечать, насколько уверенно он ведёт, как быстро распознаёт её боль и как искусно скрывает помощь от чужих глаз.

Он мог бы остановить танец и объявить всем о её слабости. Мог бы продолжить, заставляя терпеть. Вместо этого Винсент меняет собственные движения и позволяет ей сохранить лицо.

Элеоноре это нравится.

Именно поэтому она сердится.

Она начинает замечать то, что раньше отвергала: как внимательно он следит за каждым её шагом, как заранее чувствует попытку отстраниться, как уверенно удерживает, не причиняя боли. В его руках нет грубости. Только сила, которой он пользуется без усилия.

Винсент тоже изучает её.

Элеонора устала, нога болит, весь зал следит за каждым жестом, но она не просит пощады. Колкости становятся тише, движения осторожнее, однако огонь в глазах не гаснет.

Ему хочется узнать, где проходит предел её упрямства.

И одновременно — избавить её от необходимости его достигать.

Это противоречие раздражает Винсента сильнее любых обвинений.

— Вам не обязательно это делать, — говорит Элеонора.

Он слегка склоняется, чтобы расслышать.

— Что именно?

— Притворяться внимательным.

Его лицо становится серьёзнее.

Винсент не отвечает сразу. Рука на её талии остаётся твёрдой, но большой палец перестаёт двигаться. Взгляд задерживается на её лице, словно он пытается понять, действительно ли она принимает заботу за новую насмешку.

— Я редко притворяюсь.

Голос звучит ровно, но холоднее прежнего.

Элеонора чувствует, что задевает его, и всё же не отступает.

— Значит, вы внимательны только тогда, когда сами причиняете неудобство?

— Обычно я просто устранию его.

— Не признавая вины.

— Признание не уменьшит вашу боль.

Он смотрит на неё прямо. Теперь между ними нет улыбки, только близость, от которой невозможно уклониться, пока продолжается танец.

Элеонора приподнимает брови.

— Зато доставит мне удовольствие.

Она произносит это медленно, с почти светской мягкостью, но ореховые глаза смотрят вызывающе. Под пальцами Элеоноры напрягается плечо Винсента. Она понимает, что задевает его, и не испытывает ни малейшего желания отступить.

Несколько мгновений Винсент молчит.

Вальс продолжает нести их вперёд. Его рука лежит на её талии, ладонь Элеоноры — на плече, соединённые пальцы подняты между ними. При каждом повороте юбка касается его ног, а их тела то расходятся на несколько дюймов, то снова оказываются опасно близко.

Винсент рассматривает её так откровенно, будто ответ уже не имеет значения.

Взгляд медленно скользит по вспыхнувшему лицу, задерживается на пряди у щеки, опускается к губам. Элеонора видит это движение и чувствует, как собственная улыбка начинает слабеть.

Она не отводит глаз.

Это становится новым вызовом.

Уголок рта Винсента поднимается. В улыбке нет тепла — только тёмное удовольствие мужчины, обнаружившего достойного противника и уже забывшего, что спор начинается с её боли.

Элеонора понимает: вместо раскаяния снова предоставляет ему возможность смутить её.

Винсент склоняется чуть ближе.

Для окружающих это выглядит так, словно он говорит нечто предназначенное только ей. На самом деле слова почти теряются между ними — настолько низко он произносит:

— Тогда ради вашего удовольствия признаю: мне не следовало приглашать женщину, которая едва стоит на ногах.

Его взгляд опускается к её рту именно на слове «удовольствия».

Элеонора чувствует это и вскидывает подбородок, сокращая расстояние между их лицами вместо того, чтобы отстраниться.

— Я прекрасно стою.

— Разумеется.

Винсент ведёт её ещё на три шага. При повороте Элеонора вынуждена сильнее опереться на его плечо, и на губах мужчины появляется медленная, невыносимо понимающая улыбка.

— Поэтому почти висите у меня на руке.

Он произносит фразу у самого её виска.

Элеонора резко поворачивает голову. Их лица оказываются ближе, чем она ожидает. На мгновение ей приходится смотреть прямо в его глаза.

Она немедленно пытается отстраниться.

Пальцы соскальзывают с его плеча, спина отклоняется, больная нога ищет опору.

Винсент не позволяет.

Ладонь на талии крепнет и одним уверенным движением возвращает её к себе. Элеонора ощущает силу его пальцев даже сквозь слои ткани. Вторая рука поднимает их соединённые ладони, не давая ей нарушить положение.

Расстояние между ними становится ещё меньше.

— Не двигайтесь.

В голосе нет просьбы.

Элеонора чувствует, как от этих двух слов по спине проходит горячая волна. Она тут же превращает её в ярость.

— Вы только что жаловались, что я сопротивляюсь.

— А теперь запрещаю вам доказывать правоту ценой падения.

— Вы не можете мне запрещать.

— Могу, пока единственное, что удерживает вас на ногах, — моя рука.

Большой палец Винсента едва заметно смещается на её талии, подчёркивая сказанное.

Движение почти невинное.

Элеонора всё равно замирает.

Винсент чувствует, как под его ладонью напрягается её тело. Видит, как расширяются зрачки, как на мгновение приоткрываются губы. От этого собственное дыхание становится глубже.

Он должен ослабить хватку.

Вместо этого удерживает её ещё один лишний удар музыки.

Элеонора против воли улыбается.

Всего одним уголком губ — сердито, почти дерзко, будто только что принимает новое условие поединка и намерена обратить его против самого Винсента.

Он замечает мгновенно.

Его внимание цепляется за эту улыбку с неожиданной жадностью. Всё остальное в зале словно отступает: музыка становится приглушённой, движущиеся пары — размытыми пятнами, голоса — далёким шумом.

— Вот, значит, вы умеете.

Элеонора тут же прячет улыбку.

Лицо становится подчеркнуто невозмутимым, хотя румянец остаётся.

— Не понимаю, о чём вы.

— Улыбаться.

— Вы уже видели, как я улыбаюсь.

— Не мне.

Фраза звучит резче, чем Винсент намеревается.

Оба это замечают.

Элеонора медленно поднимает брови. В ореховых глазах появляется острый блеск. Она находит слабое место и, конечно, немедленно касается его.

— Я начинал думать, что выражение радости предназначается исключительно Ферчайлду, — добавляет Винсент, пытаясь вернуть словам прежнюю насмешливость.

Не получается. Голос остаётся слишком ровным, а пальцы на её талии — слишком неподвижными.

— Он умеет её вызывать.

Элеонора произносит ответ намеренно.

Смотрит прямо ему в лицо, наблюдая за реакцией. Ей хочется задеть его так же, как он всё это время задевает её. Доказать, что не только Винсент способен превращать слова в прикосновения.

Удар попадает в цель.

Винсент реагирует не сразу.

Сначала исчезает улыбка. Затем обозначается резкая линия челюсти. Пальцы на её талии сжимаются прежде, чем он успевает остановить движение.

Элеонора чувствует это.

Её собственная улыбка возвращается, теперь уже откровенно победная.

Винсент переводит взгляд через её плечо.

Хью стоит у стены.

Он не танцует. Скрестив руки на груди, наблюдает за ними. Обычно открытое лицо становится непривычно жёстким. Пальцы одной руки впиваются в рукав, оставляя на ткани складки.

При встрече с Винсентом глазами Хью не отводит взгляда.

Ни один из мужчин не улыбается.

Между ними нет открытого вызова, но Элеонора чувствует, как меняется рука у неё на талии. Винсент прижимает её увереннее, словно без слов отвечает на взгляд друга.

Элеоноре следовало бы возмутиться.

Вместо этого появляется опасное удовольствие от понимания, что она всё-таки выводит его из равновесия..

— Вы, кажется, очень к нему расположены.

Вопрос должен звучать небрежно. Винсент даже слегка приподнимает бровь, изображая праздное любопытство.

Но последняя фраза выходит слишком короткой.

В голосе появляется сталь, которой прежде не было.

Элеонора замечает.

Она чуть склоняет голову, и каштановая прядь скользит по щеке. Теперь уже ей нравится наблюдать за тем, как трескается его безупречное самообладание.

— Он мне нравится.

— После трёх танцев?

— Вы считаете?

Винсент хмурится.

— Что именно?

— Сколько раз я танцую с другими мужчинами.

— Три не является числом, которое трудно запомнить.

— Особенно если следить.

Она говорит тихо. Почти шепчет.

Винсент смотрит на неё несколько мгновений. В серых глазах вспыхивает нечто тёмное и почти хищное.

— Некоторые вещи трудно не заметить.

— Например?

— Например, то, как вы на него смотрите.

Ответ застаёт Элеонору врасплох.

Улыбка на мгновение замирает. Она не ожидала подобной прямоты и не знает, отчего сильнее бьётся сердце: из-за скрытого обвинения или из-за того, что Винсент действительно наблюдал за ней.

Элеонора быстро возвращает себе самообладание.

— Некоторые люди производят хорошее впечатление быстрее других.

— А некоторые — плохое?

— Мгновенно.

Винсент чуть склоняет голову.

— Полагаю, это обо мне.

— Наконец ваша проницательность проявила себя.

Она одаривает его мягкой улыбкой, предназначенной исключительно для оскорбления.

Винсент ведёт её в поворот резче, чем прежде.

Не настолько, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы Элеонора потеряла привычное ощущение направления. Юбка взлетает вокруг ног. Она вынуждена крепче ухватиться за его плечо и довериться руке, задающей движение.

Винсент замечает её короткий вдох.

— И всё же вы согласились на танец.

Теперь он склоняется к ней. Голос касается кожи у виска почти так же ощутимо, как дыхание.

— Мы уже выяснили почему.

— Из страха перед общественным мнением?

Элеонора смотрит ему прямо в глаза.

Не отстраняется, хотя расстояние между ними позволяет различить каждое движение его губ. В этот момент они похожи не на мужчину и женщину, впервые танцующих вместе, а на двух людей, которые слишком долго знают, куда следует ударить.

— Не все могут позволить себе пренебрегать им.

Фраза стирает улыбку с лица Винсента.

Пальцы на её талии остаются крепкими, но вызов исчезает из глаз.

Он привык считать чужое внимание раздражающим, однако безвредным. Для Винсента сплетня длится один вечер. Она может вызвать недовольство бабушки, скучный разговор с отцом, несколько заметок в светских листках.

Его имя переживёт всё.

Для девушки без состояния один слух способен определить всю жизнь.

Винсент смотрит поверх плеча Элеоноры.

Теперь замечает не просто гостей, а выражения их лиц. Видит, как пожилые дамы шепчутся, прикрываясь веерами. Как леди Вейл следит за каждым движением дочери. Как мужчины поглядывают на старое зелёное платье с новым интересом, потому что его выбирает наследник герцога.

Винсент понимает это.

Не настолько хорошо, чтобы заранее предвидеть, но достаточно, чтобы почувствовать новый укол вины.

Рука на талии Элеоноры немного ослабевает.

Она замечает перемену.

Жёсткость в его лице смягчается, между бровями появляется неглубокая складка. Винсент больше не пытается её смутить. Просто смотрит с непривычной серьёзностью, словно впервые видит не только дерзкую девушку, но и цену её дерзости.

На мгновение Элеонора перестаёт сердиться.

Эта серьёзность действует опаснее его улыбки.

Она показывает, что Винсент способен понимать. Возможно, даже способен сожалеть. От этого он становится сложнее, чем удобный образ надменного негодяя, составленный ею заранее.

Потом Элеонора замечает Лавинию.

Та движется в руках лорда Карстера безукоризненно. Спина прямая, подбородок поднят, серебристая юбка описывает идеальные круги.

Но она почти не смотрит на партнёра.

Её внимание время от времени возвращается к Винсенту.

Теперь Лавиния видит не насмешливую перепалку. Видит, как он держит Элеонору близко, как склоняется к её лицу и как внезапно становится серьёзным из-за одной тихой фразы.

Это выглядит значительно интимнее флирта.

Элеонора ощущает укол стыда.

— Вы должны были пригласить её.

Винсент ещё думает о её словах и не сразу понимает.

— Кого?

— Леди Лавинию.

Он поворачивает голову.

Лавиния как раз проходит рядом.

Приблизившись, она улыбается Винсенту. Улыбка холодна и прекрасна — без единой трещины, без намёка на упрёк.

Только глаза не улыбаются.

Потом её взгляд встречается с глазами Элеоноры.

Никакой открытой враждебности.

Лавиния не опускается до сцены и не показывает боли. Смотрит всего мгновение — сначала в лицо Элеоноры, потом на руку Винсента у её талии.

Кончики пальцев в белой перчатке отчётливо выделяются на бледно-зелёном муслине.

Элеоноре становится стыдно, словно это она публично отнимает чужое место. Она невольно отстраняется, но рука Винсента следует за движением, продолжая удерживать в танце.

Лавиния замечает и это.

Проходит мимо, не изменив выражения лица.

— У неё есть партнёр, — отвечает Винсент.

Его внимание всё ещё следует за Лавинией, однако ладонь остаётся на талии Элеоноры.

— Потому что вы прошли мимо неё.

— Лорд Карстерс вполне достойный танцор.

— Дело не в его способностях.

Элеонора произносит это тише. Прежний огонь в глазах не гаснет, но теперь направлен не только на Винсента. Часть её гнева обращается на себя — за то, что она позволяет наслаждаться их поединком, пока другая женщина становится его невольной жертвой.

Винсент медленно возвращает к ней лицо.

Между ними снова возникает напряжение, но теперь в нём появляется третий человек.

Его пальцы всё ещё ощущают талию Элеоноры.

Её ладонь всё ещё лежит на его плече.

А взгляд Лавинии остаётся с ними даже после того, как серебристое платье исчезает среди других пар.

— Вы должны жениться на ней.

Он не сразу понимает.

Брови медленно сходятся, и Винсент чуть склоняет голову, стараясь расслышать за музыкой.

— Что?

— На леди Лавинии.

Элеонора произносит это тихо, чтобы слова не вышли за пределы их пары. Голос не дрожит. В нём звучит твёрдость приказа, хотя пальцы на плече Винсента сжимаются от внутреннего напряжения.

Он пристально смотрит на неё.

Сначала будто проверяет, не шутит ли она. Затем замечает серьёзность в ореховых глазах.

— Должен?

Одно короткое слово звучит опаснее длинного возражения.

Рука на талии остаётся неподвижной, а плечо под ладонью Элеоноры делается твёрже. Винсент всё ещё ведёт её по кругу, но движения теряют прежнюю плавность.

Элеонора чувствует предупреждение и всё равно продолжает:

— Вы прекрасно знаете, чего от вас ожидают.

— Я не спрашивал об ожиданиях.

Он отворачивается на мгновение, окидывая взглядом гостей, будто их мнение действительно не заслуживает внимания.

— Именно в этом ваша беда.

Винсент снова смотрит на неё.

В уголках его рта появляется движение, но не улыбка. Скорее неверие в то, что девушка, которую ему даже не представели должным образом, позволяет себе рассуждать о его бедах.

Элеонора делает шаг. Боль в пятке отзывается горячим уколом, однако она не морщится.

— Вам нельзя больше тянуть, — продолжает она. — Сделайте ей предложение сегодня.

Пальцы Винсента на её талии напрягаются.

— Сегодня?

— После танцев. На террасе. Где пожелаете.

Элеонора говорит всё быстрее, потому что гнев придаёт ей смелости.

— Но сделайте.

Винсент останавливается.

Музыка продолжает звучать. Соседние пары проходят мимо, вынужденные огибать их, словно неподвижную колонну. Одна девушка удивлённо поворачивает голову, её партнёр шепчет предупреждение, и они продолжают танец.

Винсент больше не двигается.

Ладонь на талии Элеоноры сжимается и одним резким движением притягивает её ближе.

Она едва успевает переставить здоровую ногу.

Расстояние между ними исчезает.

Лиф платья почти касается его фрака. Пальцы Элеоноры скользят по плечу и впиваются в ткань, пытаясь удержать равновесие. Она чувствует тепло его тела, слышит резкий вдох и видит, как настоящая злость проступает сквозь привычное спокойствие.

Улыбка исчезает.

Челюсть напрягается так сильно, что на щеке обозначается резкая линия. Ноздри раздуваются. В серых глазах возникает холодный блеск, от которого большинство людей немедленно вспоминает о необходимости держать язык за зубами.

Элеонора не вспоминает.

— Не смейте мне указывать!

Его дыхание касается её лица.

Элеонора упирается ладонью в плечо, пытаясь вернуть положенное расстояние. Винсент удерживает слишком крепко. Не причиняет боли, однако не позволяет отстраниться.

Это должно пугать.

Вместо страха внутри вспыхивает ответная ярость. Элеонора поднимает подбородок и встречает его взгляд, не моргнув.

— Кто-то должен.

Его глаза сужаются.

Со стороны их неподвижность выглядит почти интимной.

Внук герцогини держит девушку значительно ближе, чем остальные кавалеры держат своих партнёров. Склоняется к её лицу. Элеонора отвечает ему, не опуская глаз. Их губы движутся, но за музыкой невозможно разобрать ни единого слова.

Поэтому зал с готовностью придумывает собственные.

Музыканты начинают играть тише, поглядывая на остановившуюся пару. Месье Дюваль хмурится и жестом показывает Винсенту продолжать фигуру.

Тот не замечает.

Луиза забывает о капитане Морли. Поворачивается всем корпусом и едва не выскальзывает из его рук.

Маргарет хватается её взглядом и едва заметно качает головой, но сама прижимает веер к губам.

Хью делает шаг от стены.

Лицо становится неподвижным. Карие глаза больше не кажутся добрыми и безопасными. Они следят за рукой Винсента на талии Элеоноры и за тем, как та пытается увеличить расстояние.

Леди Вейл хватается за запястье сестры.

— Что он делает?

Пальцы Марианны холодны даже сквозь перчатку.

Беатрис не отвечает сразу. Она внимательно изучает лицо племянницы: вздёрнутый подбородок, яркий румянец, прямой взгляд.

— Пока разговаривает, — наконец произносит она. — Молись, чтобы этим и ограничился.

Гонория не двигается.

Только пальцы медленно обхватывают серебряную рукоять трости. Она видит настоящую злость на лице внука и не понимает, что именно была способна сказать ему Элеонора за несколько минут знакомства.

Лавиния замечает остановку.

Её улыбка остаётся на губах, но лицо становится ещё блее. Лорд Карстерс что-то спрашивает. Она отвечает не сразу, продолжая смотреть на Винсента.

В центре всех этих взглядов он видит только Элеонору.

— Мне двадцать девять лет, — произносит Винсент сквозь зубы. — Я не мальчик, которого бабушка выводит за руку к выбранной невесте.

— Иногда вы ведёте себя значительно младше.

Элеонора отвечает без паузы.

Его ноздри раздуваются от резкого вдоха.

На миг кажется, что он скажет нечто непростительное. Рука на талии прижимает сильнее, заставляя Элеонору ощутить ярость не только в голосе.

— Я мужчина, мисс Вейл.

Слова звучат низко, почти грубо.

Он склоняется ближе, и Элеоноре приходится запрокинуть голову, чтобы не отвести глаз.

— И сам сделаю выбор. Предложение получит женщина, которую я полюблю. Не та, на которую указывает бабушка, общество или девушка, знакомая со мной меньше часа.

Последние слова почти обжигают лицо.

Элеонора смотрит на него, забыв о готовом ответе.

Гнев в её глазах сменяется неподдельным удивлением. Пальцы на его плече немного разжимаются.

— Вы не любите Лавинию?

Винсент молчит всего мгновение.

Лицо становится замкнутым, но ответ звучит без колебаний:

— Нет.

Элеонора моргает.

Ей кажется, будто пол снова ненадёжно качнулся под ногами.

Она была уверена, что всё решено. Теперь выясняется, что для Винсента всё это ничего не означает.

— Но вы касались её.

Брови Винсента сходятся.

— Что?

В голосе звучит такое искреннее недоумение, что Элеонора сердится ещё сильнее.

— В оранжерее. — Она понижает голос. — Голой рукой.

Понимание возникает в его глазах.

Вместе с ним возвращается насмешка, но теперь она смешивается с остатками ярости. Такое сочетание делает лицо почти опасным.

— Вы снова об этом.

Винсент чуть отклоняет голову. Ему не верится, что разговор о собственной женитьбе возвращается к застёжке жемчужного ожерелья.

— Разумеется, снова. — Элеонора сердито сдвигает прядь с лица. — Вы не можете прикасаться к женщине подобным образом, а потом заявлять, что не любите её.

— Могу, как выясняется.

Он отвечает сухо.

Губы Элеоноры размыкаются..

Винсент склоняется ближе.

Его рот оказывается возле её виска. Со стороны кажется, будто он говорит нечто нежное или почти касается губами выбившейся каштановой пряди.

Хью сжимает руки в кулаки.

Лавиния отводит лицо от партнёра.

Элеонора чувствует горячее дыхание у самой кожи.

— Это ничего не значило, — шепчет Винсент.

Она замирает.

Несколько мгновений потрясение лишает дара речи. Вальс, гости и боль в ноге исчезают. Остаётся только эта фраза.

Ничего.

Его прикосновение к Лавинии. Её поднятые волосы. Близость в оранжерее.

Ничего.

Элеонора отстраняет голову настолько, насколько позволяет его рука, и смотрит ему в лицо.

Брови медленно поднимаются. В ореховых глазах разгорается такой яркий гнев, что Винсент почти улыбается.

— Что значит — ничего?

— Именно то, что я сказал.

Он произносит это спокойно, но взгляд уже внимательнее. Ему нравится, как вспыхивает её лицо. И одновременно начинает раздражать, что Элеонора придаёт прикосновению к Лавинии больше значения, чем он сам.

— Для вас — ничего? — Она почти выплёвывает слова. — А для неё?

— Спросите у Лавинии.

— Это ваша обязанность!

Голос Элеоноры становится громче.

Несколько ближайших пар поворачивают головы.

Винсент сжимает её ладонь, предупреждая. Его взгляд быстро скользит по залу, затем возвращается к ней.

Элеонора переводит дыхание и продолжает почти беззвучно:

— Вы касаетесь женщины так, будто между вами существует обещание, а потом проходите мимо неё перед всеми. И всё это ничего не значит?

— Одно прикосновение не компрометирует женщину.

— Вы стояли у неё за спиной!

— В оранжерее половина дверей оставалась открыта, а Лавиния не лишалась ни одной детали туалета, кроме застрявшей пряжи.

— Вы говорите так, будто для скандала этого недостаточно.

— Недостаточно.

Уверенность в его голосе оскорбляет Элеонору сильнее ответа.

Она прищуривается.

— И чего же, по-вашему, достаточно?

Винсент смотрит на неё.

Вопрос уже произнесён.

Оба понимают, что Элеоноре следовало остановиться раньше.

В серых глазах появляется тёмное веселье. Гнев не исчезает, а превращается во что-то более чувственное и опасное.

— Вы действительно хотите знать?

Его пальцы слегка перемещаются на её талии, снова задавая ритм.

Элеонора выпрямляется.

— Я хочу понять, насколько далеко простирается ваше представление о приличиях.

— Значительно дальше прикосновения к застёжке.

Он наконец ведёт её в медленный поворот. Они почти не продвигаются по залу, зато движение скрывает разговор. Винсент удерживает Элеонору близко, а ей приходится смотреть ему в лицо, чтобы не потерять равновесие.

— Даже поцелуя недостаточно, — произносит он.

Элеонора резко вдыхает.

Пальцы на его плече замирают.

— О поцелуе не может идти и речи!

— Вы спрашиваете, что способно по-настоящему скомпрометировать девушку.

— Я не спрашивала о поцелуях.

— Но они вас заинтересовали.

Винсент произносит это с почти ленивой мягкостью. Только взгляд становится острее.

— Ничуть.

Ответ звучит слишком поспешно.

Он замечает.

Его глаза опускаются к её губам.

Румянец вспыхивает на щеках Элеоноры. Она пытается отвернуться, но новый шаг снова поворачивает их лицом друг к другу.

— Чтобы общество вынудило мужчину жениться, — продолжает Винсент, — одного поцелуя обычно мало.

Он делает паузу.

Взгляд всё ещё остаётся на её губах.

— Нужна запертая дверь. Свидетели. Обстоятельства, которые невозможно объяснить случайностью.

Элеонора чувствует, как собственное воображение предательски наполняет паузы. Запертая дверь. Пустая комната. Мужчина, стоящий так близко, как Винсент стоит сейчас.

Его рука на талии.

Его дыхание на лице.

Пальцы Элеоноры напрягаются на плече.

— Вы отвратительны.

У Винсента вырывается тихий смех.

Не добродушный. В нём есть раздражение и нечто более тёмное, от чего сердце Элеоноры начинает биться быстрее.

Она чувствует вибрацию смеха под ладонью, лежащей на его плече.

— Вы удивительно невинны для женщины, которая столь уверенно распоряжается моей женитьбой.

— Невинность не мешает распознавать негодяя.

— А опыт, полагаю, мешал бы?

Элеонора вспыхивает ещё сильнее.

Винсент наблюдает с откровенным интересом. Ему нравится не только её гнев. Нравится, как ярко она ощущает каждое слово, как пытается не показать смущение и всякий раз выдаёт его новым вызовом.

Он склоняется ещё ближе.

Теперь лица разделяет лишь несколько дюймов.

Со стороны кажется, что маркиз собирается коснуться губами её виска.

Хью делает ещё один шаг, но капитан Морли осторожно касается его локтя.

— Не здесь, — тихо предупреждает он.

Хью сбрасывает руку. Грудь тяжело поднимается, однако он останавливается. Вмешательство посреди танца привлечёт ещё больше внимания и окончательно погубит имя Элеоноры.

Лавиния тоже видит, насколько близко Винсент склоняется к другой женщине.

В её руке тихо трескается пластина веера.

Она опускает глаза, пряча короткую вспышку ярости.

— Когда безумно хочешь поцеловать женщину, — шепчет Винсент, не отрывая взгляда от губ Элеоноры, — здравый смысл редко спрашивают.

У неё перехватывает дыхание. На одно страшное мгновение Элеонора думает, что он наклонится ещё ближе.

Будто он не просто рассуждает о поцелуе.

Хочет его.

Не у запертой двери и не в тёмной оранжерее. Здесь, посреди галереи, на глазах у матери, герцогини, Лавинии и Хью.

Это понимание пугает.

И зажигает внутри ответное пламя, которое Элеонора немедленно принимает за ярость. Она поднимает подбородок и сама сокращает последний дюйм между их лицами.

Теперь Винсент чувствует её дыхание на губах.

Насмешка исчезает.

Он ожидал нового возмущения, а не этого встречного движения.

Зрачки расширяются, пальцы на талии Элеоноры замирают. Несколько мгновений Винсент просто смотрит на неё, словно впервые не знает, что делать дальше.

— Если вы считаете, что можете целовать девушек направо и налево, то ошибаетесь, — произносит Элеонора.

Голос едва слышен, но не дрожит.

Она смотрит на Винсента снизу вверх, не отводя глаз. Внутри всё требует увеличить расстояние, отвернуться, закончить разговор прежде, чем он станет ещё опаснее. Вместо этого Элеонора остаётся неподвижной в его руках.

Сердце ударяется о рёбра.

Слишком сильно. Элеоноре кажется, что Винсент должен почувствовать этот удар через расстояние, разделяющее их тела. Дыхание становится поверхностным, но она не позволяет себе отступить.

— А если хотите поцеловать конкретно меня, милорд, вот что вам следует сделать.

Винсент перестаёт дышать.

Не переносно — дыхание действительно замирает у него в груди.

В серых глазах вспыхивает недоверие.

Винсент смотрит на неё так, будто подозревает, что неправильно расслышал. Потом замечает румянец, частое дыхание и напряжённую решимость в её лице.

Она произнесла это всерьёз.

Недоверие сменяется жаром, который он уже не успевает спрятать.

Зрачки расширяются. Взгляд снова падает на её рот и задерживается там значительно дольше, чем позволяют приличия.

Элеонора Вейл говорит о собственном поцелуе.

Прямо ему.

В самом центре зала.

На глазах у матери, герцогини, Лавинии и Фэрчайлда.

На короткое, ослепляющее мгновение Винсент забывает обо всех них.

Видит только её лицо. Приоткрытые губы. Каштановую прядь, лежащую вдоль разгорячённой щеки. Тонкую шею и частое движение пульса у основания горла.

Ему достаточно склониться совсем немного.

Рука уже лежит на её талии. Элеонора не отступает. Наоборот — сама поднимается к нему навстречу, и это движение вызывает в Винсенте такую сильную, почти яростную вспышку желания, что пальцы невольно сжимаются.

Он представляет поцелуй раньше, чем успевает запретить себе.

Представляет, как исчезнет её вызывающее выражение. Как она замолчит хотя бы на одно мгновение. Как губы, произносящие столько колкостей, окажутся под его губами.

А затем — как Элеонора, скорее всего, снова начнёт спорить, едва получит возможность дышать.

Последняя мысль не охлаждает желание.

Только делает его сильнее.

Злость, интерес и внезапное влечение сталкиваются в лице Винсента, лишая привычной невозмутимости. Он больше не похож на человека, заранее знающего ответ на любой вопрос.

Элеонора видит каждую перемену.

Собственные слова внезапно становятся слишком реальными. Она чувствует, как его рука удерживает талию, как под её ладонью напрягается плечо, как близко находятся его губы.

Со стороны Винсент и Элеонора выглядят так, словно весь танец существует только затем, чтобы позволить им стоять друг напротив друга.

Гонория подаётся вперёд.

Её пальцы медленно сжимаются на серебряной рукояти трости. Она слишком далеко, чтобы слышать слова, но видит лицо внука и понимает: мисс Вейл только что сказала нечто, способное лишить Винсента дара речи.

До сегодняшнего вечера Гонория не подозревала, что такое возможно.
Леди Вейл бледнеет.

Она видит, насколько близко склоняется Винсент, видит руку на талии дочери и то, как Элеонора сама тянется к нему. Веер выскальзывает из пальцев, но Беатрис успевает поймать его прежде, чем тот падает на пол.

— Они сейчас... — шепчет Марианна.

— Нет, — отвечает Беатрис.

Она говорит уверенно, хотя сама уже не вполне убеждена.

Хью отталкивается от стены.

Всё его тело напрягается. Он не слышит разговора, но знает Винсента достаточно хорошо, чтобы распознать желание в его лице. Ещё шаг — и Хью окажется рядом.

Капитан Морли замечает движение и перехватывает его за локоть.

— Подождите.

— Уберите руку.

Хью говорит тихо, не отрывая глаз от Элеоноры.

Лавиния тоже смотрит.

Лорд Карстерс что-то говорит ей, но она не отвечает. Веер в руке уже сломан, одна пластина впиивается в ладонь, однако Лавиния не замечает боли.

В центре всего этого Винсент наконец находит голос.

— И что же? — спрашивает он.

Голос становится хриплым.

Элеонора слышит произведённое впечатление.

Теперь преимущество принадлежит ей.

До этой минуты Винсент направлял каждое движение. Решал, насколько близко они стоят, куда поворачивают и когда разговор становится опаснее.

Теперь он ждёт её ответа.

Элеонора медленно высвобождает пальцы с его плеча.

Винсент прослеживает движение. На мгновение ему кажется, что она собирается прикоснуться к его лицу или шее.

Эта возможность заставляет челюсть напрячься.

Но Элеонора кладёт ладонь ему на грудь.

Под перчаткой ощущается жилет, плотная ткань рубашки и сильное, быстрое биение сердца.

Винсента.

Не только её.

Элеонора не ожидала, что он выдаст себя настолько ясно. Не ожидала, что мужчина, который всё это время улыбался её смущению, сам окажется не способен сохранить спокойствие.

Пальцы невольно расправляются у него на груди, будто она хочет убедиться, что не ошибается.

Сердце ударяет снова.

Винсент опускает глаза к её ладони.

Он чувствует тепло прикосновения даже сквозь несколько слоёв одежды. Каждый палец Элеоноры лежит отдельно, твёрдо, словно удерживает не его тело, а самого Винсента на месте.

Это придаёт ей смелости.

Она поднимает глаза.

Больше не думает о поцелуе. Не позволяет себе думать.

— Прямо сейчас объявите всем о нашей помолвке.

Первые мгновения Винсент словно не понимает слов.

Он ждал совершенно иного.

Предупреждения. Условия о приличиях. Возможно, новой колкости. На одно безумное мгновение ему даже показалось, что Элеонора скажет, где и когда поцелуй станет возможен без свидетелей.

Вместо этого она требует брака.

Желание в его глазах застывает.

Винсент медленно моргает. Брови поднимаются, на лбу появляется короткая складка.

— Что?

Слово едва слышно.

Элеонора видит потрясение и понимает, что попала точно в цель.

Он готов говорить о поцелуях. Готов держать её в центре зала, смущать и проверять, насколько близко может подойти.

Но не готов отвечать за собственное желание.

Элеонора продолжает, отчётливо произнося каждую фразу:

— Здесь. В центре зала.

Она коротко обводит взглядом гостей.

Почти все смотрят на них.

Луиза замерла в руках капитана Морли. Маргарет прижимает веер к губам. Хью стоит всего в нескольких шагах. Лавиния кажется неподвижной серебряной статуей. Герцогиня поднялась с кресла, а леди Вейл держится за руку сестры.

Элеонора снова смотрит на Винсента.

— Позовите свою бабушку, мою мать и всех остальных.

Её ладонь остаётся у него на груди. С каждым словом пальцы давят сильнее, не позволяя ему снова склониться и превратить серьёзность в очередную игру.

— Скажите, что выбираете меня и намерены сделать своей женой.

У Винсента расширяются глаза.

Он больше не смотрит на её губы.

Теперь взгляд прикован к глазам, в которых нет ни робости, ни надежды. Элеонора не мечтает стать маркизой. Не ожидает, что он согласится. Даже не просит.

Она требует.

Ставит перед ним единственную цену, которую считает достаточной за право приблизиться к ней.

Жар не исчезает. К нему присоединяется ярость.

Элеонора не предлагает себя.

Она бросает вызов.

С такой же беспощадностью, с какой он загнал её в этот танец, теперь она загоняет его к воображаемому алтарю.

Он не привык, чтобы им руководили. Бабушка пытается всю жизнь, отец — с переменным успехом, общество — без всякого результата.

— Вы обезумели, — выдыхает Винсент.

В голосе слышатся гнев, недоверие и всё ещё не исчезнувшее желание.

Элеонора понимает: впервые за вечер ему нечем прикрыться — ни титулом, ни насмешкой, ни безукоризненными манерами.

И потому улыбается.

— Возможно. Вам ведь нравится, как я выгляжу в подобном состоянии.

Элеонора возвращает ему собственные слова с безжалостной точностью.

На губах появляется слабая улыбка. Ореховые глаза блестят, подбородок поднят. Она знает, что зашла слишком далеко, но отступать теперь значит признать: Винсент может загнать её в центр зала, заставить краснеть и навязывать условия, оставаясь единственным участником, которому всё позволено.

Больше нет.

Теперь смущаться будет он.

Винсент стискивает челюсть.

Она медленно вдыхает.

— Затем добудьте специальную лицензию, — продолжает Элеонора.

Винсент поднимает глаза к её лицу.

На мгновение выражение становится почти непонимающим. Он всё ещё находится мыслями возле её губ и не успевает последовать за внезапным поворотом разговора.

— Приведите священника, — говорит она, отчётливо выговаривая каждое слово. — Женитесь на мне и сделайте своей.

Последние два слова звучат тише.

Почти шёпотом.

Элеонора не собиралась выделять их. Голос сам стал ниже, потому что лишь после произнесения она понимает, насколько двусмысленно звучит требование.

Сделайте своей.

Слова остаются между ними, превращая воздух в нечто густое и горячее.

Они действуют на Винсента сильнее всех предыдущих.

Взгляд темнеет.

Зрачки расширяются, почти скрывая серый цвет глаз. Даже гнев на несколько мгновений отступает перед яркой, совершенно непрошеной картиной.

Ладонь на талии Элеоноры невольно сжимается.

Винсент притягивает её ближе прежде, чем понимает, что делает.

Лиф касается его груди. Ладонь Элеоноры оказывается зажатой между их телами, и теперь каждый удар сердца чувствуется ещё отчётливее.

Она резко вдыхает.

На одно короткое мгновение он представляет сказанное не как нелепое требование, предназначенное поставить его на место.

Как возможность.

Элеонора под его именем.

Не мисс Вейл, о которой он почти ничего не знает, а леди Ривенхолл. Женщина, имеющая право стоять рядом, спорить за его столом, смотреть на него в собственном доме с тем же пламенным негодованием.

Он видит её в семейной галерее среди суровых портретов Харкорта. Каштановая прядь всё так же выбивается из причёски и вносит живой беспорядок в безупречность холодных комнат.

Видит в своей библиотеке. Элеонора сидит в его кресле без разрешения, переворачивает страницы и доказывает, что он неправ даже тогда, когда не понимает предмета.

Видит за столом напротив бабушки. Гонория пытается командовать, а Элеонора улыбается тем особенным образом, который предупреждает о скором неповиновении.

Потом воображение пересекает границу, за которой нет ни семьи, ни гостей.

Их спальня.

Элеонора без старого зелёного платья. Без белых перчаток и десятков обращённых глаз. Каштановые волосы уже не собраны, а рассыпаны по обнажённым плечам.

Она всё равно спорит.

Только голос становится тише, губы оказываются ближе, а между телами больше нет ни муслина, ни сукна, ни расстояния.

Винсент представляет, как наконец заставляет её замолчать поцелуем.

Картина возникает слишком быстро.

И оказывается слишком желанной для мысли о женщине, которую он впервые держит в руках.

Винсент перестаёт слышать музыку.

Не замечает движущихся вокруг пар. Не чувствует обращённых взглядов. Даже большое самолюбие на мгновение исчезает.

Остаётся лишь Элеонора, прижатая к нему, и её тихое «сделайте своей».

Она чувствует, как напрягается его тело.

Элеонора видит, как взгляд Винсента проходит по лицу, задерживается на губах, опускается к шее и возвращается обратно.

Понимание вспыхивает мгновенно.

Она знает, о чём он думает.

Может не видеть подробностей, но узнаёт выражение мужчины, который перестаёт воспринимать слово «своей» как юридическое понятие.

Жар поднимается до корней волос.

Собственные мысли следуют за его взглядом и на мгновение становятся не менее опасными. Элеонора представляет, каково это — действительно принадлежать мужчине, который держит её сейчас. Просыпаться рядом. Спорить без свидетелей. Чувствовать ту же руку не на ткани платья, а на коже.

Воображение пугает настолько, что ей хочется немедленно оттолкнуть его.

Но Элеонора не отступает.

Если Винсент намерен смущать её, он будет смущён сам.

Она выдерживает его потемневший взгляд и сохраняет ладонь у него на груди, хотя собственные пальцы начинают дрожать.

— Если вы не способны на это, — говорит она.

Голос в первые мгновения оказывается тише, чем хотелось бы. Элеонора делает вдох и продолжает твёрже:

— Не мешайте порядочным джентльменам ухаживать за мной.

Слова разрушают картину в сознании Винсента.

Спальня, распущенные волосы и Элеонора под его именем исчезают.

Остаётся Фэрчайлд.

Взгляд Винсента мгновенно перемещается через её плечо.

Хью стоит всего в нескольких шагах.

Теперь уже никто не удерживает его от приближения. Он не скрещивает руки и не пытается придать лицу безмятежность. Руки опущены вдоль тела с той особенной неподвижностью, которая предшествует удару. Пальцы правой медленно сгибаются и снова выпрямляются.

Хью смотрит не на Элеонору.

На ладонь Винсента, сжимающую её талию.

При встрече с ним глазами в лице Хью не появляется ни страха, ни почтительности перед титулом. Только холодное предупреждение.

Если Элеонора попросит, он вмешается.

Винсент понимает это.

И понимает другое: она доверяет Хью достаточно, чтобы позволить ему вмешаться.

Гнев возвращается мгновенно.

Теперь он острее прежнего, потому что рождается не только из неповиновения. В нём появляется собственническое чувство, на которое Винсент не имеет ни малейшего права.

Пальцы на талии невольно сжимаются.

— И не ставьте двух женщин и одного мужчину в унижительное положение только потому, что вам захотелось развлечься, — заканчивает она.

Каждое слово возвращает их в центр зала.

К Лавинии, по-прежнему танцующей с лордом Карстерсом.

К Хью, готовому защищать женщину, которая ему даже не обещана.

К самой Элеоноре, ставшей предметом любопытства наследника герцога.

Винсент снова смотрит на неё.

Лицо застывает.

Желание всё ещё остаётся в глазах, но теперь оно смешивается с подозрением.

— Вы угрожаете мне Фэрчайлдом?

Винсент чуть склоняется, заставляя Элеонору слышать каждое слово. Ноздри раздуваются, челюсть снова становится жёсткой. Он произносит фамилию старого друга так, словно та неожиданно приобретает неприятный вкус.

— Я ничего вам не обещала, поэтому не обязана угрожать.

Элеонора отвечает спокойно.

Лишь приподнимает брови, позволяя ему самому услышать нелепость претензии.

Винсент стоит, тяжело дыша, с опущенными руками.

Привычное самообладание исчезает. Тёмные волосы у виска слегка растрепались, на скулах проступил цвет, а серые глаза остаются прикованными к Элеоноре.

Он ещё чувствует её ладонь на груди.

Ещё слышит слова «сделайте своей».

Ещё видит Хью за её плечом.

И не понимает, какое из этих трёх обстоятельств злит сильнее.

Элеонора смотрит на него последнее мгновение.

Затем вырывается из его рук и наклоняется.

По залу проходит единый потрясённый вздох.

Леди Вейл хватается за грудь.

— Нет...

Элеонора приподнимает подол лишь настолько, чтобы дотянуться до ленты на щиколотке. Пальцы дрожат, узел не поддаётся. Она чувствует на себе сотни взглядов, слышит, как кто-то роняет веер, но не поднимает головы.

Если этот вечер всё равно превратился в скандал, она хотя бы сама решит, чем он закончится.

Элеонора резко дёргает ленту и снимает туфлю.

На белом чулке возле пятки проступает красное пятно.

Винсент замечает его. Ярость на его лице сменяется потрясением. Он вспоминает её судорожный вдох во время танца, пальцы, впившиеся в его плечо, короткие шаги, которые она пыталась скрыть.

Он делает движение к ней.

— Мисс Вейл...

В его голосе впервые нет насмешки.

Элеонора замирает, но не смотрит на него. Если сейчас увидит раскаяние в его глазах, решимость может покинуть её.

Она снимает вторую туфлю и выпрямляется.

Теперь Элеонора стоит посреди герцогской галереи в одних чулках, держа туфли за ленты. Щёки горят, дыхание сбилось, каштановая прядь прилипла к виску.

Луиза прижимает ладонь ко рту. Маргарет смотрит на подругу с ужасом и невольным восхищением. Леди Вейл бледнеет так сильно, что Беатрис вынуждена подхватить её под локоть.

— Она стоит в чулках, — выдыхает Марианна.

— Зато стоит сама, — тихо отвечает Беатрис.

Герцогиня медленно поднимается с кресла. Её пальцы крепче обхватывают рукоять трости, но в глазах появляется не возмущение — интерес.

Многие девушки теряют достоинство ради внимания её внука. Но ни одна ещё не снимала туфли и не уходила от него через весь зал.

Хью направляется к Элеоноре и протягивает руку. В его лице нет осуждения, только тревога и готовность помочь.

Она смотрит на раскрытую ладонь и едва заметно качает головой.

Ей хочется опереться на него. Но тогда получится, что один мужчина загоняет её в центр зала, а другой выводит оттуда.

Элеонора уйдёт сама.

Хью понимает. Опускает руку, но остаётся рядом — достаточно близко, чтобы подхватить её, если больная нога не выдержит.

Элеонора поворачивается к Винсенту.

Он всё ещё стоит в центре галереи. Привычное самообладание исчезает. Серые глаза горят яростью, виной и тем желанием, которое её ультиматум не гасит, а лишь делает сильнее.

Его пальцы медленно сжимаются в кулак.

Винсент хочет остановить её. Потребовать, чтобы она вернулась. Закончить разговор, который она обрывает на своих условиях.

Но весь зал смотрит на него.

Любая попытка удержать Элеонору станет провальной.

Впервые титул не даёт Винсенту власти — он отнимает её.

Элеонора выпрямляет спину и приседает перед ним в коротком реверансе. Туфли покачиваются в её руке, серебряные пряжки тихо ударяются друг о друга.

— Доброй ночи, милорд.

Голос звучит ровно.

Винсент размыкает губы, но она не позволяет ему ответить.

Разворачивается и идёт к дверям.

Первый шаг отзывается болью, однако Элеонора не замедляется и не опускает головы. Гости молча расступаются перед ней. Слышны только шорох чулок по паркету и тихий звон пряжек.

Проходя мимо Лавинии, Элеонора на мгновение встречается с ней глазами и чуть склоняет голову.

Лавиния смотрит на туфли в её руке, затем на оставшегося позади Винсента. Холод в её лице впервые даёт трещину.

Винсент делает за ней один шаг — и останавливается. Он может приказать всему дому, но не может заставить её обернуться.

У дверей Элеонора слышит, как за спиной поднимается шёпот. Уже завтра весь Лондон узнает, что девушка в старом зелёном платье ушла от наследника герцога в одних чулках.

Но никто не сможет сказать, что она цеплялась за его внимание.

Элеонора не оборачивается.

Винсент вывел её в центр зала, намереваясь смутить.

А в итоге остался там один.

Для Элеоноры этот вечер окончен.

Глава 4

Для молодых незамужних гостей вдовствующая герцогиня распоряжается подготовить бывшую классную комнату в восточном крыле Олдервика.

Когда-то здесь учились дети семьи Харкорт. Теперь у дальней стены стоят три узкие кровати под лёгкими пологам, возле камина теснится умывальный столик, а старые карты Европы скрыты за голубыми шторами. Леди Вейл занимает соседнюю спальню, Беатрис — комнату

напротив. При таком количестве гостей даже в огромном доме приходится жертвовать уединением.

Ещё утром совместное размещение показалось девушкам подарком.

Теперь Элеонора мечтает остаться одна.

Она входит в спальню, закрывает дверь и несколько мгновений стоит, прижавшись к ней спиной. Туфли выпадают из ослабевших пальцев и с глухим стуком падают на ковёр.

Из-за двери доносится торопливый шорох юбок.

— Элеонора!

Она не успевает ответить. Луиза врывается в комнату первой, следом появляется Маргарет. Обе покидают галерею почти сразу за подругой, даже не дождавшись разрешения своих матерей.

Луиза захлопывает дверь обеими руками и тотчас поворачивает ключ. Металл дважды скребёт по замочной скважине — её пальцы дрожат слишком сильно, чтобы попасть с первого раза.

— Никого не пускаем!

Она прижимается спиной к двери, будто действительно намерена одна удерживать снаружи весь Олдервик. Голубые глаза распахнуты, грудь часто поднимается после торопливого подъёма по лестнице, а светлые локоны, ещё недавно уложенные с особенной тщательностью, рассыпаются вокруг разгорячённого лица.

Маргарет останавливается возле кровати и переводит дыхание. В отличие от Луизы, она не выглядит так, словно только что спасалась от пожара. Лишь непривычно яркий румянец на скулах да тёмная прядь, выбившаяся из причёски, выдают, как быстро она шла следом за Элеонорой.

— Через минуту сюда придёт леди Вейл, — замечает она, снимая перчатки короткими, точными движениями. — И я сомневаюсь, что дверь её остановит.

Луиза бросает через плечо настороженный взгляд.

— Её придётся впустить.

Элеонора всё ещё стоит у двери, прислонившись к деревянной панели затылком. Сердце колотится быстро и тяжело, в висках пульсирует, а руки остаются ледяными, несмотря на жар, охвативший лицо.

Ей кажется, что она всё ещё находится в галерее.

Что музыка ещё звучит. Что рука Винсента лежит у неё на талии. Что стоит поднять глаза — и она снова увидит его лицо на непозволительно близком расстоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.